…шко-Брешковскій.

Шпіоны и Герои

РОМАН…

…троградъ-
-Москва.

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ.

ШПІОНЫ И ГЕРОИ.

РОМАНЪ.

Книгоиздательство „ОСВОБОЖДЕНІЕ".
ПЕТРОГРАДЪ—МОСКВА.
1915.

Тип. Т-ва «Грамотность», Петроградъ, 5 Рождеств., 44.

1.

„По мелочамъ не охота размѣниваться!"

Ей всегда мерещилась жизнь въ упоительномъ блескѣ...

И, Боже мой, какіе это были манящіе, захватывающіе миражи! Всегда хотѣлось того богатаго и праздничнаго, о чемъ такъ хорошо пишутъ въ романахъ... Экзотическій пейзажъ съ пальмами, серебрящимися на солнцѣ, влажнымъ базальтовымъ берегомъ и полосою вѣчно теплаго, изумруднаго моря,—убѣгаетъ мимо зеркальныхъ оконъ бѣшено мчащагося экспресса... Автомобиль подкатываетъ къ дорогому отелю... Прохладный вестибюль съ холоднымъ мраморомъ колоннъ и некричащей, умѣренной позолотою...

Вотъ она смотрится сейчасъ въ дешевое, овальное зеркало надъ дешевымъ комодомъ такой же дешевой меблированной комнаты. И при слабомъ свѣтѣ одинокой лампочки неуютно и голо спускающейся съ потолка стеклянной грушею, она видитъ себя, точно большой медальонный портретъ. И пусть на ней болѣе чѣмъ скромный жакетъ, совсѣмъ не по холоду глубокой осени, пусть лишь гладкій черный фетръ приколотъ къ черным волосамъ, но если эти волосы распустить, они буйнымъ, тяжелымъ плащомъ прикроютъ и плечи, и спину, и грудь... И хотя ей двадцать шесть лѣтъ и у нея ребенокъ, однако, тѣло сохранило дѣвичью гибкость, и она, какъ пружина вороненой стали, перегнется назадъ, почти касаясь головою земли...

Собралась въ кинематографъ. Нудно коротать вечеръ одной-одинешенькой въ меблированной комнатѣ. Для театра необходимъ туалетъ, да и мѣста дороги. Ахъ, если-бъ она имѣла туалеты!.. На бѣдно одѣтую, красивую женщину

никто не обратитъ вниманія. Но, если на тебѣ ювелирная лавка, платье Пакэна и парикмахерскія щипцы поработали надъ фальшивыми локонами,—за тобой побѣгутъ и простятъ вздернутый носъ, и косые глаза, и твои сорокъ лѣтъ и твою «золотую» улыбку.

На диванѣ, прикрытый дырявымъ пледомъ, свернувшись въ комочекъ, спитъ сынъ... Ровно подстриженные волосы, будто у маленькаго пажа въ феерíи, такіе же темные, какъ у матери, падаютъ на блѣдный лобикъ. Красивое, тонкое личико. Одна ручонка разжалась, другая уперлась кулачкомъ въ подбородокъ.

Что его ждетъ, мальчика?

Проголодь, пичканье чайной колбасой и дешевымъ сыромъ изъ сливочной...

О дальнѣйшемъ правильномъ воспитаніи, которое сдѣлало бы изъ него человѣка, и думать не хотѣлось,—такъ это страшно... Мать склонилась надъ сыномъ, и не успѣли губы коснуться бѣлаго, чистаго лобика съ нѣжно-синеватыми жилками на вискахъ,—стукъ въ дверь...

Вплыла хозяйка меблированныхъ комнатъ, полная, увядшая особа въ пунцовомъ, не особенно чистомъ капотѣ, съ крупными серьгами въ ушахъ и съ дымящейся папироскою.

— Добрый вечеръ, мадамъ Ливинская... Я не помѣшала?

— Да, я хотѣла выйти. Ненадолго,—въ кинематографъ.

— Отчего же не разсѣяться, не развлечься молодой женщинѣ?.. Кинематографы вошли въ моду. Тамъ теперь бываетъ шикарная публика. Даже, пишутъ въ газетахъ,—«рандеву всего Петербурга».

Особа въ капотѣ, сдѣлавъ затяжку и выпятивъ мясистыя губы, пустила такое правильное колечко дыма, — любой военный писарь позавидовалъ бы.

И вмѣстѣ съ этимъ колечкомъ уплыла неоффиціальная, вступительная часть бесѣды. Дряблое, подмазанное, съ

двойнымъ подбородкомъ лицо стало озабоченнымъ, и хрипловатыя басовыя нотки зазвучали внушительно.

— Мадамъ Ливинская, я дѣлаю вамъ послѣднее предупрежденіе! Мой основной принципъ,—да, принципъ, — аккуратное полученіе денегъ за комнаты!. Я сама вношу въ домовую контору, день въ день, часъ въ часъ. Вы затянули почти на мѣсяцъ. Такъ нельзя!.. Богъ мой, освободите въ такомъ случаѣ комнату! Тридцать пять рублей— вовсе не такія ужъ деньги! Дивлюсь я на васъ, честное слово! Особа вы молодая, интересная... Здѣсь, въ Петербургѣ, такая яркая красота—на вѣсъ золота. У меня первый нумеръ отставной генералъ занимаетъ...

Молодая женщина, все время съ опущенными вѣками покусывавшая губы маленькаго рта, подняла большіе темные глаза съ такимъ широкимъ разставомъ, какъ у Мадонны, писанной древнимъ итальянцемъ. И въ этихъ глазахъ были гнѣвъ и обида.

— Я уже не въ первый разъ слышу объ этомъ солидномъ отставномъ генералѣ съ пенсіей... Конечно, вы можете оскорблять меня, потому что у меня нѣтъ денегъ, и я не могу съѣхать.

— Э, милая моя! Будетъ вамъ фасонъ держать... Извините меня, какая ужъ тутъ честь, коли нечего ѣсть!.. Я, вѣдь, такъ по добротѣ, да по симпатіи къ вамъ. А въ сущности, какое мнѣ дѣло? Горды вы! Продешевить себя не хотите. По мелочамъ неохота размѣниваться. Падать съ коня, такъ съ хорошаго... Я васъ понимаю. А только мнѣ, ей-Богу, отъ этого не легче. Завтра первое, и я, хоть ты тресни, должна внести въ контору за мѣсяцъ триста шестьдесятъ рублей... И, какъ разъ, вашихъ тридцати пяти недостаетъ...

Ливинская покраснѣла отъ униженія, а главное, отъ сознанія, что эта, огонь, и воду и мѣдныя трубы прошедшая особа, въ концѣ концовъ, права. «По мелочамъ не-

охота размѣниваться». Попала!.. Въ самую точку сокровенныхъ мыслей попала, пройдошистая баба...

— Я попрошу у васъ еще два-три дня сроку...—молвила съ запинкою Ливинская. Стыдно было унижаться передъ этой... даже не подберешь сразу подходящаго слова.—Я сдѣлаю все возможное, чтобъ достать денегъ и разсчитаться съ вами.

Желая скорѣй оборвать эту сцену, Ливинская шагнула къ дверямъ. Но рыхлыя тѣлеса въ затрапезномъ капотѣ и не подумали сдвинуться съ мѣста. Хозяйка не спѣша выпустила новое колечко дыма.

Ливинская съ гнѣвнымъ блескомъ въ глазахъ, похорошѣвшая вдругъ, хотя и такъ была очень красива, потянулась къ ручкѣ дверей:

— Разрѣшите мнѣ уйти во всякомъ случаѣ!..

— Пожалуйста, пожалуйста... Я не только не удерживаю, а обѣими руками благословляю... Вы куда: въ «Паризіану», въ «Пикадилли»? И тамъ и тамъ шикарная публика. Если же относительно туалета, будьте спокойны. Васъ и въ тряпкахъ замѣтятъ. И манеры у васъ, ну, и воспитаніе чувствуется... Совѣтую въ «Паризіану»...

Швейцаръ, давно небритый и въ засаленной измятой ливреѣ, типичный швейцаръ лѣстницы безъ «настоящихъ господъ», а все съ «меблированными» жильцами, передъ которыми особенно угодничать не полагается: — шушеры мало ли всякой!—не шевельнулся даже... Ливинская сама открыла парадную дверь.

2.

Встрѣча съ „розовымъ господиномъ“.

Ее охватилъ Невскій, холодный, бодрящій, весь въ огняхъ, насыщенный пестрымъ шумомъ большой улицы. Все вмѣстѣ сливалось: и громыханье трамваевъ, и стонущія

сирены автомобилей, и говоръ, и глухой стукъ копытъ и, дребезжанье колесъ. Здѣсь вольнѣе и легче—среди этого гама, хаоса и вспыхивающихъ электричествомъ вывѣсокъ чѣмъ въ четырехъ стѣнахъ комнаты, чужой комнаты, изъ которой гонятъ за неплатежъ.

Розовые, синіе, зеленые и еще какихъ-то цвѣтовъ лампіоны вспыхивали, погасали, зажигались вновь, обращая вниманіе снующей по Невскому толпы на многообѣщающую и, само собою разумѣется, «сенсаціонную» программу. Все, чего хочешь,—на всякіе вкусы. Сначала—видовая, потомъ комическая: «Максъ Линдеръ—фокусникъ», «и «Сильная» драма въ четырехъ частяхъ—«Великосвѣтскіе авантюристы».

Громадный швейцаръ съ булавою и въ треуголкѣ, напоминающій тамбуръ-мажора былыхъ временъ, распахнувъ дверь, пропустилъ Ливинскую въ обширный, бѣлый съ гипсовыми каріатидами вестибюль, до боли въ глазахъ залитый яркимъ свѣтомъ. Навстрѣчу Ливинской—человѣческая волна скатывалась съ двухъ параллельныхъ лѣстницъ. Публика, дѣйствительно, «шикарная». Офицеры блестящихъ полковъ, нарядныя дамы и необыкновенно солиднаго вида мужчины, которые уѣдутъ отсюда въ собственныхъ колясках и автомобиляхъ.

— Вамъ какое мѣсто?

— Рублевое...

Синенькій билетъ легъ на резиновый шершавый кружокъ кирпично-краснаго цвѣта. Порывшись въ плоскомъ портмонэ, Ливинская пальцами въ штопанныхъ перчаткахъ вынула рубль.

На балконъ вела лѣстница «подъ мраморъ», устланная рыхлымъ ковромъ. Въ зрительномъ залѣ—темно. Билетерша, брызнувъ снопомъ электрическаго фонаря, посадила Ливинскую. Балконъ спускался амфитеатромъ, а внизу подъ нимъ—партеръ, густо усѣянный зрителями. Какія-то

фигуры склонялись другъ къ другу, и тамъ и сямъ слышался громкій шопотъ, не заглушаемый даже оркестромъ,

Кинематографъ, подобно всякому новому развлеченію вродѣ уже успѣвшихъ отцвѣсти скэтинговъ, породилъ новый флиртъ, новые романы и тѣ новыя приключенія. которыя зовутся у французовъ почему-то «галантными». Этотъ полумракъ способствуетъ своею интимностью знакомству, сближенію... Въ кинематографъ приходятъ въ верхнемъ платьѣ, наскоро. Забѣгаютъ на нѣсколько минутъ...

Максъ Линдеръ,—ему прислуживалъ бритый, безстрастный лакей въ вицъ-мундирѣ,—глоталъ птичекъ, и потомъ онѣ цѣлыми стаями выпархивали изо рта, къ удивленію публики, не только слѣдившей за нимъ съ экрана, но и наполнявшей зрительный залъ. Всему свѣту знакомое лицо со скошеннымъ лбомъ, громадными глазами и подвижной, какъ гуттаперча, маскою, строило уморительныя рожи... Подъ быстрые, захлебывающіеся звуки галопа смѣялись старички, дамы, генералы и гимназисты. Экранъ сразу сталъ серебристо-бѣлымъ. Сотни головъ и фигуръ и внизу, и наверху, и въ ложахъ, точно вынырнули вдругъ изъ потемокъ на яркій-яркій свѣтъ... И тогда только увидѣла Ливинская, что рядомъ съ нею сидитъ господинъ, одѣтый съ отмѣнной, хотя и тяжеловѣсной щеголеватостью людей, не только обладающихъ средствами, но и съ положеніемъ въ обществѣ. Новое драповое пальто, шитое у дорогого портного, несомнѣнно заграничнаго, вполнѣ отвѣчало послѣдней модѣ. Но безъ того пересола, которымъ любятъ пустить пыль въ глаза легкомысленные и пустые франты. Котелокъ—то же самое. Ни съ плоскими, ни съ закругленными, а въ мѣру загнутыми полями. Руки въ бѣлыхъ, свѣжихъ перчаткахъ опирались на камышевую трость съ массивнымъ золотымъ набалдашникомъ. Галстукъ не былъ дурного тона, однако, и не свидѣтельствовалъ о тонкомъ вкусѣ .его обладателя.

Насколько позволяло приличіе, краешкомъ глаза, какъ говорится, наблюдала своего сосѣда Ливинская. И первое, что ей бросилось—необыкновенно густой румянецъ умѣренно полнаго лица, чисто выбритаго, съ небольшими, свинцовой сѣдиною подернутыми усами. Человѣку, по худому счету, перевалило за сорокъ, и вотъ сберегъ же такой пылающій румянецъ!

Если молодая женщина въ любопытствѣ своемъ разглядывала сосѣда украдкою, въ границахъ, обязательныхъ для порядочной, или желающей казаться порядочной, женщины, то сосѣдъ,—мужчинамъ вѣдь все позволено,—уставился на нее прямо въ упоръ, съ самоувѣренной безцеремонностью пожившаго господина, съ такимъ же, какъ и самъ онъ, солиднымъ бумажникомъ. Онъ можетъ позволить себѣ роскошь выбирать и оцѣнивать, особенно, если предметъ наблюденія съ такой выгодной внѣшностью и въ такой, далеко несоотвѣтствующей красотѣ, оболочкѣ. Этотъ худой жакетъ, знакомый съ дождями и слякотью,—видавшій виды, хотя и ловко охватываетъ гибкую фигуру. Этотъ едва ли не порыжѣлый фетръ можетъ съ успѣхомъ носить «богемистый» мужчина, какой-нибудь художникъ, писатель. Но мужчина не сумѣлъ бы съ такимъ вдохновеннымъ вкусомъ использовать мягкіе изгибы полей, благодаря чему фетровая шляпа производитъ впечатлѣніе даже нарядной.

Розовый господинъ вынулъ массивный хронометръ, озабоченно самъ себѣ кивнулъ головой, оглянулся. Онъ могъ бы встать и уйти. Онъ высидѣлъ программу и то, что сейчасъ будетъ, уже видѣлъ. Но Ливинская внушила ему остаться. Она, не мигая, смотрѣла передъ собою, а сосѣдъ смотрѣлъ на ея профиль. Тонкій, почти правильный. Почти. Будь его линія точнѣе и строже, она была бы, пожалуй, скучна. А такъ,—мягкая неопредѣленность кое-гдѣ, въ рисункѣ носа въ особенности, дышала женственнымъ очарованіемъ...

Свѣтъ погасъ. На экранѣ Ливинская увидѣла то, что мерещилось ей...

...Теплое южное море, все трепещущее подъ луннымъ сіяніемъ, кавалькады амазонокъ и всадниковъ вдоль аллей съ цѣлыми оргіями пышно разросшихся, исполинскихъ кактусовъ... Бѣлыя, легкія, воздушныя виллы, ослѣпительно купающіяся подъ солнцемъ. Балъ въ посольствѣ, шитые золотомъ мундиры, фраки со звѣздами, съ цвѣтами въ петличкѣ, обнаженныя плечи изящныхъ дамъ... И все это сгинуло куда-то, и разсѣялся мракъ въ зрительномъ залѣ. И стало опять свѣтло. Пора уходить... Но что-то мѣшало подняться. И опять ей сдѣлалось стыдно, какъ тамъ, у себя въ комнатѣ, когда хозяйка, со свойственной этой бабѣ безцеремонностью, грубо уличила ее въ томъ, о чемъ неясно и ощупью, хотя все настойчивѣй и настойчивѣй думала Ливинская.

Неужели опять обтрепанный диванъ, — Богъ знаетъ, кто только на немъ не валялся, — дырявый плэдъ, прикрывающій сжавшееся въ комочекъ дѣтское тѣльце, и... этотъ гренадеръ въ капотѣ, съ вѣчной папиросой, пристающій относительно денегъ?.. Она умоляла ее обождать два-три дня. Но вѣдь это же только одна лишь отсрочка, самообманъ. И Ливинская осталась на своемъ мѣстѣ.

Розовый господинъ все нацѣливался, какъ бы ему поудобнѣй вступить съ этой незнакомкой въ бесѣду. Но— могутъ увидѣть, его знаютъ въ Петербургѣ, и, чего добраго, пойдутъ разговоры, что «почтенный и основательный» Августъ Вильгельмовичъ фонъ-Юстіусъ знакомится въ кинематографѣ съ дурно одѣтыми,— для него это самое главное, — женщинами. Августъ Вильгельмовичъ выждалъ потушенныхъ огней и тогда уже смѣло, «подъ прикрытіемъ», наклонившись въ сторону Ливинской, спросилъ на плохомъ русскомъ языкѣ:

— Я интересуюсь знать, какое есть у васъ впечатлѣніе отъ этой драмы?

— Она съ удовольствіемъ смотрится. Красивы и постановка и обстановка. Артисты хорошо играютъ, есть содержаніе... Словомъ—нравится,—просто, съ внѣшнимъ спокойствіемъ отвѣтила Ливинская, словно продолжая прерванный разговоръ съ добрымъ знакомымъ.

Но это спокойствіе стоило ей внутренняго волненія. Она вовсе не была святошею, на многое смотрѣла свободно. Но такъ знакомиться съ мужчинами—ей не приходилось.

— А мадамъ, вѣроятно, есть полька? — освѣдомился господинъ фонъ-Юстіусъ.

— Развѣ меня слишкомъ выдаетъ мой акцентъ?

— О, мое ухо умѣетъ ловить всякій акцентъ... Но я не могу раздѣлять ваше мнѣніе относительно этой драмы. Въ кинематографѣ я люблю смотрѣть игру нѣмецкихъ актеровъ. Эго есть настоящій классъ!..

— Вотъ ужъ, наоборотъ, по-моему!.. Нѣмецкія драмы слащавы, и, право же, всякій разъ хочется зѣвать...

— Ой!.. Почему такъ строго!—укоризненно покачалъ головою Августъ Вильгельмовичъ.—Но я предпочиталъ бы нашу симпатичную бесѣду пролонгировать въ другомъ, болѣе интересномъ мѣстѣ, если, конечно, мадамъ согласится подарить мнѣ одинъ часъ своего пріятнаго общества. Меня здѣсь ожидаетъ мой маленькій моторъ. Мы могли бы проѣхать куда-нибудь и взять свой ужинъ. Считаю долгомъ предупредить, что мое предложеніе не содержитъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Я не представляю изъ себя уличнаго Донъ-Жуана. Кромѣ того, я очень дальнозоркій человѣкъ и вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло. Разъ женщина съ вашимъ экстерьеромъ одѣта настолько скромно, то ей нельзя отказать въ уваженіи, хотя, конечно, такая особа—особа не-

практичная. Итакъ, я могу предложить, чтобы мы взяли маленькій ужинъ?

— Я согласна, поѣдемъ!..

3.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ.

И большой, черный автомобиль и упитанный бритый шоферъ въ мѣхахъ, съ которымъ Августъ Вильгельмовичъ объяснялся по-нѣмецки,—все это было такое же добротное и солидное, какъ самъ господинъ фонъ-Юстіусъ.

Сѣли. Августъ Вильгельмовичъ опустилъ шторы.

Другой на его мѣстѣ мужчина овладѣлъ бы руками Ливинской, прижалъ бы ее къ себѣ и, отыскавъ ея губы, не интересуясь, хотятъ или не хотятъ его ласкъ, сталъ бы ее цѣловать... Ливинская подавила пріятный вздохъ... Розовый господинъ откинулся на мягкую, темно-желтой кожи спинку, вынулъ сигару и задымилъ, не спросивъ разрѣшенія дамы.

Въ ресторанѣ Августъ Вильгельмовичъ, видно, былъ своимъ человѣкомъ, угодливо такъ встрѣченный и рыжеватымъ, съ усиками, метръ-д'отелемъ-французомъ и бритоголовыми татарами.

Въ кабинетѣ Августъ Вильгельмовичъ велѣлъ протопить каминъ и на дурномъ французскомъ языкѣ принялся вмѣстѣ съ метръ-д'отелемъ обсуждать закуски, вино и ужинъ.

— Мы возьмемъ свѣжей икры, несъ-па? Возьмемъ бѣлые грибы въ сметанѣ? Семга, балыкъ?

Ей было рѣшительно все равно. Только-бъ поѣсть сытно и вкусно послѣ жиденькихъ, впроголодь, обѣдовъ въ кухмистерской.

За ужиномъ Августъ Вильгельмовичъ говорилъ отрывисто и мало, весь отдавшись процессу насыщенія. Для

икры, блестѣвшей влажными зернами, онъ потребовалъ себѣ десертную ложку.

— Я люблю икру. Это очень хорошее кушанье и полезно для желудка!..

Господинъ фонъ-Юстіусъ маленькими глазками,—вмѣстѣ съ небольшимъ, вздернутымъ носомъ—они сообщали его румяному лицу что-то поросячье,—наблюдалъ, какъ ѣстъ его случайная знакомая. Оказалось, что и держать себя за столомъ и ѣсть—умѣетъ. Рыбу не рѣжетъ ножомъ, а справляется вилкою, помогая себѣ кусочкомъ хлѣба въ лѣвой рукѣ.

Пили замороженное шампанское. Потомъ кофе. Довольный собою и ужиномъ, Августъ Вильгельмовичъ закурилъ громадную сигару. Испытующе посматривалъ на через столъ сидѣвшую женщину. Шампанское,—она его давно не пила,—согрѣло Ливинскую, зажгло румянцемъ ея матовой блѣдности щеки, вспыхнуло огоньками въ большихъ, темныхъ глазахъ. Лобъ оставался блѣднымъ, и буйно вздымались надъ нимъ тяжелой волнистостью черные, мятежные, неспособные подчиниться парихмахерскимъ щипцамъ, волосы. И это, вмѣстѣ съ глазами, какъ-то неподвижно, слишкомъ неподвижно останавливавшимися, кидало на экзотическую красоту Ливинской какіе-то трагическіе отсвѣты...

Господинъ фонъ-Юстіусъ поросячьимъ взглядомъ своимъ смотрѣлъ на эту головку, не замѣчая гладкой, темно-коричневой, застегнутой у самой шеи, кофточки лифа. Но угадывалось съ бѣглаго впечатлѣнія, что, если снять кофточку, подъ нею окажутся правильной, точеной формы и грудь, и плечи, и руки.

— Я вамъ сейчасъ скажу, о чемъ вы думаете. Вы думаете: вотъ человѣкъ, пригласилъ въ кабинетъ, угощалъ маленькимъ ужиномъ и сейчасъ потребуетъ гонораръ? Гонораръ,—это хорошее слово, несъ-па?

Улыбка сбѣжала съ лица молодой женщины, и она опустила свои томныя, влажныя, съ темной окраскою вѣки. Упала мягкая тѣнь отъ длинныхъ рѣсницъ.

Онъ выпустилъ цѣлое облако густого ароматнаго дыма.

— Нѣтъ, я не спрашиваю свой гонораръ! А вотъ вы лучше разсказывайте что-нибудь про себя.

— Что же разсказать вамъ? — спросила Ливинская, ободренная, что этотъ съ неба свалившійся благодѣтель, къ слову сказать, ей, какъ мужчина, довольно противный, дѣйствительно не обнаруживаетъ никакихъ попытокъ получить «свой маленькій гонораръ».

— Я хочу знать, кто вы есть, что вы есть, ваше семейное и общественное положеніе?

— Я затрудняюсь, право...

— Ну, хорошо!—ударилъ по столу рукою Августъ Вильгельмовичъ, и при этомъ зажегся радугою крупный брильянтъ на его пальцѣ.—Я буду предлагать вопросы, а вы на нихъ отвѣчаете. Вопросъ первый: гдѣ вы родились и кто есть ваши отецъ и мать?

— Я родилась въ Галиціи, въ Краковѣ.

— То, значитъ, вы есть австрійская подданная? — обрадовался Августъ Вильгельмовичъ.

— Нѣтъ. Я была маленькой, когда мои родители переѣхали навсегда въ Россію. Отецъ принялъ русское подданство. У него были родственники въ Варшавѣ и свое маленькое дѣло.

— Какое вы получили воспитаніе?

— Курсъ гимназіи.

— По-французски говорите?

— Такъ себѣ... Читаю свободно. А говорить—нужна практика.

— По-нѣмецки?

— То-же самое.

Августъ Вильгельмовичъ что-то соображалъ.

– Языки надо знать хорошо. Теперь я предлагаю вамъ одинъ щекочущій вопросъ. Сколько у васъ было любви?..

— Pardon, я не совсѣмъ понимаю...

— Я хочу сказать... Но вѣдь вы же не барышня, надѣюсь, а дама?..

— Я мать своего ребенка и жена своего мужа. Хотя вотъ уже третій годъ...

— Какъ вы съ нимъ не живете!—подхватилъ господинъ фонъ-Юстіусъ.—А ребенокъ отъ мужа?

Ливинская, опустивъ голову, сжавъ губы, водила пальцемъ по скатерти.

— Здѣсь я умалкиваю. Это есть интимная сторона, и я не хочу быть нескромнымъ. Но говорите мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ вы въ Петербургѣ?

— Я думала найти что-нибудь. Я металась, искала...

— Довольно!—ударилъ опять Августъ Вильгельмовичъ рукой по столу.

И вырвалось это у него съ такой энергіей дѣлового, не любящаго тратить по пустякамъ слова, человѣка, что Ливинская на мгновеніе застыла, раскрывъ широко глаза.

— Я даю вамъ у себя мѣсто, всѣ выгоды котораго, смѣю надѣяться, вы будете сейчасъ же оцѣнивать. Вы не будете комъ юнъ фамъ антретеню. Фуй, зачѣмъ? Но я хочу, чтобы у васъ были туалеты, приличная квартира, чтобы вы бывали въ хорошемъ обществѣ, настоящемъ обществѣ, которое называется бо-мондомъ. Вы понимаете?

— Пока рѣшительно ничего не понимаю,—откровенно созналась Ливинская.

— Хорошо, я буду вамъ объяснять, но сначала беру съ васъ одно честное слово, что нашъ разговоръ вы никогда и никому не разбалтываете. Все, что мы сейчасъ будемъ говорить, все, что мы будемъ потомъ говорить, должно оставаться посрединѣ между мною и вами.

— Я вамъ обѣщаю своимъ честнымъ словомъ,—съ рѣшимостью сказала молодая женщина.

— Манификъ!.. Я вамъ вѣрю! Но имѣйте въ виду,—господинъ фонъ-Юстіусъ многозначительно и даже не безъ торжественности поднялъ указательный палецъ,—если вы когда-нибудь нарушите слово, отъ этого пострадаю не я, а вы. Да... Кому-же повѣрятъ больше? Мнѣ, Августу Вильгельмовичу фонъ-Юстіусъ, съ его положеніемъ, или мадамъ Ливинской, которую никто не знаетъ?

На Ливинскую отъ всѣхъ этихъ предисловій холодкомъ пахнуло.

— Вы меня пугаете, Августъ Вильгельмовичъ! Можетъ быть, мѣсто, или служба, должность,—право, не знаю, какъ ее называть,—словомъ, то, что вы мнѣ предлагаете, можетъ быть это сопряжено съ глубочайшей тайной, рискомъ, серьезною отвѣтственностью?.. Я—женщина и только женщина. И, думаю...

— Вы ничего не думайте,—оборвалъ ее благодѣтель.—Чѣмъ меньше самостоятельно думаетъ красивая женщина, тѣмъ лучше и для нея самой и для того дѣла, которому она служитъ... Я слишкомъ порядочный и уважаемый человѣкъ, чтобы предлагать вамъ какія-нибудь преступности, или темности... Я желалъ бы слышать самый категоричный отвѣтъ. Мои условія: вы получите пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ жалованья и, кромѣ того, имѣете единовременную субсидію—тысячу рублей на ремонтъ вашего туалета и на переѣздъ въ хорошую гостиницу. Я посмотрю, какъ вы будете служить. И если я остаюсь доволенъ, то за особенныя порученія вы будете имѣть особенный гонораръ. Итакъ, вашъ категоричный отвѣтъ?

— Я принимаю ваше предложеніе...

Могла ли она колебаться? Кромѣ этого загадочнаго фонъ-Юстіуса, убѣждали ее еще скорѣй согласиться — и неотступно требующій денегъ гренадеръ въ капотѣ, и при-

крытый дырявымъ плэдомъ мальчикъ, и тѣ поношенныя тряпки, въ которыхъ она явилась сюда, въ этотъ раззолоченный, съ мраморнымъ каминомъ и бронзовыми часами подъ стеклянньмъ колпакомъ, кабинетъ. И, угадывая, что она стоитъ на самомъ краю чего-то пугающаго и страшнаго, Ливинская повторила дрогнувшимъ голосомъ:

— Я принимаю ваше предложеніе...—Послѣ нѣкоторой запинки вырвалось у нея:—Но скажите, пожалуйста, отчего же именно вашъ выборъ остановился на мнѣ?

— О, это я вамъ сейчасъ говорю! Вы очень красивы. А красота есть очень колоссальное орудіе... И когда вы будете въ хорошемъ туалетѣ, вы будете еще гораздо красивѣе, чѣмъ теперь. Вамъ необходимо практиковаться въ нѣмецкомъ и въ особенности французскомъ языкѣ. Но объ этомъ позаботится баронесса Махлейтъ.

— У которой бываютъ пріемы?.. Я читала въ газетахъ..

— Уй, сэ са!.. Это и есть та самая баронесса Фридерика Ильинична Махлейтъ. Это очень милая—очень умная и очень аристократичная особа. Какія связи, знакомства! На этихъ дняхъ, когда у васъ будетъ приличный костюмъ, я представлю васъ баронессѣ. Это особа съ ангельскимъ сердцемъ!.. Тамъ очень строгій фильтръ для публики — у баронессы. Въ этомъ салонѣ рандеву всего петербургскаго бомонда. Тамъ бываютъ амбасадоры, важные генералы, министры. И вдругъ вы тамъ попадаете! Ну, скажите, у васъ не кружится голова?

Точно въ сказкѣ. Всего два часа назадъ—тусклая, стискивающая горло нищета, выгнавшая ее на улицу чуть ли не продаться первому встрѣчному. И вдругъ—такія волшебныя, прямо съ неба свалившіяся перспективы... И пухлая рука съ брильянтовымъ перстнемъ этого упитаннаго, розоваго человѣка съ поросячьимъ лицомъ, готова отдернуть предъ нею завѣсу этого манящаго, столь же завѣтнаго, сколь и недоступнаго міра...

Господинъ фонъ-Юстіусъ позвонилъ, потребовалъ счетъ и письменныя принадлежности. И когда принесли и то и другое и лакей ушелъ, Августъ Вильгельмовичъ вынулъ солидный,—у него все было солидное,—бумажникъ. Положилъ предъ собою двѣ пятисотрублевки и вексельный бланкъ.

— Я сейчасъ вамъ даю тотъ авансъ въ тысячу рублей, который обѣщалъ. Первое жалованье вы получаете черезъ нѣсколько дней, послѣ того, какъ будете представлены баронессѣ Махлейтъ. А сейчасъ, для порядка и дѣловой отчетности, вы пишите мнѣ вексель на тысячу рублей. Вы обѣщаете погашать его по первому востребованію...

— Откуда же я возьму... по первому востребованію?..— испугалась Ливинская.

Августъ Вильгельмовичъ весело расхохотался.

— Манификъ!.. Вы есть чрезвычайно наивны. Натурально, никто ничего не будетъ съ васъ требовать. Но я—дѣловой человѣкъ, и у меня долженъ быть документъ. Пишите!.. Я буду вамъ диктовать...

4.

Поручикъ Максимовъ въ большомъ свѣтѣ.

Максимовъ перечиталъ еще разъ приглашеніе на мохнатомъ, твердомъ картонѣ съ искусственно оборванными краями. Такъ ли это? Быть-можетъ, оно попало къ нему по ошибкѣ? Взялъ конвертъ,—никакой ошибки. Четкимъ писарскимъ почеркомъ,—очевидно, заготовлялись адреса въ домовой конторѣ баронессы,—было выведено:

Ѳедору Владиміровичу Максимову.
Стремянная, 28.

Минувшей зимою онъ, Максимовъ, скромный армейскій поручикъ, представленъ былъ на благотворитель-

номъ базарѣ баронессѣ Фридерикѣ Ильиничнѣ Махлейтъ. Воспитанная, свѣтская женщина, баронесса уронила ему нѣсколько милостивыхъ словъ, но Максимовъ готовъ побиться объ какой угодно закладъ, что Фридерика Ильинична даже толкомъ не видѣла его и, окруженная свитскими генералами и дипломатами, забыла тотчасъ же о существованіи на бѣломъ свѣтѣ поручика армейской конно-артиллерійской бригады Максимова. И вотъ, спустя годъ,— для петербуржцевъ это цѣлая вѣчность—столько промелькнетъ новыхъ впечатлѣній и новыхъ людей,—баронесса Махлейтъ приглашаетъ его «пожаловать запросто вечеромъ на чашку чая» въ извѣстный всему городу особнякъ на Гагаринской набережной. Правда, поручикъ Максимовъ,— и это можно сказать безъ всякой суетной гордости,—не изъ числа тусклыхъ, безвѣстныхъ поручиковъ, затерянныхъ гдѣ-нибудь въ глуши своего безпредѣльнаго отечества. О, далеко нѣтъ!.. Онъ прежде всего летчикъ, первый, птицею пронесшійся надъ Ай-Петри. Этотъ полетъ средь туманной мглы и въ густыхъ облакахъ сдѣлалъ ему имя въ воздухоплавательныхъ кругахъ. Онъ прекрасный фотографъ, имъ же самимъ усовершенствованнымъ аппаратомъ удачно снимавшій съ птичьяго полета. Увлекавшійся съ дѣтства химіей, онъ работаетъ сейчасъ надъ бомбами страшной разрушительной силы для метанія съ аэроплановъ. Результаты еще впереди, но есть надежда, что они будутъ блестящи... Все это, конечно, такъ, тѣмъ не менѣе, однако, приглашеніе баронессы явилось болѣе чѣмъ нежданнымъ-негаданнымъ. Совсѣмъ врасплохъ застало его...

Поручикъ волновался. Не выскочка, не пролазъ, онъ далекъ былъ отъ для многихъ прямо болѣзненнаго желанія обивать пороги великосвѣтскихъ гостиныхъ, даже хотя бы въ мало почетной роли безмолвныхъ статистовъ. Но тѣмъ не менѣе волновался.

И долго еще ломалъ Максимовъ свою коротко остри-

женную голову, типичную голову кадета, хотя ему шелъ уже тридцатый годъ, а главное, въ корпусѣ онъ не воспитывался ни одного дня, произведенный въ офицеры изъ вольноопредѣляющихся на поляхъ маньчжурской войны, гдѣ кромѣ того еще получилъ Анну съ мечами... Почему это вдругъ вспомнила объ его существованіи баронесса Махлейтъ?

Максимовъ занималъ квартиру въ первомъ этажѣ, на улицу окнами. Прислуги поручикъ не держалъ, если не считать швейцарихи сосѣдняго подъѣзда, исполнявшей обязанности приходящей горничной. Максимовъ самъ себѣ провелъ газовое отопленіе, поставилъ чистенькую сверкающую газовую кухоньку, и въ любое время, въ одну минуту, у него готовъ былъ кипятокъ.

Квартирка сводилась почти къ двумъ комнатамъ. Первая, большая была и кабинетомъ, и гостиной и спальнею. Межъ двумя окнами—громадный письменный столъ, весь загроможденный желѣзомъ, чугуномъ и сталью, въ видѣ отполированныхъ кавалерійскихъ подковъ на острыхъ американскихъ шипахъ, орудійныхъ снарядовъ разныхъ эпохъ, странъ, величинъ и калибровъ. На нѣкоторыхъ латунные и мѣдные слои чередовались съ гладкой сталью. Осколки шрапнельныхъ стакановъ,—«сувениры» японской войны. И тутъ же невиданнаго рисунка, въ родѣ античныхъ урнъ, оболочки тѣхъ метательныхъ бомбъ, надъ которыми послѣднее время такъ усиленно работалъ Максимовъ. И среди всего этого тяжелаго металлическаго хаоса, напоминающаго о чемъ-то далекомъ, важномъ и кровавомъ, улыбались изъ декадентскихъ рамочекъ молодыя, красивыя женщины...

Вся остальная часть комнаты ничѣмъ не напоминала тяжелыхъ «металлическихъ» страховъ письменнаго стола. Наоборотъ, во всѣхъ этихъ восточныхъ коврахъ, мавританскихъ табуретахъ, черныхъ, восьмигранныхъ, инкрустированныхъ перламутромъ, въ уютныхъ уголкахъ—нишахъ,

озаряемыхъ,—стоитъ повернуть выключатель,—фантастическимъ свѣтомъ, сказывались безмятежный покой и чувственная, кейфующая лѣнь. Широкая оттоманка посредствомъ особаго механизма превращалась въ удобную кровать, исчезавшую тотчасъ-же по минованіи надобности.

Зато слѣдующая комната ничего не имѣла общаго съ этимъ восточнымъ убранствомъ. Непосвященный врядъ ли могъ бы даже заподозрѣть ее, такъ искусно была скрыта и задрапирована дверь въ эту мастерскую Максимова. Никакой мебели, кромѣ шкапа съ химическими ретортами, колбами, всевозможныхъ цвѣтовъ порошками въ пузатыхъ склянкахъ. На узкомъ рабочемъ столѣ—проволока спиралью, металлическія пластинки, различные инструменты, начиная съ гигантскихъ клещей и кончая крохотными ювелирными щипчиками. Лежали въ рядъ оболочки для бомбъ, такихъ же урноподобныхъ, что и въ кабинетѣ. Сюда, въ эту мастерскую, Максимовъ не пускалъ никого.

Поручикъ по телефону заказалъ моторъ. Тщательно побрился, и къ десяти часамъ это былъ плечистый и грудастый крѣпышъ, затянутый въ новенькій однобортный мундиръ съ эполетами. Прицѣпилъ саблю съ краснымъ темлякомъ, надѣлъ высокую гренадерку, накинулъ на плечи шинель съ бобрами и глянулъ въ зеркало. Все на мѣстѣ, какъ слѣдуетъ. Четыре ордена внушительно блестятъ на выпуклой груди. Неправильность лица съ небольшими усиками скрашивалась молодостью и здоровьемъ.

Лакированныя ботинки съ маленькими серебряными шпорами, снѣжной бѣлизны замшевыя перчатки.

«Что жъ! Не стыдно, пожалуй, съ гвардейцами потягаться»,—подумалъ съ улыбкой Максимовъ.

Вдоль набережной вытянулась вереница каретъ. Къ подъѣзду стараго, шоколаднаго цвѣта, особняка то-и-дѣло подкатывали гости. Одни на извозчикахъ, другіе въ собственныхъ автомобиляхъ и съ такими яркими фонарями,—

словно прожекторы низали блѣдными лучами своихъ сноповъ морозный мракъ. Снѣжная, вся въ сугробахъ Нева дышала такой стужею, что разведенъ былъ костеръ на жаровнѣ. Грѣвшійся около, весь въ багровомъ пламени, молодцеватый городовой переговаривался съ важнымъ кучеромъ съ посеребренной инеемъ бородою Добрыни Никитича, въ шапкѣ подушкою зеленаго бархата и густо расшитой золотомъ спиною подбитаго мѣхомъ армяка—показатель, что въ этой каретѣ пріѣхалъ къ баронессѣ Махлейтъ какой-нибудь иностранный дипломатъ.

Важный швейцаръ, монументальный и неподвижный, словно каріатида, лишь движеніемъ глазъ «передалъ» Максимова своимъ помощникамъ. Освободившись отъ шинели, поручикъ вытиралъ у зеркала заиндевѣвшіе усы. Онъ не спѣшилъ подняться наверхъ по широкой мраморной лѣстницѣ. Какая-то робость мѣшала. И, кромѣ того, съ холоду такъ пріятно грѣлъ жарко натопленный, потрескивающій каминъ. У вѣшалокъ толпилась челядь. Выѣздные лакеи въ цилиндрахъ съ кокардами и въ долгополыхъ ливреяхъ съ медвѣжьими воротниками. Посольскіе егеря въ треуголкахъ съ пѣтушиными перьями и съ кортиками на лакированной портупеѣ. Все новые и новые гости. Дамы въ ротондахъ и безъ шляпъ, офицеры въ бѣлыхъ фуражкахъ и съ тяжелыми касками, съ которыми они поднимались наверхъ,—приносили вмѣстѣ со свѣжимъ холодкомъ въ этотъ нагрѣтый вестибюль тотъ нарядный блескъ, который Максимову приходилось наблюдать до сегодняшняго вечера въ качествѣ зрителя, а не такого же, какъ и они сами, участника. Всѣ между собою знакомы, перекликаются по-французски и по-англійски.

Придерживая одновременно локтемъ и саблю и свою черную лакированную гренадерку, Максимовъ, встрѣченный на площадкѣ двумя лакеями во фракахъ съ аксельбантомъ и въ гетрахъ, отыскивалъ глазами баронессу. Вотъ она

въ нѣсколькихъ шагахъ разговариваетъ съ бритымъ господиномъ во фракѣ со звѣздою. Баронесса тотчасъ же узнала поручика и привѣтливо улыбнулась ему великолѣпными вставными челюстями. Вставная челюсть даже самой безукоризненной работы угадывается какимъ-то чутьемъ, потому что и сама она мертвая и улыбку мертвитъ.

— Я очень рада видѣть васъ у себя, мосьё Максимовъ. Это очень мило съ вашей стороны...—слегка грасируя, начала баронесса, протягивая поручику ладонью внизъ для поцѣлуя холеную, скорѣй большую, чѣмъ маленькую, и скорѣй грубоватую руку.

Вся фигура Фридерики Ильиничны была худощава, и если бъ не излишняя, какая-то сухая прямота, вытянутость, ей нельзя было бы отказать въ изяществѣ. Но для пятидесяти съ хвостикомъ и такая фигура заслуживала всякихъ благодарностей по адресу милостиво щадящей баронессу природы. И лицо съ двумя крупными родимыми пятнами, ничуть его, однако, не портившими, продолговатое, въ недавнемъ минувшемъ—красивое, отличалось моложавостью. На видъ баронессѣ—лѣтъ тридцать пять, не больше. Гладкое сѣро-стальное платье. Никакихъ украшеній, ни серегъ, ни броши, ни діадемы. Только нитка жемчуга спускалась по груди до пояса.

— Cher ami, permettes moi de vous présenter le lieutenant Maximoff... Это гордость нашего отечественнаго воздухоплаванія. Это онъ совершилъ свой знаменитый полетъ надъ... Ай-Петри, не такъ ли?..

Отвѣчая на слабое пожатіе руки господина со звѣздою, артиллеристъ понялъ, что передъ нимъ крупный сановникъ, котораго онъ хорошо зналъ въ лицо по многочисленнымъ портретамъ въ журналахъ и газетахъ.

Обласкавъ Максимова еще чѣмъ-то пріятнымъ и лестнымъ, баронесса Махлейтъ тотчасъ же забыла о немъ.

Входили новые гости.

5.

Начало „охоты“.

«Чашка чаю» баронессы Махлейтъ собрала человѣкъ сто двадцать. Но нигдѣ не было густо. Громадная квартира съ цѣлыми анфиладами комнатъ, въ лабиринтѣ которыхъ можно было съ непривычки запутаться, какъ-то незамѣтно разсосала нарядную толпу мундировъ, дамскихъ туалетовъ и черныхъ фраковъ. Изъ проходной комнаты вынесли все и превратили ее въ буфетъ съ двумя самоварами, шампанскимъ и крюшономъ, который вылавливался изъ гигантской серебряной вазы такой же гигантской ложкою. На подносахъ—горы конфетъ и въ нѣсколько ярусовъ—вазы съ пирамидами фруктовъ. Лакеи подъ предводительствомъ метръ-д'отеля съ внѣшностью министра и не нынѣшняго, а прежняго, разливали чай, шампанское въ плоскіе бокалы, нацѣживали крюшонъ въ высокіе стаканчики.

Очутившійся здѣсь Максимовъ,—онъ чувствовалъ себя неловко и въ этой богатой обстановкѣ и въ незнакомой и чуждой толпѣ,—для храбрости выпилъ бокалъ шампанскаго и заѣлъ его сочной, тающей во рту грушей.

Въ одной изъ гостиныхъ играли въ бриджъ. Дипломатическій бриджъ изъ нѣсколькихъ посланниковъ и одного посла. Обращалъ вниманіе уродливой формою сплюснутой, съ тыквообразнымъ черепомъ головы графъ Остерръ-Роддэ, посолъ одной изъ сосѣднихъ державъ, никогда особенно нѣжныхъ чувствъ къ Россіи не питавшей. Дипломаты словно не въ карты играли, а предавались какому-то священнодѣйствію. Не разстававшійся со своей гренадеркой, Максимовъ попалъ въ эту гостиную. Искрящееся вино разсѣяло его робость, и онъ съ любопытствомъ наблюдалъ игроковъ. Графа Остерръ-Роддэ онъ узналъ тотчасъ же по фотографіямъ. Всѣмъ, кто перелистывалъ журналы съ кар-

тинками, этотъ черепъ тыквою, черепъ либо дегенерата, либо преступника—успѣлъ намозолить глаза.

Вслушиваясь въ мало ему понятную французскую рѣчь, Максимовъ слѣдилъ за движеніемъ нѣсколькихъ паръ бѣлыхъ, съ на диво отточенными ногтями рукъ, писавшихъ мѣломъ, тасовавшихъ карты. Этими же самыми руками ихъ обладатели скрѣпляютъ своей подписью бумаги и документы важнаго, рѣшающаго политическія судьбы, значенія... Боги, спустившись съ Олимпа, перестаютъ быть богами...

Не подозрѣвалъ Максимовъ, что въ сосѣдней, бѣлой людовиковской гостиной съ бѣлой низенькой мебелью, съ орнаментикой лѣпныхъ потолка и карнизовъ,—говорятъ о немъ.

Тамъ въ мягкихъ креслахъ-раковинахъ сидѣли Августъ Вильгельмовичъ и Ливинская.

Господинъ фонъ-Юстіусъ посматривалъ съ опаскою своими поросячьими глазками то на однѣ, то на другія двери.

— Я знаю все о немъ. У меня его полное досье. Дворянинъ изъ средней помѣщичьей семьи, любитъ широко жить и аматеръ де фамъ... У него осталось тысячъ двадцать денегъ. Но онъ очень скоро ихъ истрачиваетъ. Особенно, если встрѣчаетъ на своемъ пути такую женщину, какъ мадамъ Ливинская... Вы имѣете большой сюксе. Самъ графъ Остерръ-Роддэ, вы понимаете, самъ господинъ министръ изволилъ спрашивать у меня, кто такая вы есть? Я намекалъ господину министру о полезности, которая... Но я же самъ себя перебиваю... Такъ вотъ... Чѣмъ скорѣе онъ истратитъ свои деньги и запутывается въ долгахъ, тѣмъ лучше... И объ этомъ должны позаботиться вы!.. Я совѣтовалъ баронессѣ приглашать его. Натурально, пріѣдетъ. Вы должны дѣлать съ нимъ маленькое кокетери... За ужиномъ баронесса сажаетъ васъ рядомъ, вы дѣлаете

такъ, чтобы вмѣстѣ уѣхать... Повторяю, этотъ молодой офицеръ для насъ очень важенъ... Вы остаетесь здѣсь, а я посмотрю, нѣтъ ли его...

Розовый господинъ, съ проборомъ, въ свинцовой сѣдинѣ своей и черномъ фракѣ, хотя и дорогомъ, но дурно сидѣвшемъ, покинулъ бѣлую гостиную.

Ливинская осталась одна. Проходили мимо изъ двери въ дверь мужчины, окидывая ее жадными взглядами, дамы задерживались у зеркала, чтобъ осмотрѣться. Яркая, немного сумрачная красота Ливинской выигрывала и подчеркивалась на свѣтломъ фонѣ бѣлой гостиной. Теперь, наконецъ, эта красота была въ соотвѣтствующей рамкѣ. Блѣдно-серебристое, зеленоватое платье съ открытыми плечами падало внизъ по модѣ, мягкими, свободными складками, не скрадывая однако линій гибкой и стройной фигуры. Хотя Ливинская имѣла возможность причесываться ежедневно у парикмахера, но самые искусные щипцы лишь обезцвѣтятъ буйную прелесть ея густыхъ, черныхъ волосъ. И они волновались тяжелыми, синевой отливающими прядями, точно клубокъ хаосомъ переплетшихся черныхъ змѣй надъ головою Медузы... Для такого дерзкаго вызова общепринятому шаблону, да еще въ обществѣ, гдѣ Ливинская очутилась никому невѣдомой пришелицей, Богъ вѣсть откуда и какъ,— помимо исключительной внѣшности, которой прощается многое,—надо было еще имѣть крупный запасъ ничего не боящейся смѣлости. Ливинская обладала ею.

Взявшая Ливинскую подъ свое покровительство баронесса Махлейтъ сама благословила эту вдохновенную прическу.

— Такъ будетъ хорошо, мое милое дитя. Ваше оправданіе—ваша красота. Писаныхъ законовъ не существуетъ для нея...

Холодная, какъ ледъ, Фридерика Ильинична околдовала своей простотою и заботливой, материнской нѣжностью эту

недавнюю жилицу убогихъ меблирашекъ. И двухъ мѣсяцевъ не прошло, а межъ тѣмъ, дурнымъ сномъ, тусклымъ и сѣренькимъ, чудится ей комнатка на Пушкинской и всѣ грошовыя униженія, которыя были связаны съ нею. Теперь Ливинская на пути къ осуществленію своихъ грезъ, если не золотыхъ, то, во всякомъ случаѣ,— позолоченныхъ.

Въ новой первоклассной гостиницѣ она занимаетъ двѣ комнаты съ уборной и ванною. И все блеститъ, все нарядно, все—послѣднее слово комфорта. И здѣсь помогъ практическій, основательный господинъ фонъ-Юстіусъ. Директоръ отеля оказался не только его компатріотомъ—нѣмцемъ, но и старымъ знакомымъ. На этомъ основаніи Августъ Вильгельмовичъ имѣлъ возможность объявить Ливинской:

— Вашъ компартиманъ для всѣхъ стоитъ пятнадцать рублей въ сутки. Вы же будете платить всего двѣсти въ мѣсяцъ. Я сказалъ директору одно только слово, что вы будете полезны общему нашему дѣлу...

Второй мѣсяцъ служила Ливинская у господина фонъ-Юстіуса, но до сихъ поръ еще не понимала ясно, для какихъ именно цѣлей предназначаетъ ее, какъ орудіе, Августъ Вильгельмовичъ? Въ общемъ, разумѣется, эти цѣли не порождали никакихъ сомнѣній. Она была слишкомъ умна, чтобъ не догадаться, что изъ нея вырабатываютъ политическую шпіонку. Но пока—все это глухо, намеками, вокругъ да около. Если держалъ себя съ нею осторожно господинъ фонъ-Юстіусъ, еще осторожнѣй была Фридерика Ильинична. Внимательная, вкрадчиво-ласковая и такая же непроницаемая съ виду, какъ и самый возрастъ этой женщины.

Что такое представляетъ собою этотъ Августъ Вильгельмовичъ?

Развернувъ увѣсистую, красную книгу «Всего Петербурга», Ливинская узнала, что у господина фонъ-Юстіуса

цѣлыхъ три телефона, что онъ коммерческій агентъ, директоръ частнаго банка, членъ правленія одного изъ крупныхъ сталелитейныхъ заводовъ и числится въ нѣсколькихъ благотворительныхъ обществахъ.

Съ одной стороны, слишкомъ много, ибо—чего же больше? Видное, обезпеченное положеніе, какого дай Богъ всякому. Съ другой—ничего. Развѣ нельзя, будучи коммерческимъ агентомъ, директоромъ банка, членомъ правленія и благотворителемъ, въ то же время быть, довольно искусно и ловко прячущей концы въ воду, темной личностью? Но если даже и Августъ Вильгельмовичъ дѣйствительно темная личность,—не все ли равно ей? Она живетъ припѣваючи, завтракаетъ у себя въ отелѣ на богатой, по крайней мѣрѣ, внѣшне богатой, международной публикѣ, подъ лапчатой сѣнью тепличныхъ пальмъ. Ея сынъ, холеный, чистенькій, въ нарядномъ костюмчикѣ, теперь взаправду напоминаетъ въ своихъ длинныхъ локонахъ, ровно подстриженныхъ надъ блѣднымъ чистымъ лбомъ, феерическаго пажика.

Чего же еще?

Домъ баронессы открылъ Ливинской глаза на общество, которое она имѣла возможность теперь наблюдать, если даже и какъ чужая, то, во всякомъ случаѣ, близко. Женщины—рѣдко умныя и красивыя и чаще пустыя и дурнушки—завидовали красотѣ этой, въ ихъ глазахъ, безвѣстной проходимки, завидовали ея вкусу одѣваться просто и дешево. Секретъ дорогой простоты, позаимствованной у лучшихъ парижскихъ портныхъ,—онѣ сами знали. Свою зависть свѣтскія дамы маскировали холоднымъ высокомѣріемъ, давая понять, что, лишь уважая баронессу Фридерику Ильиничну, онѣ раскланиваются съ этой «непричесанной» полькой, но что за дверями темно-шоколаднаго особняка она для нихъ—пустое мѣсто. Ливинская этимъ не огорчалась ничуть! Наоборотъ, ей доставило удовольствіе это—иначе его не назовешь—чисто-самочье недоброжелательство.

И она не скрывала своего торжества, наблюдая, какъ всѣ эти чиновники элегантныхъ канцелярій съ придворнымъ званіемъ, гвардейцы, молодые генералы, откровенно тающіе вокругъ нея,—въ то же время тоскливо почтительны съ этими дамами, у которыхъ есть все: и положеніе, и громкій титулъ, и связи, но нѣтъ «того», чѣмъ сильна эта авантюристка, безъ роду-племени...

И быстро научилась Ливинская презирать этихъ липнущихъ къ ней мужчинъ. Издали рисовались они ей чортъ знаетъ въ какомъ недосягаемомъ свѣтѣ! Разсмотрѣть ихъ поближе—только и берутъ лоскомъ и воспитаніемъ. Но когда просыпается въ нихъ животное, куда только дѣваются и этотъ лоскъ и это воспитаніе!.. И до чего легко ихъ дурачить и ставить въ смѣшное и глупое положеніе... Боже, до чего легко!

Баронесса отыскала Максимова въ гостиной съ «дипломатическимъ» бриджемъ.

— Вамъ не скучно мосьё Максимовъ? Ваше имя и отчество? Ѳедоръ Владиміровичъ? Вы не бриджистъ? Будутъ еще столы. Но кто привыкъ парить въ облакахъ, тому просидѣть нѣсколько часовъ, глотая мѣлковую пыль, я думаю, небольшое удовольствіе?—грасировала Фридерика Ильинична. Она успѣла бросить графу Остерръ-Роддэ:—Et bien, comment va-t-il votre jeu, Excellence?—и опять къ Максимову:—Я не желаю, чтобы вы у меня скучали, слышите! Хотя вы навѣрное встрѣтите здѣсь знакомыхъ,—пообѣщала баронесса, увѣренная, что Максимовъ никого не знаетъ въ ея толпѣ, и въ свою очередь и гости ея врядъ ли имѣютъ понятіе о Максимовѣ... Но пусть думаетъ этотъ армейскій поручикъ, что она, баронесса Махлейтъ, считаетъ его человѣкомъ своего круга.

Армейскій поручикъ этого не подумалъ, чувствуя фальшь и рѣшительно отказываясь понимать, съ чего это вдругъ за нимъ въ этомъ важномъ домѣ такъ ухаживаютъ.

— Пойдемте, мосьё Максимовъ,—увлекала его за собой баронесса.—Я хочу васъ представить одной прелестной дамѣ. Умъ, красота, грація! Всѣ совершенства вмѣстѣ! Она васъ обворожитъ, и я, по крайней мѣрѣ, буду спокойна, что этотъ первый и, надѣюсь, не послѣдній вечеръ въ моемъ домѣ вы проведете безъ скуки и даже весело...

— Кто же это—соединеніе всѣхъ совершенствъ?—спросилъ артиллеристъ.

— Одна крупная помѣщица изъ Царства Польскаго... Ванда Казиміровна Ливинская. Это ея первый выѣздъ въ Петербургѣ. И, отдать справедливость,—дебютъ блестящій!.. Всѣ, кто къ ней подходитъ—плѣнены ея чарами. Именно чарами! Смотрите, берегитесь!.. Право, я боюсь, что и вамъ не избѣжать общей участи...

Баронесса знакомила:

— Cherie, позвольте вамъ представить Өедора Владиміровича Максимова. Навѣрное, слыхали? Гордость нашего воздушнаго флота. Өедоръ Владиміровичъ совершилъ исключительный по своей отвагѣ полетъ надъ этой горой, какъ она называется? Что-то татарское... Вспомнила! Надъ Ай-Петри. Умопомрачительный полетъ...

Максимовъ покраснѣлъ отъ смущенія. И у него пронеслось въ мозгу, что баронесса Махлейтъ рекламируетъ его, какъ заѣзжаго фокусника. И это переплелось вмѣстѣ съ сознаніемъ, что польская помѣщица дѣйствительно хороша до чертиковъ! Онъ такъ и подумалъ: «до чертиковъ».

Представивъ Ливинскую и артиллериста другъ другу, баронесса тотчасъ же забыла о нихъ. Тѣмъ болѣе къ ея рукѣ уже склонялся новый гость. Высокій, съ сильно развитой фигурою спортсмена, что не мѣшало однако ничуть ея легкой статности, гвардейскій кавалеристъ въ черномъ сюртукѣ съ серебряными эполетами и съ красивымъ, смуглымъ, нерусскимъ лицомъ, хотя это былъ чистѣйшій Рюриковичъ и звался княземъ Елабужскимъ.

— Ce n'est pas gentil, cher prince, de ne pas avoir amené votre femme... Отчего вы не пріѣхали вмѣстѣ съ нею? Она такъ мила, такъ мила!.. Вы нехорошій, князь!..

— Je demande bien pardon, baronne, mais vraiment ma femme se trouve indisposée...

Баронесса лукаво погрозила.

— Обманщикъ! Не умѣетъ даже притворяться... Въ свѣтѣ это крупный недостатокъ. А въ моихъ глазахъ—достоинство! Но я еще успѣю васъ пожурить... Васъ ждутъ, князь. Вы воевали тамъ, на Балканахъ, потомъ исчезли надолго. Теперь вы такой желанный и дорогой гость. Васъ хотятъ спросить о войнѣ... Неужели Болгарія вамъ ничего не дала, вѣдь васъ же тамъ ранили?.. А черногорцы?

— Орденъ и звѣзду.

— Вотъ видите, я всегда говорила... Настоящій рыцарь—король Николай... Онъ былъ у меня однажды къ обѣду... Мы съ его величествомъ въ перепискѣ...

6.

Человѣкъ, который не сантиментальничаетъ.

Ливинская съ какимъ-то жуткимъ любопытствомъ всматривалась въ Максимова. Съ первыхъ же словъ, съ перваго впечатлѣнія, онъ былъ симпатиченъ какой-то свѣжей непосредственной искренностью и всей своей плотной фигурой крѣпко сколоченнаго медвѣжонка, брыжжущаго здоровьемъ и нерастраченной силой. Видно сразу,—большой женолюбъ, съ головой отдающійся каждому новому увлеченію. Закрутить, завертѣть такого—трудъ не изъ большихъ! Пококетничать вволю,—и эти маленькіе, сѣрые, вдумчивые глаза такъ и загорятся послушной, готовой на все мольбою... Но... и въ этомъ «но» было что-то колючее и горькое. Профессіональной обольстительницей Ливинская никогда не была. И если приходилось грѣшить—то по зову

сердца. Теперь же... теперь ей «приказано» увлечь его. И это—увы!—не на радость и благополучіе этому пышащему несокрушимой мощью артиллеристу... Ливинская убѣждалась, что ея легкая, беззаботная служба, какъ медаль, имѣетъ свою оборотную сторону. О, такіе, какъ господинъ фонъ-Юстіусъ, если платятъ деньги, то знаютъ за что! Гадко все это! Но еще хуже—вернуться назадъ на Пушкинскую, не зная, будетъ ли чѣмъ оплатить комнату, и будетъ ли у нея къ вечеру высохшій сыръ изъ молочной, такъ напоминающій кухонное мыло, и чайная колбаса...

Максимовъ, поставивъ между колѣнями саблю,—не успѣлъ отстегнуть ее,—рѣшилъ занимать эту обворожительную польку.

— Ваша усадьба въ какой губерніи?

— А вы бывали въ королевствѣ?

— Почти,—добродушно, по-дѣтски улыбнулся Максимовъ.—Я стоялъ со своей батареей въ Гродненской губерніи.

— Это далеко... Наше имѣніе въ Люблинской, въ Грубешовскомъ уѣздѣ.

— Какъ вы нашли Петербургъ?

— Чудный городъ... Правда, это не жизнерадостная Варшава. Онъ строже, если хотите, монументальнѣй, но здѣсь—настоящая жизнь! И все въ такомъ крупномъ масштабѣ. Скажите, мосье Максимовъ, летать опасно?..

— Рискъ есть. И большой. Но—свыкаешься.

— А вы бы полетѣли со мною?

— Нѣтъ, не полетѣлъ бы,—съ какой-то извиняющейся улыбкой покачалъ головою Максимовъ. И былъ онъ въ этотъ моментъ такой ласковый—ласковый медвѣжонокъ.

— Почему?

— Въ воздухѣ я отвѣчаю только за самого себя. Дамъ-пассажирокъ не беру принципіально. Всему свое мѣсто. Я

предпочитаю дамское общество въ иныхъ, болѣе интересныхъ условіяхъ...

— Вотъ вы какой! Съ вами опасно... Жаль, а я думала, что весною, когда наступитъ теплая погода, вы меня покатаете.

— Покатаете? Извините меня, Ванда Казиміровна, я не извозчикъ! — въ шутку обидѣлся Максимовъ.

— Ну, а какъ же надо говорить? Полетаете, что ли? Я вѣдь недавно выучилась по-русски. А вы нехорошій и придира! Поймалъ и обрадовался! — кокетничала Ливинская, зажигая Максимова какимъ-то страннымъ, что-то неуловимое и туманное сулящимъ огонькомъ большихъ, темныхъ глазъ. Огонекъ угасъ такъ же внезапно, какъ вспыхнулъ.

А у Максимова заныло внутри... Весь онъ, грудастый, плечистый, затянутый въ мундиръ, охваченъ былъ вдругъ какимъ то сладостнымъ и вмѣстѣ тоскующимъ томленіемъ...

Поощренный артиллеристъ спросилъ съ надеждою въ голосѣ:

— Вы... одна здѣсь, или вмѣстѣ съ супругомъ?

Ливинская едва удержалась отъ смѣха, такимъ дикимъ показался вопросъ.

— Одна... Мой мужъ далеко...

— Вы разрѣшите мнѣ проводить васъ?.. Я буду счастливъ... За мною пріѣдетъ моторъ.

— Съ удовольствіемъ...

Баронесса Фридерика Ильинишна считалась дѣловой женщиной. И поэтому преддверіемъ къ ея будуару былъ кабинетъ. Настоящій мужской кабинетъ. Почти мужской. Лишь отсутствіе неибѣжной въ такихъ случаяхъ суровости линій, уютъ и какая-то особая интимность убранства говорили о томъ, что это кабинетъ—дамы. Но такъ же, какъ и у мужчинъ, посрединѣ на кругломъ столѣ—газеты, иллюстрированные журналы, англійскіе, нѣмецкіе, французскіе. Диванъ стиля «модернъ» походилъ на цѣлое купэ, — столько при-

компановано было къ нему этажерочекъ, выдвижныхъ ящиковъ, полочекъ. И все—красное дерево, а главное, старинное красное дерево. Для того, чтобы осуществить фантазію баронессы и примирить непримиримое,—стиль „модернъ" съ эпохою Имперіи,—какая чудовищная принесена была гекатомба! Сколько разломано было пузатыхъ бабушкиныхъ комодовъ, шкаповъ, столовъ на прямыхъ ножкахъ, отдѣланныхъ такой художественной, золоченой чрезъ огонь бронзой!

Но если, какъ говорится, у всякаго барона фантазія своя, то почему же не могла имѣть своихъ фантазій баронесса Махлейтъ?

Сюда, въ это „купэ", привела Фредерика Ильинична князя Елабужскаго. Здѣсь можно было курить, и всѣ пользовались этимъ правомъ. Въ особенности господинъ фонъ-Юстіусъ, какъ изъ фабричной трубы дымившій громадной сигарой.

Елабужскій разсказывалъ свои впечатлѣнія минувшей балканской войны. Кромѣ Августа Вильгельмовича слушали его еще мрачный полковникъ генеральнаго штаба, какой-то безцвѣтный господинъ въ немодномъ и несвѣжемъ фракѣ и, наоборотъ, въ очень модномъ и съ иголочки фракѣ и бѣломъ жилетѣ—молодой бритый блондинъ, весь пропитанный какими-то сладковатыми духами. Въ его красивомъ лицѣ съ такимъ рѣзкимъ, чисто-скульптурнымъ рельефомъ, было что-то непріятное, даже отталкивающее. И это впечатлѣніе усиливалось еще холодными, жестокими глазами. Широкій, немного скошенный лобъ и твердыя скулы говорили о затаившемся хищникѣ. У этого „хищника", пропорціонально сложеннаго и невысокаго, угадывалась подъ фракомъ военная выправка вообще, и германская въ частности.

Русскаго, французскаго, итальянскаго и даже австрійскаго офицера въ штатскомъ не всегда распознаешь. Гер-

манецъ же, въ особенности пруссакъ, безошибочно выдаетъ себя какой-то особенной, механической законченностью движеній. Не человѣкъ, а превосходно сфабрикованный говорящій манекенъ. Бритый блондинъ, баронъ Артуръ Гумбергъ именовался гусарскимъ лейтенантомъ въ отставкѣ. Онъ служилъ въ такъ-называемыхъ „гусарахъ смерти", квартировавшихъ въ Данцигѣ подъ командою кронпринца.

Говорили по-французски. У бывшаго прусскаго гусара было недурное произношеніе, хотя и не безъ акцента, отъ котораго нѣмцу трудно, почти невозможно избавиться. Но по сравненію со своимъ пріятелемъ, господиномъ фонъ-Юстіусомъ, съ которымъ онъ былъ на «ты», баронъ Гумбергъ говорилъ, какъ парижанинъ.

Оказалось, и Гумбергъ принималъ участіе въ балканской войнѣ, съ тою лишь разницею, что былъ въ турецкой арміи и дрался противъ болгаръ на Чаталджѣ и противъ черногорцевъ подъ Скутари. Гумбергъ съ перваго же впечатлѣнія не понравился Елабужскому. А когда Елабужскій узналъ, что баронъ бился противъ славянъ, это впечатлѣніе усилилось и окрѣпло. Ему казалось непонятнымъ и страннымъ, что сейчасъ въ этомъ кабинетѣ онъ бесѣдуетъ съ человѣкомъ, который тамъ, на Балканахъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, съ удовольствіемъ пристрѣлилъ бы его.

Елабужскій вооружился тактомъ и корректностью человѣка общества, чтобъ не наговорить Гумбергу, такъ и просившихся на языкъ, непріятныхъ вещей. Гумбергъ откровенно бравировалъ и своимъ туркофильствомъ и своей жестокостью къ плѣннымъ.

— Я люблю турокъ и скорблю за ихъ неудачи. Турецкіе солдаты—хороши, чего нельзя сказать, къ сожалѣнію, о командномъ составѣ. Офицеры и генералы турецкіе оказались не на высотѣ.

— Но вѣдь тамъ же было много вашихъ германскихъ инструкторовъ?—замѣтилъ Елабужскій.

— Увы, это капля въ морѣ!.. Хорошихъ турецкихъ офицеровъ можно было пересчитать по пальцамъ. Да и то всѣ они, подобно моему другу Энверъ-бею,—наши берлинскіе воспитанники.

— Oui, Oui, c'est un élève de l'academie militaire de Berlin!—подтвердилъ самодовольно суживая свои поросячьи глазки, господинъ фонъ-Юстіусъ.

— Однако Энверъ-бей не проявилъ особенныхъ талантовъ. Его попытка высадить десантъ была весьма и весьма плачевна,—возразилъ Елабужскій, не замѣчая вставки господина фонъ-Юстіуса.

— Энверъ-бей слишкомъ поздно вернулся изъ Триполи, когда было потеряно все, или почти все. Но зато, какъ онъ блестяще колотилъ въ Триполи итальянцевъ!.. И главное, съ ничтожной горсточкою арабовъ... Я вмѣстѣ съ нимъ сдѣлалъ почти всю эту войну. И въ Бенгази и въ Киренаикѣ...

— Какъ, вы дрались и противъ вашихъ политическихъ союзниковъ, итальянцевъ?—изумился Елабужскій.

— Я не политикъ, я солдатъ...

— Но вѣдь существуетъ же извѣстная международная этика...

— Этики нѣтъ, князь. Есть сила. За кѣмъ сила, тотъ игнорируетъ всякую этику.

Елабужскій пожалъ плечами. Возражать,—непремѣнно сорвется что-нибудь рѣзкое по адресу этого обнаглѣвшаго пруссака. Хотѣлось встать и уйти. Онъ только ждалъ какого-нибудь предлога.

— Мы брали тамъ до противнаго много въ плѣнъ этихъ игрушечныхъ итальянскихъ солдатиковъ съ пѣтушиными перьями на колоніальныхъ шлемахъ. Мои арабы уставали даже разстрѣливать ихъ.

— Вы разстрѣливали плѣнныхъ?

— А что же прикажите съ ними дѣлать?—удивился въ

свою очередь Гумбергъ.—Кормить сотни голодныхъ ртовъ и охранять отъ побѣга? Благотворительность не входила въ наши соображенія. Одно изъ двухъ: или воевать, или разводить сантиментальности.

— У васъ, баронъ, своеобразное понятіе о сантиментальности...

— Что дѣлать! Мы, нѣмцы, смотримъ на вещи трезво, и въ этомъ наша сила...

Елабужскій молча сидѣлъ съ нахмуреннымъ лицомъ, сжавъ губы и глядя куда-то въ сторону.

Бывшій „гусаръ смерти" увидѣлъ, что хватилъ черезъ край. Да и господинъ фонъ-Юстіусъ уже сигнализировалъ ему своими глазками. Баронъ пытался смягчить дурное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что мрачный полковникъ генеральнаго штаба, хотя и не проронившій ни слова, демонстративно покинулъ кабинетъ.

— Мы увлеклись. Эти «спеціальные» вопросы не для гостиной. Эта уютная мирная обстановка требуетъ и темъ болѣе мирныхъ. Не правда ли, князь?..—искательно и фальшиво улыбнулся холодными своими жестокими глазами Гумбергъ.

Но Елабужскій не видѣлъ этой улыбки. Взглянулъ на часы, рѣшительно всталъ и, молча поклонившись, вышелъ изъ кабинета, давъ себѣ слово, что ноги его больше не будетъ въ этомъ домѣ.

Господинъ фонъ-Юстіусъ, баронъ и безцвѣтная личность въ несвѣжемъ фракѣ переглянулись, какъ по командѣ, и пожали плечами.

— Милый баронъ, ты плохой дипломатъ,—сказалъ Августъ Вильгельмовичъ по-нѣмецки.—Къ чему такая откровенность? Къ чему?.. Тѣмъ болѣе имъ никогда не понять насъ, и мы ихъ никогда не поймемъ...

— Потому что мы—высшая раса! Мы смѣлы, ибо имѣемъ на это право.

— Это другое дѣло... Выше германской расы нѣтъ ничего на свѣтѣ!..

Несвѣжій фракъ подобострастно хихикнулъ.

7.

По векселямъ.

На другой день Августъ Вильгельмовичъ вызвалъ къ себѣ Ливинскую по телефону. Она пріѣхала сумерками, принеся съ собою холодную струю, свѣжая, разрумяненная морозомъ, лютымъ по-вчерашнему.

Августъ Вильгельмовичъ принялъ ее въ своемъ кабинетѣ, аляповатомъ, безвкусномъ. Повсюду—тяжелая кричащая бронза. Пудами взвѣшивать можно. И все—новѣйшаго рыночнаго происхожденія. Бронзовыя пепельницы—не подымешь одной рукою, бронзовые медвѣди съ добраго кота, бронзовыя веревки, стаканы для перьевъ и карандашей и, конечно, бронзовая чернильница, громадная, какъ монументъ. Надъ письменнымъ столомъ, величиною съ трактирный билліардъ, висѣлъ портретъ императора Вильгельма съ фарфоровымъ лицомъ и весь какой-то фарфоровый, не живой, написанный болѣе чѣмъ посредственнымъ художникомъ. Вообще по части искусства господинъ фонъ-Юстіусъ былъ довольно-таки слабоватъ. На стѣнахъ, въ широкихъ золоченыхъ рамахъ, висѣли дрянныя картинки, называемыя дешевкою. Но вся эта дешевка отличалась нѣмецкой анекдотичностью. Шварцвальдскій охотникъ щиплетъ краснощекую пастушку, а кругомъ благопристойно пасутся коровы. На другой картинкѣ щеголеватый горе-охотникъ покупаетъ зайца у лѣсника въ шляпѣ съ перомъ. Горе-охотникъ сконфуженъ, лѣсникъ добродушно посмѣивается. Въ такомъ же вкусѣ и остальныя картинки, чрезвычайно Августомъ Вильгельмовичемъ одобрявшіяся.

Посадивъ Ливинскую у письменнаго стола, самъ господинъ фонъ-Юстіусъ развалился въ креслѣ.

— Какая вы есть нарядная! Къ вамъ очень пойдетъ эта черная шляпа. Сколько вы за нее заплатили?

— Шестьдесятъ рублей.

— Колоссаль! Вотъ что значитъ служить у меня, n'est ce pas?.. Развѣ два мѣсяца назадъ вы могли покупать такую шляпу?

— Вы меня вызвали по дѣлу, Августъ Вильгельмовичъ,— поспѣшила Ливинская дать другое направленіе мыслямъ своего принципала.

— Mais oui! Конечно, по дѣлу. Но говорите мнѣ сначала, какъ тамъ было у баронессы? Я уѣхалъ до ужина. Меня вызывали по одному очень серьезному дѣлу.

— Было очень весело. Много шампанскаго. Котлеты изъ рябчиковъ, съ фаршемъ изъ трюфелей. Я прямо объѣлась. А главное, симпатично, что всѣ сидѣли за маленькими столиками.

— Максимовъ, надѣюсь, былъ съ вами?

— Натурально... Такой добродушный, такъ мило шутилъ...

— Кто еще?

— Какой-то баронъ. Бритый, красивый, но въ его присутствіи чувствуешь себя не особенно... Много пилъ, но оставался все такой же блѣдный и такъ смотрѣлъ на меня...

— Это не есть «какой-то» баронъ,—наставительно перебилъ господинъ фонъ-Юстіусъ,—а это есть опредѣленный баронъ Артуръ фонъ-Гумбергъ, вполнѣ уважаемая персона.

— Очень можетъ быть... Но я его видѣла впервые, и насколько это уважаемая персона—судить не могу и не берусь.

— Но мы выпиваемъ кофе? Добраго нѣмецкаго кофе!

Августъ Вильгельмовичъ позвонилъ. Вошелъ рослый, въ узкой сѣрой тужуркѣ и съ военной выправкою, лакей.

— Гансъ, кафэ!

Гансъ принесъ въ двухъ большихъ тяжелыхъ чашкахъ забѣленный молокомъ кофе.

— ‘Ну что же говоритъ Максимовъ?..

— Онъ мало говоритъ, онъ больше млѣетъ.

— Млѣетъ? Qu’est ce que ça млѣетъ?..

— Кажется, уже влюбленъ.

— А, влюбленъ! Это хорошо, это очень хорошо! Онъ просилъ рандеву?..

— Мы обѣдаемъ съ нимъ завтра.

— И это очень хорошо! Заставляйте его много платить. Требуйте самое дорогое кушанье. Пускай онъ дѣлаетъ вамъ драгоцѣнный сувениръ, а потомъ, когда вы знакомитесь ближе,—господинъ фонъ-Юстіусъ кашлянулъ,—спрашивайте у него денегъ... Теперь я вамъ говорю секретъ. Помните, мадамъ Ливинская, если вы когда-нибудь выдаете, вамъ будетъ большая бѣда. Вы никуда не спрячетесь. Это вы имѣйте себѣ... Мы васъ поймаемъ на океанскомъ днѣ.

И Августъ Вильгельмовичъ такъ посмотрѣлъ на Ливинскую поросячьими глазками и такой сдѣлалъ характерный жестъ пухлыми большими пальцами, что ей стало жутко.

— Зачѣмъ эти предисловія?—смутилась она.—Разъ я служу, это обязываетъ меня...

— Я только предупреждалъ. Этотъ Максимовъ есть очень большой химическій талантъ. Онъ выдумывалъ вещество колоссальной разрушительной силы. Это—бросать съ аэроплана бомбы. Я знаю про одинъ секретный опытъ. Они брали вмѣстѣ очень много, двѣсти старыхъ бракированныхъ лошадей,—по-русски это называется кляча, да кляча,—и ставили на лугъ, а Максимовъ поднимался на аэропланъ и бросалъ сверху свою бомбу. И когда бросилъ одну и когда она разрывалась, тамъ, гдѣ были лошади, тамъ ничего, понимаете, ничего, rien du tout! Одна такая маленькая бомба уничтожаетъ цѣлый батальонъ. Я даю вамъ еще сроку два мѣсяца. Черезъ два мѣсяца намъ необходимо имѣть секретъ господина Максимова. Или онъ продаетъ его за большой гонораръ, или, если онъ не продаетъ, я

выписываю изъ Берлина хорошій химикъ, которому надо спокойно поработать въ мастерской господина Максимова нѣсколько часовъ. А для этого вы увозите влюбленнаго офицера на два или три дня изъ Петербурга. Маленькое свадебное путешествіе на Иматру. Voyage de noce... Ха-ха! Это не совсѣмъ плохо сказано, voyage de noce...—разсмѣялся Августъ Вильгельмовичъ, довольный собственнымъ остроуміемъ.

Но Ливинская не смѣялась. Она сидѣла, сжавъ губы, потупивъ глаза, чувствуя, что вотъ, наконецъ, надвинулось то темное и страшное, чего она такъ боялась.

— Мой планъ, кажется, вамъ не нравится?—съ вызовомъ и какой-то угрозою спросилъ Августъ Вильгельмовичъ.

— Я, право, не знаю... необходимо подумать.

Господинъ фонъ Юстіусъ поднялся и, опершись руками о край письменнаго стола, перегнулся къ Ливинской.

— Вы не знаете? А получать гонораръ вы знаете? Я васъ находилъ на улицѣ, а теперь вы шикарно живете, у васъ есть туалеты, деньги, вы бываете въ домѣ такой уважаемой дамы, какъ баронесса Махлейтъ. Что же, я все это дѣлалъ для вашихъ красивыхъ глазъ? Для красивыхъ глазъ никто ничего не дѣлаетъ. А я имѣю два вашихъ векселя, сначала одинъ и потомъ другой. А если вы хорошо исполняете это порученіе, вамъ будетъ еще приватный гонораръ. Я вамъ даю еще одни маленькія деньги. Но дисциплина прежде всего! Вы еще не знаете германской дисциплины!.. Посмотрите мнѣ на глаза.

Ливинская подняла голову, въ ея большихъ, темныхъ глазахъ блестѣли крупныя слезы.

— Я доволенъ, теперь вы будете служить!

Августъ Вильгельмовичъ подошелъ къ несгораемой кассѣ.

Когда Ливинской уже не было, господинъ фонъ Юстіусъ громко на всю квартиру крикнулъ.

— Артуръ!

Распахнулась дверь. Появился изъ внутреннихъ комнатъ бывшій гусаръ смерти баронъ Гумбергъ.

— Ушла?...

— Только-что... Слушай, Артуръ. Ты большой донъ-Жуанъ. Бабы липнутъ къ тебѣ. Ты долженъ заняться этой Ливинской и прибрать ее къ рукамъ. Женщина не сдѣлаетъ того за деньги, что она сдѣлаетъ, если мужчина имѣетъ надъ нею власть. Эти бомбы необходимы намъ. Графъ Остеръ-Роддэ спрашивалъ вчера... Разрушительная сила ихъ—что-то феноменальное. А пока ихъ тамъ у насъ успѣютъ заготовить—пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ... Ты самъ знаешь,—война неминуема. И если она будетъ, то не позже этого лѣта. Ахъ, эти бомбы!.. Они не даютъ мнѣ покоя. Эскадра изъ нѣсколькихъ цеппелиновъ можетъ въ четверть часа превратить и Петербургъ, и Парижъ въ груды камней... И,—это еще важнѣе,—отъ цѣлыхъ корпусовъ останется то, что осталось отъ этихъ лошадей... Другими словами — ничего не останется. Артуръ, ты займешься ею?..

— Займусь! Мы живемъ въ одномъ и томъ же отелѣ, и задача значительно облегчается... Я ее скручу въ бараній рогъ. Тѣмъ болѣе, она мнѣ нравится, и я охотно сдѣлаю ее своей любовницей. Я произвелъ на нее впечатлѣніе. Это видно было вчера за ужиномъ. Кстати, эта красавица говоритъ на какомъ-нибудь человѣческомъ языкѣ? Вчера она говорила только по-свински, то-есть по-русски.

— Чудакъ!.. Развѣ тебѣ недостаточно языка любви? Онъ такой выразительный. А впрочемъ, говори съ нею по-французски. Она болтаетъ съ грѣхомъ пополамъ, но понимаетъ все. Я на тебя надѣюсь, Артуръ?

— Будь спокоенъ, Августъ. Недаромъ же товарищи называли меня въ Данцигѣ профессіональнымъ обольстителемъ. Всему свое время, дружище! Бабы и кутежи никогда

не мѣшали мнѣ быть исправнымъ, исполнительнымъ офицеромъ. У себя въ эскадронѣ я культивировалъ желѣзную дисциплину. Въ особенности доставалось отъ меня этимъ польскимъ свиньямъ. А въ „гусарахъ смерти“ ихъ было много, потому что, отдать справедливость, они хорошо и красиво ѣздятъ. Полякъ—прирожденный кавалеристъ. Но, какъ ты самъ знаешь, хотя ты человѣкъ глубоко штатскій, идеальныхъ кавалеристовъ нѣтъ на свѣтѣ. Только одинъ Богъ ѣздитъ на пятерку, Зейдлицъ ѣздилъ на четыре, а всѣ мы, грѣшные,—на тройку. И все-таки германская конница—лучшая въ Европѣ. Но я не объ этомъ хотѣлъ сказать... Да, поляки. Надо тебѣ сказать, мой двоюродный братъ, баронъ Генрихъ фонъ-Гумбергъ, служилъ въ Конго, въ колоніальныхъ войскахъ. Оттуда онъ привезъ мнѣ въ подарокъ бичъ изъ гиппопотамовой кожи. Онъ разсказывалъ чудеса: туземные палачи однимъ ударомъ отправляютъ на тотъ свѣтъ человѣка. Взмахъ,—и нѣтъ позвоночника! Этотъ бичъ я бралъ съ собою всегда въ манежъ, спеціально для поляковъ, хотя, конечно, и своимъ доставалось, иначе бы прусская дисциплина не была бы такой образцовой. Особенно развлекался я во время барьерныхъ прыжковъ. Я становился впереди препятствій. Не успѣетъ полякъ взять барьеръ, какъ я его изо всѣхъ силъ вытягиваю бичомъ по спинѣ.

— За что?—спросилъ Августъ Вильгельмовичъ.

— Видишь ли, если онъ прыгалъ старымъ академическимъ способомъ, я его билъ за то, почему онъ не беретъ барьера по итальянской системѣ, хотя она у насъ не имѣла никакого успѣха... Если же на другой день, наученный горькимъ опытомъ, я, въ концѣ концовъ, такъ напрактиковался, что разсѣкалъ на нихъ и венгерку и мясо,—если онъ пробовалъ по-итальянски податься всѣмъ корпусомъ впередъ, я вытягивалъ его такъ бичомъ, что лопались рейтузы. И опять оправданіе, почему не прыгалъ академически?

— Однако ты былъ требователенъ...

— Да, могу похвастать! Не всѣ выдерживали эту марку. Нѣкоторые сходили съума, другіе кончали самоубійствомъ, третьи — дезертировали. Я получалъ анонимныя письма со всевозможными угрозами... Но я не изъ трусливыхъ.

— Слушай, Артуръ, я тебя очень прошу. Мнѣ ты можешь разсказывать такія вещи, и даже въ своемъ штатскомъ сердцѣ я ихъ и понимаю и одобряю. Но сдерживай ты себя, ради Бога, среди русскихъ! Я видѣлъ вчера, какъ отъ твоихъ разсказовъ коробило этого чувствительнаго гвардейца. Зачѣмъ? Онъ богатый человѣкъ, съ громкимъ титуломъ... Въ обществѣ такихъ, какъ онъ, всегда можно узнать что-нибудь полезное... Совсѣмъ случайно, безъ всякаго съ ихъ стороны подозрѣнія. Ихъ надо привлекать, а не отталкивать такимъ способомъ. Ихъ вѣдь не перевоспитаешь, такъ, или нѣтъ?..

— Ну хорошо! Больше не буду, какъ говорятъ дѣти... Я буду говорить, что плѣннымъ необходимо давать шампанское, что офицеръ по отношенію къ солдату долженъ быть мягокъ, гуманенъ, что достоинъ презрѣнія тотъ, кто ударитъ солдата.

— Нѣтъ, зачѣмъ же пересаливать! — возразилъ господинъ фонъ-Юстіусъ, не понявъ ироніи своего пріятеля.

Хозяинъ дома нажалъ кнопку и велѣлъ Гансу приготовить чемоданъ въ дорогу.

— Ты уѣзжаешь? — спросилъ Гумбергъ.

— На три дня всего. Необходимо въ Лодзь съѣздить. Кой-какія дѣлишки. Кстати, Артуръ, знаешь ли ты, сколько нашихъ резервистовъ работаетъ на лодзинскихъ фабрикахъ? Разумѣется, на нѣмецкихъ...

— Сколько?..

— Ну, какъ тебѣ кажется, назови приблизительную цифру?..

— Человѣкъ... человѣкъ пятьсотъ.

Августъ Вильгельмовичъ разсмѣялся и хлопнулъ барона по плечу.

— Восемь тысячъ!.. Восемь тысячъ, милѣйшій!.. Да!.. Какъ одинъ человѣкъ!..

— Да вѣдь это цѣлыхъ два полка въ боевомъ составѣ!

— А ты думалъ, мы спимъ, что ли?.. Итакъ, надѣюсь, вернувшись, я вспрысну шампанскимъ твою побѣду надъ этой знойной красавицей. Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! N'est ce pas?..

— Будь спокоенъ! Кстати, въ Лодзи на пивоваренномъ заводѣ братьевъ Гелигъ управляетъ конторою Диффенбахъ, ротмистръ кирасирскаго резерва, мой старый пріятель. Передай ему поклонъ и привѣтъ.

— Непремѣнно!.. Погоди, я запишу для памяти... Заводъ братьевъ Гелигъ, ротмистръ Диффенбахъ... Есть!..

8.

Въ кабалѣ.

Ливинская потеряла всякую надежду разобраться въ этомъ закружившемъ ее вихрѣ событій, переживаній, впечатлѣній. Лучше не разбираясь отдаться этому подхватившему и уносящему круговороту. Безполезны и только мучительны всякія самоуглубленія... Все придавлено... Ни собственныхъ желаній, ни собственной воли. Она превратилась въ автоматъ, слѣпо исполняющій чужія хотѣнія, въ жалкую щепку, подхваченную волною.

За эти обѣды и завтраки подъ тепличными пальмами, за право посѣщать салонъ баронессы Махлейтъ, за шестидесятирублевыя шляпки, за двѣ комнаты съ ванною, за все это началась расплата... Началась только. А впереди еще безъ конца-краю зловѣщей паутины... И она сама запутается вся цѣликомъ и кромѣ того должна еще и другихъ запутать.

Бѣдный Максимовъ... Ей жаль его. Искренно жаль! Но, ничего не подѣлаешь. Приходится выбирать между собою и этимъ милымъ, довѣрчивымъ офицеромъ, который такимъ свѣжимъ, хорошимъ чувствомъ влюбился въ нее.

Такъ весь и горитъ планами, пылкими мечтами о будущемъ, ихъ совмѣстномъ будущемъ... о женитьбѣ... Умоляетъ:

— Разведитесь съ вашимъ мужемъ. Всѣ хлопоты, расходы я беру на себя... Хочу, чтобы вы были моею и только моею! .

Что можно ему сказать на это въ отвѣтъ? Она плететъ какую то обнадеживающую, уклончивую ложь. Онъ и этимъ доволенъ въ охватившемъ его угарѣ. Забросалъ подарками. Три съ половиною тысячи оставилъ у ювелира. Брильянтовыя серьги, кольцо съ изумрудомъ, брошь въ кровавыхъ капелькахъ рубиновъ... Онъ весь порывистый, страстный. Все готовъ отдать, разъ любитъ. И никакихъ притязаній, требованій...

— Я ничего не хочу... Слышите, ничего. Сейчасъ... По заказу нѣтъ любви. Но мое желаніе, единственное, чтобъ вы хоть десятую долю,— что десятую,— сотую!..— питали ко мнѣ того чувства, которое меня такъ властно заполонило.

А на этотъ крикъ души,—въ отвѣтъ,—головное, обдуманное кокетство, все изъ неопредѣленныхъ туманныхъ полуобѣщаній.

И во всю эту хаотическую сумятицу врѣзался вдругъ острымъ ударомъ ножа баронъ Гумбергъ.

Вечеромъ сидѣла у себя въ отелѣ, апатичная, вялая. Никуда не тянуло. Пыталась читать,—слова и фразы механически отпечатывались въ мозгу безъ всякаго смысла. Шелъ уже одиннадцатый часъ. Въ сосѣдней комнатѣ спалъ сынъ.

Рѣзкій, неожиданный стукъ въ дверь вспугнулъ ее такъ, что шибко забилось сердце. Вошелъ вкрадчивой, хищной

походкою Гумбергъ. Прямой и стройный, въ отлично сшитой визиткѣ и съ моноклемъ.

Онъ прочелъ на ея лицѣ изумленіе, граничившее съ испугомъ.

— Неужели я такой страшный? Или васъ удивило мое появленіе? Хотя,—ничего удивительнаго. Мы съ вами сосѣди, сосѣди даже по корридору. Весьма естественно мое желаніе продолжить знакомство, начатое у баронессы Махлейтъ. Но, ради Бога, мадамъ Ливинская, посмотритесь въ зеркало... ваши глаза. Вы такъ продолжаете смотрѣть на меня, словно къ вамъ съ корридора вползла гремучая змѣя... Будьте же любезной хозяйкой. Дайте мнѣ поцѣловать вашу руку, а затѣмъ—предложите сѣсть...

Гумбергъ смотрѣлъ на все еще изумленную женщину холоднымъ, насмѣшливымъ взглядомъ. И когда Ливинская автоматически протянула ему руку, онъ взялъ ее въ обѣ свои и, не спѣша, вдыхая ароматъ гладкой, атласистой кожи, покрылъ медленными, тягучими поцѣлуями до локтя, для удобства откинувъ мѣшавшій ему рукавъ капота...

И у нея не было, не хватило воли и желанія оттолкнуть наглеца, указать ему дверь...

Дѣйствительно гремучая змѣя какая-то, гипнотизирующая своими тусклыми, жестокими глазами. Въ одно и то же время этотъ человѣкъ и какъ-то властно неотразимо привлекалъ и съ неменьшею же силою—отталкивалъ...

Въ этотъ вечеръ къ денежной зависимости Ливинской присоединилась еще и другая... Умудренный житейскимъ опытомъ господинъ фонъ-Юстіусъ недаромъ хотѣлъ для большей вѣрности опутать двояко молодую женщину, толкнувъ ее въ кабалу не только матеріальную, но и сердечную. Онъ пустилъ по ея слѣду такого „профессіональнаго обольстителя“, какъ баронъ Гумбергъ.

Безспорно, въ этомъ человѣкѣ со скошеннымъ лбомъ, жестокими глазами и какъ-то странно шевелившимися подъ

кожею скулами чувствовалась какая-то недобрая сила. Одно его прикосновенiе мутило разсудокъ. Но это не былъ чувственный экстазъ. Нѣтъ. Скорѣй это было порабощенiе какимъ-то внушенiемъ. Ливинская не могла вынести этого взгляда, холоднаго, замораживающаго. Это были глаза каторжника, но по модѣ и съ иголочки одѣтаго, выбритаго до глянцу, надушеннаго и съ моноклемъ. Глаза лощенаго апаша, бандита, убiйцы.

Этотъ бывшiй „гусаръ смерти", не утруждая себя банальными фразами, въ которыя не вѣритъ ни та, ни другая сторона, и которыя говорятся изъ приличiя, чтобъ создать хоть какую-нибудь иллюзiю, — грубо, какъ вещью, завладѣлъ этой женщиной. И тотчасъ же, не давъ опомниться, разобраться, весь цѣликомъ, вмѣстѣ съ грязными сапогами, хотя они были у него отмѣнно вычищены, — влѣзъ въ ея душу. Это было безграничное торжество цинизма. Ему доставляло огромное наслажденiе мучить ее словами, такими же оскорбительными, какъ ударъ бича изъ гиппопотамовой кожи, которымъ онъ разсѣкалъ рейтузы и венгерки имѣвшихъ несчастiе служить подъ его командою поляковъ...

За нравственными пытками — физическiя. Онъ съ удовольствiемъ причинялъ ей боль, ту животную боль, которая искажаетъ лицо, и отъ которой люди кричатъ дикимъ, чужимъ голосомъ. Гумбергъ занимался этимъ совершенно спокойно, съ каменнымъ лицомъ, и только линiя рта да выраженiе глазъ выдавали его.

На другой же день послѣ своего внезапнаго вторженiя къ Ливинской, онъ подошелъ къ туалетному столику, взялъ съ крохотной фарфоровой тарелочки булавку и быстрымъ движенiемъ вогналъ ее на три четверти въ руку молодой женщины, пониже локтя. Она вскрикнула, а онъ съ дурашливо-наивной улыбкой спросилъ:

— Развѣ больно?

Она плакала. И такiя же крупныя слезы, только алыя,

выступили на рукѣ изъ точки укола. Увидѣвъ кровь, Гумбергъ вздрогнулъ. Въ тусклыхъ глазахъ его сверкнулъ огонекъ.

— Дай, выпью!

Онъ припалъ губами къ рукѣ, высасывая кровь и напоминая вампира. Въ ужасѣ, не смѣя отдернуть руку, смотрѣла широко раскрытыми глазами Ливинская сверху на этотъ крѣпкій черепъ, съ такимъ ровнымъ проборомъ свѣтлыхъ, жиденькихъ, густо напомаженныхъ волосъ.

А потомъ, развалившись на диванѣ съ ногами и дымя сигарой, заявилъ:

— Мнѣ нужны двѣ тысячи!..

Ливинская стояла лицомъ къ окну. Вздрагивали плечи съ ушедшей въ нихъ головою.

Онъ повторилъ громче, внушительнѣй; отчеканилъ:

— Мнѣ нужны двѣ тысячи!

Ливинская не слышала, думая въ слезахъ о томъ, какъ хорошо, что не былъ свидѣтелемъ этой безобразной сцены маленькій Стась, котораго она догадалась услать въ коридоръ—„побѣгай!"

Гумбергъ всталъ, подошелъ къ ней и, взявъ сзади за плечи, сильно тряхнулъ:

— Слышишь, ты должна достать мнѣ эту сумму!

— Но у меня нѣтъ этихъ денегъ.

— А Максимовъ на что? Развѣ ты забыла, что его надо всячески разорять? Это вполнѣ согласуется съ нашими планами...

Яснымъ, тихимъ, морознымъ утромъ, когда дымъ поднимался изъ трубъ прямымъ куревомъ, извозчичьи санки остановились у дома, гдѣ жилъ Максимовъ.

Ливинская позвонила.

Максимовъ впустилъ ее. Лицо его сіяло радостью. Но, увидѣвъ Ливинскую, горестную, пришибленную, онъ спросилъ съ тревогою:

— Что съ вами, дорогая?

— Такъ... непріятности.

— Но въ чемъ же дѣло? Вы меня пугаете.

Онъ усадилъ ее и самъ сѣлъ на осьмигранный, восточный табуретъ. Видимо, приходъ Ливинской оторвалъ его отъ работы. На немъ была бѣлая, длинная блуза, подчеркивающая мощность фигуры, и только синія со штрипками и краснымъ кантомъ форменныя брюки, да сапоги со шпорами указывали, что это офицеръ.

— Я помѣшала вамъ?

— Нѣтъ, ничего. Прервать работу, чтобъ отдохнуть въ вашемъ присутствіи—только одно наслажденіе! Но что съ вами? Лица на васъ нѣтъ!

— Я пріѣхала къ вамъ, какъ къ родному, — начала Ливинская, избѣгая смотрѣть ему въ глаза.—У меня большая непріятность. Я получила письмо отъ мужа. Требуетъ двѣ тысячи. И вотъ, если я ему не вышлю эту сумму, онъ самъ пріѣдетъ за мною.

— Негодяй!—вскипѣлъ Максимовъ.—Когда же онъ перестанетъ мучить васъ? Но мы заткнемъ его жадную глотку! Я сейчасъ выпишу вамъ чекъ на „международный коммерческій банкъ".

Онъ подошелъ къ письменному столу, добылъ чековую книжку.

— Вотъ... пожалуйста. Только ради Бога не будьте такой мрачной! Это вѣдь и на мнѣ отзывается.

— Ничего, пройдетъ. Не обращайте на меня вниманія. Вы работали?..

— Да. И очень успѣшно! Я хотѣлъ съ вами подѣлиться моей радостью. Помните, я вамъ говорилъ о своихъ бомбахъ. Теперь я изобрѣлъ къ нимъ автоматическій бомбометатель, которымъ снабжу свой аэропланъ. Это васъ интересуетъ?

— Что за вопросъ, конечно, интересуетъ!

— Бомбы помѣщаются въ особыхъ гнѣздахъ, вполнѣ гарантирующихъ отъ случайнаго разрыва. Легкій нажимъ особой кнопки ногою—и бомба устремляется внизъ. Очень удобно. До сихъ поръ онѣ бросались рукою. Это, во-первыхъ, затрудняло летчика, а, во-вторыхъ, не могло быть и рѣчи о болѣе, или менѣе вѣрномъ прицѣлѣ... Если-бъ вы знали, какъ меня увлекаетъ все это! Артиллерійское дѣло, взрывчатыя вещества, авіація, — во всемъ этомъ сколько своеобразной поэзіи!.. Я увѣренъ, что на войнѣ это дало бы громадные результаты. Вы меня простите, вамъ, можетъ быть, скучно все это? Но я увлекаюсь безъ конца! И съ вами, именно съ вами, кумиръ мой, сокровище мое родное, мнѣ особенно отрадно подѣлиться!.. До сихъ поръ, въ двухъ послѣднихъ войнахъ, въ Триполи и на Балканахъ, роль аппаратовъ сводилась исключительно къ воздушной развѣдкѣ. Попытки бросанія бомбъ были единичныя и результаты — жалки. Но совсѣмъ другое сознаніе, — и сколько гордости въ этомъ,—когда вы носитесь въ воздухѣ какимъ-то демономъ-разрушителемъ. И, выпуская одинъ за другимъ снаряды величиною съ какой-нибудь апельсинъ, сметаете цѣлые баталіоны, полки, дивизіи. Это именно и есть война будущаго, недалекаго будущаго. Отовсюду огонь. И съ фланговъ, и съ фронта, и сзади, и снизу, когда цѣлыя пространства минируются фугасами, и, наконецъ, сверху,— самый страшный огонь, потому что онъ подобенъ Божьей карѣ съ небесъ. Развѣ это не красота?..

Ливинская смотрѣла на него со вниманіемъ. Словно подмѣнили его. Другой, совершенно другой, стоялъ передъ нею Максимовъ. Куда дѣвался добродушный увалень-медвѣженокъ? Передъ нею былъ сильный настоящей силою, вдохновенный мужчина, способный зажечь и себя и своего собесѣдника вѣрою въ чудовищную кровавую поэзію его смертоносныхъ изобрѣтеній.

Ливинская, противъ желанія, — на душѣ у нея было

безотраднѣй самой темной ночи,—залюбовалась Максимовымъ. Такимъ, какъ онъ сейчасъ, можно, пожалуй, увлечься... Раскаяніе охватило ее, острое, бичующее. И былъ мгновенный порывъ, — ей съ трудомъ удалось задушить, — сію же минуту во всемъ открыться, принести покаянную. Судорогою, какъ зигзагъ молніи, отразилась на ея лицѣ эта борьба. И когда темное побѣдило свѣтлое, она, пытаясь быть кокетливой и коснувшись его руки своею,—онъ расцвѣлъ отъ этого прикосновенія,—спросила:

— А вы мнѣ покажете вашу мастерскую, милый Ѳедоръ Владиміровичъ? Такъ хочется взглянуть на эту вашу лабораторію разрушенія. Вашу святая-святыхъ.

Онъ сразу, вдругъ, замкнулся въ себѣ.

— Не могу, не просите! Даже для васъ не вправѣ сдѣлать исключенія.

— Но вѣдь я же все равно ничего не понимаю?

— Тѣмъ болѣе это не можетъ составлять для васъ интереса.

— Но вѣдь я же такъ отношусь къ вамъ симпатично. И то, что дорого вамъ и близко, дорого точно такъ же и мнѣ.

— Право же, это скучно. Что вамъ, такой красивой, изящной,—станки, напильники, винты, стержни? Динамитъ, гремучая ртуть, пироксилинъ, тратиллъ, — отъ однихъ этихъ словъ заснете. Лучше давайте о другомъ. Когда же вы мнѣ подарите вечерокъ, и я буду вамъ говорить о своей любви, буду цѣловать ваши руки? Когда? Кстати, мнѣ пришла мысль. Вы сейчасъ говорили о мужѣ. Что, если я на-дняхъ съѣзжу къ нему туда и самъ буду просить о разводѣ? Я могъ бы предложить этому господину нѣсколько тысячъ отступного. Какъ вы думаете?

— Боже сохрани! Вы понятія не имѣете объ этомъ человѣкѣ! Ваша поѣздка испортила бы все... Время и терпѣніе!

— Хорошо, я готовъ терпѣть, готовъ,—покорно согласился Максимовъ.—Но если бъ вы только знали, до чего это мнѣ тяжело!..

Онъ овладѣлъ ея руками, цѣловалъ ихъ, и опять это былъ кроткій, ласковый, немного смѣшной медвѣжонокъ.

9.

Патріотъ своего отечества.

Господинъ фонъ-Юстіусъ вернулся. Не черезъ три дня, какъ обѣщалъ, а черезъ три недѣли. Видимо, у этого аккуратнаго человѣка были серьезныя причины для такого значительнаго опозданія.

Августъ Вильгельмовичъ возвращался въ Петербургъ въ отдѣльномъ купэ спальнаго вагона. Возвращался въ чудесномъ настроеніи. Мурлыкалъ подъ носъ какую-то нѣмецкую шансонетку. Познакомился съ пышно-грудой особою, сосѣдкой по вагону. Не будь особа такъ полна, была бы, пожалуй, красива. Но полнотою она и плѣнила Августа Вильгельмовича. Толстыя женщины были его слабостью.

Ѣхалъ онъ, какъ всякій добрый нѣмецъ, въ сѣро-зелено-коричневомъ костюмѣ и въ спортсмэнской кепкѣ. Но тотчасъ же за Гатчиной, уже въ весеннія сумерки, особенныя, сизо прозрачныя, хотя и по-зимнему холодныя, господинъ фонъ-Юстіусъ занялся своимъ туалетомъ.

Поѣздъ мчался по скудной болотистой равнинѣ. Уже свѣтились впереди огоньки петербургскихъ окраинъ. Августъ Вильгельмовичъ вышелъ изъ купэ въ коридоръ въ черномъ визитномъ костюмѣ, который онъ успѣлъ сшить въ Берлинѣ, гдѣ провелъ четыре дня, проскочивъ туда изъ Лодзи на Познань.

Господинъ фонъ-Юстіусъ аккуратно записалъ адресъ и телефонъ полной особы и привелъ въ порядокъ свои

чемоданы и несессеры. Съ вокзала онъ отправилъ свой багажъ на квартиру со встрѣтившимъ его Гансомъ, который былъ оповѣщенъ о пріѣздѣ своего господина телеграммою. А самъ въ моторѣ поѣхалъ на Морскую къ графу Остеръ-Роддэ и былъ немедленно принятъ. Графъ съ тыквообразнымъ черепомъ оставилъ его обѣдать. И они пробыли два часа съ глазу на глазъ. Господинъ фонъ-Юстіусъ вернулся отъ посла домой съ ящикомъ какихъ-то необыкновенныхъ сигаръ, полученныхъ отъ графа въ подарокъ за пріятныя вѣсти.

Августъ Вильгельмовичъ велѣлъ затопить каминъ въ своемъ громадномъ кабинетѣ, и, глядя поросячьими глазками на огонь, поджидалъ Гумберга, вызваннаго по телефону.

— Гдѣ ты пропадалъ?—спросилъ Гумбергъ.

— Ты меня спроси, гдѣ я только не былъ! Я посѣтилъ Варшаву, Лодзь, объѣхалъ нѣсколько губерній Царства Польскаго на автомобилѣ, и дѣла сложились такъ, что пришлось заглянуть въ Берлинъ. Все, доложу я тебѣ, идетъ прекрасно. Нѣтъ, Артуръ, чѣмъ больше я живу на бѣломъ свѣтѣ, тѣмъ непоколебимѣй убѣждаюсь, что мы—великая, геніальная раса. Да, да, геніальная! Никто не умѣетъ такъ заглядывать въ будущее и такъ служить своей родинѣ, какъ мы. Никто въ мірѣ! Ахъ, Артуръ, какія колоссальныя перспективы! Попробуй сигару изъ этого ящика. Попробуй, это по особому заказу графа. Да, да, по особому заказу. Ихъ выдѣлываютъ для него въ Гаваннѣ. Скоро у насъ будетъ своя собственная Гаванна. Богатѣйшія плантаціи сигарнаго табаку будутъ выращиваться въ нашихъ колоніяхъ въ Конго.

Оба нѣмца курили, грѣясь у камина.

Господинъ фонъ-Юстіусъ дѣлился съ пріятелемъ своими впечатлѣніями.

— Артуръ, мы наканунѣ міровыхъ событій!

— Неужели война?

— Ты угадалъ! Намъ необходима война. Во-первыхъ, намъ надо осязательно блеснуть нашимъ военнымъ могуществомъ, а, во-вторыхъ, отчего же не округлить наши европейскія границы? Царство Польское слишкомъ вдается своимъ брюхомъ въ Восточную Пруссію. Это самое брюхо давно слѣдуетъ отрѣзать. Маленькая операція—не больше! И надо ловить моментъ, пока Россія не оправилась еще отъ японской войны. Черезъ пять—десять лѣтъ справиться съ нею будетъ гораздо труднѣе. Итакъ, въ принципѣ войну рѣшили безповоротно. Кайзеру, какъ говорится, и хочется и колется. Но кронпринцъ спитъ и видитъ войну. Вотъ ужъ съ головы до ногъ нѣмецъ,—нашъ кронпринцъ. Теперь что мы имѣемъ? Начало апрѣля? Лѣтомъ рѣшено объявить войну.

— Поводъ?

— И поводъ готовъ, представь себѣ!.. О, какая умная, свѣтлая голова нашъ кайзеръ! И какой тонкій политикъ! Понимаешь, я тебѣ нарисую картину! Наслѣдный эрцгерцогъ австрійскій Францъ-Фердинандъ молится на кайзера Вильгельма, какъ можетъ молиться тупой, ограниченный человѣкъ на существо высшее, граничащее съ божеской породою. Францъ - Фердинандъ — послушная маріонетка, которую кайзеръ можетъ какъ угодно дергать за ниточку. Но при всемъ этомъ эрцгерцогъ намъ вовсе не нуженъ. Этотъ человѣкъ съ низкимъ лбомъ и внѣшностью вахмистра носится съ идеей какого-то объединенія какихъ-то южныхъ славянъ. Намъ же,—очень они намъ нужны всѣ эти славянскія свиньи и забота объ ихъ благополучіи? Теперь дальше: Кайзеръ продиктовалъ эрцгерцогу устроить этимъ лѣтомъ большіе маневры въ Босніи въ его собственномъ присутствіи и подъ его личнымъ руководствомъ. Эрцгерцогъ, вѣдь, мнитъ себя великимъ стратегомъ. Несмотря на то, что онъ какъ съ писаной торбою возится со своею славянской идеей, боснійскіе сербы его терпѣть не могутъ.

При такихъ условіяхъ легче легкаго создать покушеніе. Убьютъ его, ранятъ, или онъ выйдетъ сухимъ изъ воды, это, въ концѣ концовъ, не важно. Самый фактъ важенъ! Было бы за что уцѣпиться. Взрывъ общественнаго и политическаго негодованія. Разумѣется, козломъ отпущенія будетъ эта маленькая, наглая и задорная Сербія. Ядовитое гнѣздо цареубійцъ, очагъ анархистовъ и такъ далѣе... Въ результатѣ Австрія нападаетъ на Сербію. Россія съ донъ-кихотскимъ безкорыстіемъ заступается за королевство этихъ придунайскихъ пастуховъ и свинопасовъ. И поводъ готовъ. Чего же еще? Не выдумаешь лучше. Пока Россія мобилизуется, мы нападаемъ на Францію, повторяемъ семидесятый годъ, но уже не въ пять мѣсяцевъ, а въ двѣ недѣли. И, разгромивъ Францію, всей тяжестью обрушиваемся на Россію. Недурно?

— Великолѣпно! Можно ли сомнѣваться въ успѣхѣ!

— Кто же сомнѣвается? Такимъ образомъ и Царство Польское и весь Прибалтійскій край у насъ въ карманѣ. А если Австрія будетъ дѣйствовать дружно, мы ей позволимъ отхватить весь русскій юго-западъ. Но что меня приводитъ въ восторгъ,—это наши развѣдки и шпіонажъ. Это что-то колоссальное! Наша армія, занявъ Царство Польское, будетъ какъ дома. Въ Лодзи, напримѣръ, на нѣмецкихъ фабрикахъ пять прекрасно оборудованныхъ станцій безпроволочнаго телеграфа. При мнѣ вотъ теперь... Мы свободно переговариваемся не только съ Познанью и съ Кенигсбергомъ, но даже съ Берлиномъ. А наши колонисты? Наши помѣщики, разсѣявшіеся по цѣлому фронту русской Польши и у нѣкоторыхъ, важныхъ для насъ крѣпостей? Какіе провіантскіе склады, цѣлыя казармы и конюшни для кавалеріи! А, главное, все это чрезвычайно искусно замаскировано. Непосвященному и въ голову не придетъ. Многіе пограничные фольварки и усадьбы могутъ переговариваться съ Пруссіей посредствомъ подземныхъ

телефоновъ, устроенныхъ въ погребахъ и подвалахъ. Вездѣ, рѣшительно вездѣ, въ каждомъ городѣ, каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ только мало-мальски интересная для насъ база — мы имѣемъ своихъ вѣрныхъ людей, для которыхъ служить отечеству и кайзеру—великая честь. Кромѣ этого, отдать справедливость, мы не жалѣемъ денегъ... Вотъ и все, или приблизительно все. Потому что разсказать тебѣ въ мельчайшихъ подробностяхъ — нѣсколькихъ вечеровъ не хватило бы. Да и кромѣ того, ты самъ знаешь многое, не хуже меня. Кстати, какъ обстоитъ нашъ вопросъ съ бомбами? Теперь, самъ знаешь, это особенно жгучій вопросъ. Вотъ и сегодня графъ напоминалъ мнѣ, какъ, что и когда?

— Пока, дружище, никакъ не обстоитъ.

— Но кто же виноватъ? Я, кажется, тебѣ поручилъ это дѣло. Гдѣ же твое хваленое вліяніе на бабъ?

— Вліяніе остается вліяніемъ. И вотъ тебѣ доказательство. Вчера еще я потребовалъ ее къ себѣ въ номеръ и билъ ее хлыстомъ, какъ собаку. А она валялась у меня въ ногахъ...

— Ну такъ въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что этотъ офицерикъ оказался съ характеромъ, чортъ бы его побралъ. И влюбленъ и таетъ и на какія угодно жертвы готовъ, но—въ предѣлахъ частной жизни. Чуть же она пытается приподнять завѣсу надъ этими его дьявольскими бомбами, онъ становится на дыбы и—ни съ мѣста! Онъ даже не пустилъ ее въ свою мастерскую.

— Значитъ, не сумѣла, дармоѣдка! Зря только ѣстъ мой хлѣбъ.

— Напрасно ее обвиняешь, Августъ. Ты знаешь, я далеко не принадлежу къ числу людей особенно снисходительныхъ. Но въ данномъ случаѣ Ливинская не виновата. Она сдѣлала все, что можетъ сдѣлать женщина, все въ буквальномъ смыслѣ этого слова... Но... на этомъ „но“ мы упираемся съ тобою лбомъ въ стѣну.

— Которую надо прошибить возможно скорѣе.

— Попробуемъ! У меня созрѣлъ одинъ планъ. Если онъ сорвется, мы выпишемъ твоего химика и дадимъ ему возможность вдоволь похозяйничать въ таинственной мастерской господина Максимова.

— А каковъ твой планъ?..

— Пріобрѣтеніе секрета за большія деньги. Настолько большія, чтобъ у него закружилась голова! А деньги ему нужны теперь. И очень. Отъ двадцати тысячъ осталось одно воспоминаніе.

— Это хорошо говорить, фантазировать. Подкупъ? А кто же будетъ говорить съ нимъ? Вдругъ нарвешься на скандалъ? Рухнетъ все.

— Я обдумалъ. Все взвѣшено, предусмотрѣно. Даже на самый худой конецъ—никакой скандалъ немыслимъ. Положись на меня.

— Нѣтъ, я кажется выгоню эту дармоѣдку.

— Напрасно. Во-первыхъ, она можетъ весьма и весьма пригодиться, во-вторыхъ же, дѣйствуя болѣе настойчиво, она выдала бы себя ему съ головой. А это и важно, чтобъ и тѣни даже никакого подозрѣнія по отношенію къ Ливинской не шевельнулось у него.- Но не довольно ли на этотъ разъ о дѣлахъ? Что ты сегодня дѣлаешь вечеромъ? Не махнуть ли намъ въ Акваріумъ?

— Поѣдемъ! Тамъ, кажется, нѣсколько новыхъ нумеровъ? Пріѣхала изъ Берлина эта Алиса Штейгеръ? Кстати, у меня на нее виды. Необходимо натравить ее на одного человѣка.

Каминъ угасалъ. Красные угли заволакивались пепельной паутиной. Пріятели молчали каждый въ своихъ думахъ. Господинъ фонъ-Юстіусъ мечталъ о полной особѣ, которую онъ сегодня же пригласитъ въ Акваріумъ ужинать, баронъ Гумбергъ видѣлъ самого себя на конѣ и въ формѣ „гусара смерти“, переходящаго со своимъ эскадрономъ русскую границу...

10.

Какъ „онѣ“ разрушаютъ.

Подъ Петербургомъ, въ дачной мѣстности, одиноко стоялъ каменный, одноэтажный домъ. Нежилой, забитыя двери и окна. Видимо, строился еще въ тѣ времена, когда прочность толстыхъ, добротныхъ стѣнъ считалась необходимымъ условіемъ, не въ примѣръ нынѣшней жиденькой кладкѣ въ одинъ, много полтора кирпичика, разсчитанной больше на катастрофу, чѣмъ на вѣчность.

Съ трудомъ отыскался владѣлецъ. Во время оно это была помѣщичья усадьба. Благополучно разорившись, послѣдній владѣлецъ продалъ ее купцу. Тотъ вырубилъ старую аллею, а усадьба, никѣмъ необитаемая, глохла. Купецъ перепродалъ ее въ свою очередь какому-то дровянику. И уже у дровяника, стригшагося подъ скобку и въ картузѣ, но обладавшаго тысячнымъ рысакомъ, военное вѣдомство купило этотъ заколоченный домъ „на сносъ“. Въ смыслѣ художественно-архитектурномъ домъ не представлялъ собою рѣшительно ничего. Казарма—казармой! Это не былъ даже аракчеевскій „вампиръ“, отражавшій грубо-салдафонскую душу жестокаго временщика. И вотъ почему съ легкимъ сердцемъ рѣшено было принести одинокій домъ въ жертву бомбамъ поручика Максимова.

Уже испытана была разрушительная сила ихъ. Освѣдомленный господинъ фонъ Юстіусъ сообщалъ Ливинской о гибели громаднаго табуна старыхъ негодныхъ клячъ. Теперь же надо было выяснить качество изобрѣтеннаго Максимовымъ бомбометателя въ смыслѣ точности попаданія.

Воспользовались однимъ изъ первыхъ сухихъ, безвѣтренныхъ дней. Весна была ранняя въ этомъ году. Рыхлая, напоенная мутной водой и растаявшимъ снѣгомъ, земля

успѣла „выпотѣть“, обсушиться и отъ утреннихъ заморозковъ такъ затвердѣвала, что, если ударить по ней, или крѣпко стукнуть ногою, она звенѣла, какъ струна контрбаса.

Максимовъ возился около своего „Блеріо“. Легкій, стройный аппаратъ производилъ впечатлѣніе насторожившейся гигантской птицы, вотъ-вотъ готовой взлетѣть прямо въ холодную, прозрачную высь и сдѣлаться крохотной-крохотной точкою, гдѣ-то далеко затерявшейся въ поднебесьѣ.

Максимовъ казался вдвое плотнѣе въ своемъ костюмѣ летчика, напоминавшемъ тяжелое непроницаемое снаряженіе водолаза. Теплая, коричневой кожи куртка составляла одно цѣлое съ такими же теплыми, коричневой кожи, штанами. На головѣ — круглый кожаный шлемъ съ надзатыльникомъ. Лицо, рѣзко охваченное этимъ шлемомъ, казалось страннымъ, чужимъ и суровымъ. Измятые поручичьи погоны успѣли почернѣть, словно траурной кисеею затканные. Туманы и влажное дыханіе облаковъ потускнили всю позолоту, когда Максимовъ носился со своимъ „Блеріо“ высоко надъ землею.

Толпились у аппарата военные летчики и высокій, худой генералъ съ костистымъ лицомъ и чудесной сѣдой бородою, въ фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ.

Максимовъ объяснялъ:

— Вотъ здѣсь, ваше превосходительство, вы нажимаете рычагъ. Короткое, едва замѣтное движеніе. Бомба устремляется внизъ, энергично вытолкнутая, почти съ силою выстрѣла. Въ этомъ весь секретъ возможно точнѣйшаго попаданія. Этимъ достигается минимумъ сопротивленія воздуха, даже при самыхъ разнообразныхъ теченіяхъ вѣтра.

— Это одна. Какъ-же слѣдующая?— спросилъ генералъ.

— Слѣдующая механически поступаетъ въ освободившееся гнѣздо другимъ нажимомъ, а третій поворотъ рычага выталкиваетъ ее.

Генералъ покачалъ головой.

— Слишкомъ ужъ просто!..

— Простота — идеалъ, къ которому долженъ стремиться всякій изобрѣтатель, — съ иронической улыбкой, передавшейся остальнымъ офицерамъ, возразилъ Максимовъ.

И хотя онъ повторялъ „ваше превосходительство", не выходя по внѣшности изъ предѣловъ чинопочитанія, однако угадывалось какое-то неуловимое превосходство способнаго, рѣшающаго какія-то новыя задачи, „ищущаго" поручика, у котораго все въ будущемъ, надъ этимъ генераломъ, у котораго все—въ прошломъ. Нѣсколько нижнихъ чиновъ воздухоплавательной роты по знаку Максимова подошли къ аппарату и, толкая его, повели на болѣе ровное мѣсто. Казалось, что кучка людей взяла въ плѣнъ и тащитъ диковинную, исполинскихъ размѣровъ птицу.

Загудѣлъ моторъ, и весь аэропланъ охватило дрожью. Лопасти пропеллера бѣшено завертѣлись въ сплошномъ, мелькающемъ кругѣ, распространяя вокругъ себя страшный вихрь. Этимъ вихремъ сорвало у одного изъ солдатъ безкозырку, и она долго катилась по землѣ, какъ живая. Нѣсколько разъ провѣрялъ Максимовъ моторъ, внимательно ощупывалъ каждый клапанъ, винтикъ, каждую проволоку. И, убѣдившись, что все въ порядкѣ, въ исправности, взобрался наконецъ на свое сидѣніе. Лицо его было спокойно, сосредоточенно, и круглый шлемъ подчеркивалъ суровую увѣренность. Никто не узналъ бы въ этомъ человѣкѣ добродушно-ласковаго медвѣженка. Онъ поднялъ руку въ кожаной, схваченной резинкою у запястья, перчаткѣ. Нижніе чины разомъ отхлынули отъ аэроплана. Разбѣгъ— и Максимовъ уже въ воздухѣ.

Оставшіеся внизу слѣдили за полетомъ. Генералъ закурилъ папиросу.

— Ну, посмотримъ!

Максимовъ забиралъ все выше и выше.

— Тысяча метровъ, пожалуй, — замѣтилъ смуглый штабсъ-капитанъ.

Въ полуверстѣ отъ нихъ на пригоркѣ бѣлѣлъ домъ, минуты котораго уже сочтены, если Максимову будетъ удача. На всѣхъ дорогахъ и тропинкахъ, ведущихъ къ обреченной усадьбѣ, выставлено было охраненіе конное и пѣшее, чтобъ никого не пропустить за „мертвую черту“.

Плавными, какими-то ныряющими движеніями, словно рѣзвясь, мчится въ воздухѣ „Блеріо“. До чего знакомъ этотъ разстилающійся внизу съ птичьяго полета пейзажъ! Совсѣмъ географическая карта, чудовищно громадная, расцвѣченная, живая. Люди, оставшіеся внизу, потеряли всякое значеніе, сдѣлались вдругъ такими чуждыми, далекими, игрушечными. И видитъ Максимовъ одновременно и гладь морскую, и линію берега, и села, лѣса и луга. Петербургъ, весь въ туманной дымкѣ. Въ этомъ вольномъ и смѣломъ полетѣ человѣкъ—дѣйствительно царь вселенной. Отсюда, съ высоты безъ малаго двухъ тысячъ метровъ — полная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей.

Максимовъ выключилъ моторъ. И вмѣстѣ съ моторомъ остановилось, замерло его сердце. „Блеріо“ камнемъ, почти отвѣсно ринулся внизъ и, казалось, неминуемо долженъ упасть и разбиться. Этотъ великолѣпный прыжокъ, вызвавшій тамъ, внизу, восторгъ летчиковъ и даже снисходительную улыбку генерала, окончился на высотѣ приблизительно пятисотъ метровъ. Аппаратъ, управляемый опытной рукою, словно опустившись на какую-то невидимую твердую плоскость, замеръ вдругъ въ воздухѣ и, намѣтивъ себѣ сверху темную крышу обреченнаго дома, сталъ кружиться надъ нимъ, какъ ястребъ, прицѣливающійся въ добычу, чтобъ метнуться на нее съ высоты.

Самолюбивый Максимовъ нервничалъ, — попадетъ или не попадетъ? Мучительно хотѣлось попасть съ первой же

бомбы, чтобъ „утереть носъ" генералу, который всегда относился къ нему скептически, по такой ужъ натурѣ своей. Генералъ за весь свой долгій служебный вѣкъ такъ и не успѣлъ хоть чѣмъ-нибудь, хоть какой-нибудь пустячной новинкою проявить себя въ интересной и разнообразной области военно-инженернаго дѣла. И стоитъ Максимову промахнуться, худой и высокій генералъ подложитъ ему свинью.

Но генералъ вмѣстѣ съ группою офицеровъ видѣлъ, даже скорѣй почувствовалъ, угадалъ, — увидѣть нельзя было, — какъ что-то, быстро отдѣлившись отъ аэроплана, почти со скоростью снаряда упало внизъ, надъ приземистымъ одноэтажнымъ домомъ.

Одна, двѣ, три секунды,— но какія томительныя, кидающія въ какой-то ознобъ, въ какой-то временный столбнякъ, секунды. Мгновенно взорвался домъ. И вмѣстѣ съ огненнымъ фонтаномъ и густыми, темными тучами дыма, взлетѣли на воздухъ цѣлые куски стѣнъ и крыши, массивные, въ сотни пудовъ вѣсомъ, взметнулись, какъ пылинки, вспугнутыя дуновеніемъ вѣтра, а затѣмъ уже раздался оглушительнымъ громомъ прокатившійся взрывъ такой титанической силы, что въ полуверстѣ разбѣгались трепетныя воздушныя волны, и всѣ на нѣсколько минутъ оглохли, и было такое ощущеніе, словно подъ ними заколебалась земля, и они вотъ-вотъ упадутъ...

Летчики вмѣстѣ съ генераломъ поспѣшили къ мѣсту взрыва. Еще оставалось шаговъ пятьсотъ, а уже на пути— обломокъ трубы, обуглившійся, обожженный, зарыяся наполовину въ твердую, промерзшую почву. Отъ обширнаго въ двадцать съ чѣмъ-то комнатъ дома не осталось камня на камнѣ. Безформенная, хаотическая груда обломковъ въ одномъ мѣстѣ горѣла пламенемъ. И никто не замѣтилъ, какъ подошелъ, неуклюже ступая въ своемъ тяжеломъ „водолазномъ" костюмѣ виновникъ этого разрушенія.

Оттуда, сверху, этотъ взрывъ, какъ и все оттуда, показался Максимову игрушечнымъ. Но теперь онъ самъ дивился превзошедшимъ самыя смѣлыя ожиданія результатамъ.

Генералъ, охваченный искреннимъ порывомъ, сжалъ громадныя и пухлыя, какъ у боксера, перчатки Максимова.

— Поздравляю! Отъ всей души поздравляю! Молодецъ! Не ожидалъ, каюсь, не ожидалъ!

Товарищи обнимали поручика. Испытаніе закончилось шумнымъ тріумфомъ.

Откуда ни возьмись, уже спѣшили съ кодаками черезъ плечо газетные корреспонденты. Облѣпили Максимова, интервьюировали. Щелкаютъ затворы кодаковъ. Бѣгаютъ карандаши по листикамъ блокнотовъ и памятныхъ книжекъ.

На другой день появились въ газетахъ подробныя описанія взрыва, сопровождаемыя цѣлымъ рядомъ снимковъ. Артиллерійскій поручикъ сталъ героемъ дня. Но Максимовъ не отличался особеннымъ тщеславіемъ. Вся эта шумиха была пріятна ему лишь постольку, поскольку могла отразиться на отношеніяхъ къ нему Ливинской. У женщинъ, если не у всѣхъ, то у многихъ,—слабость гордиться близостью къ мужчинѣ, который чѣмъ-нибудь выдвинулся. И кто знаетъ, быть можетъ, именно теперь и проснется къ нему любовь. Ему такъ хотѣлось близости съ этой, очаровавшей его женщиной! Не той близости, которая создалась,—одно лишь обладаніе не удовлетворяло его... Максимовъ слишкомъ для этого глубоко и нѣжно любилъ ее. А между тѣмъ въ отвѣтъ онъ не видѣлъ ни глубины, ни хотя бы намека на нѣжность... Отдавая ему свое тѣло, душой она ускользала куда-то. И душа эта билась въ загадочныхъ и жуткихъ потемкахъ. Максимовъ терялся, гдѣ же ключъ ко всей этой недоговоренности?.. Одно изъ двухъ: или она ловкая, безподобно играющая авантюристка,

или дѣйствительно пришиблена какимъ-то горемъ, которое гнететъ ее, но котораго она не желаетъ ему открыть. Максимовъ гналъ отъ себя первое предположеніе, пытаясь утвердиться въ послѣднемъ.

А ко всему этому,—еще и денежныя заботы. Черезъ два-три мѣсяца въ его распоряженіи будетъ довольно крупная сумма. Онъ получитъ ее отъ военнаго вѣдомства на заготовку большого количества бомбъ. Въ ассигновкѣ говорятъ, нѣсколько тысячъ на личные расходы Максимова. Но сейчасъ дѣла его запутаны, и все, что онъ имѣлъ въ банкѣ, взято до послѣдней копейки. Найти бы какого-нибудь ростовщика-благодѣтеля и перехватить у него до лучшихъ дней пару-другую тысченокъ?.. Пусть деретъ анаѳемскіе проценты, лишь бы выручилъ!..

11.

Жуткій маскарадъ.

— Нѣтъ, какъ это тебѣ нравится? — ударилъ Августъ Вильгельмовичъ рукою по нумеру газеты, гдѣ на первой страницѣ изображенъ былъ поручикъ Максимовъ въ кожаномъ костюмѣ у своего „Блеріо".

— Это мнѣ совсѣмъ не нравится,— отозвался Гумбергъ.

— И мнѣ тоже не нравится, — согласился господинъ фонъ-Юстіусъ.—Надо спѣшить, надо спѣшить! Время бѣжитъ, и каждый понапрасну ускользающій день — дорого стоитъ. Все это меня начинаетъ крайне злить.

— Что же тебя злитъ?

— Все!.. И прежде всего, во-первыхъ, что до сихъ поръ мы не можемъ овладѣть секретомъ бомбъ, и, во-вторыхъ, что этимъ секретомъ будутъ владѣть русскіе. Ты подумай, шевельни мозгами... А они у тебя, кажется, работаютъ на славу. Пятокъ-другой такихъ, чортъ бы ихъ дралъ, сицилійскихъ апельсиновъ, упавшихъ надъ Эссеномъ, — и до

свиданія! Круппа нѣтъ больше. А ты знаешь, что это значитъ, Круппа нѣтъ больше? При одной этой мысли всякій добрый нѣмецъ-патріотъ можетъ съ ума сойти. Круппа нѣтъ больше,—страшно подумать!.. Круппъ — это мышцы, заставляющія сильнѣе сжиматься бронированный кулакъ великой Германіи. Круппъ — это грозная поэзія стали, свинца и желѣза... Круппъ...

— А ты не философствуй,—перебилъ Гумбергъ.—Ближе къ цѣли! Что надо сдѣлать? Отправить этого поручика туда, гдѣ нѣтъ ни бомбъ, ни аэроплановъ, и гдѣ души человѣческія летаютъ по воздуху легче всякихъ „Фармановъ“ и „Блеріо“?

— Фуй, глупости!—съ досадой пожалъ плечами Августъ Вильгельмовичъ.—Ты офицеръ, и вдобавокъ еще кавалерійскій. У тебя все съ налету. Какая намъ выгода, если онъ перестанетъ существовать? Никакой! Человѣкъ умираетъ, принципъ остается. Максимова, допустимъ, не будетъ. Но останутся его бомбы, останется его бомбометатель, которыхъ не унесетъ же онъ съ собою въ могилу? Тѣмъ болѣе мнѣ извѣстно, что на одномъ изъ заводовъ въ строжайшемъ секретѣ уже изготовляются эти бомбы въ громадномъ количествѣ. Разумѣется, для добраго нѣмецкаго шпіона врядъ ли существуютъ какія-либо преграды. Можно было бы какъ-нибудь, подъ видомъ рабочаго, воткнуть туда нашего профессора химіи. По телеграммѣ онъ черезъ три дня былъ бы здѣсь. Но хотѣлось бы это средство приберечь напослѣдокъ. Сначала попробуемъ твой планъ. Кто знаетъ, быть-можетъ, и клюнетъ. Деньги ему нужны до зарѣзу. Ищетъ, мечется, но успѣха — никакого! Итакъ, перенесемъ на завтрашній день. Ты скажи Ливинской, чтобы она сидѣла у него въ моментъ полученія письма. Если будутъ колебанія, она ихъ разсѣетъ. Разъ онъ такъ въ нее влюбленъ, этотъ офицерикъ, навѣрно же съ нею посовѣтуется.

— Безъ всякаго сомнѣнія!..

— А теперь ты возьмешь мой автомобиль и поѣдешь „туда“...

Друзья, обмѣнявшись рукопожатіемъ, посмотрѣли другъ на друга. Холодные, жестокіе глаза Гумберга встрѣтились съ поросячьими глазками господина фонъ-Юстіуса.

Баронъ покинулъ тяжелый, аляповатый кабинетъ...

———

— Я напросилась къ тебѣ, Теодоръ?

— Во-первыхъ, дитя мое, не называй меня Теодоромъ. Это звучитъ театрально, и я предпочелъ бы, пожалуй, болѣе прозаическое—Ѳедя. А во-вторыхъ, моя голубка, развѣ ты можешь напроситься? Ты всегда желанная гостья. Всегда!.. Хотя...

— У тебя всегда какое-нибудь „хотя“.

— Всегда, потому что люблю. А любовь никогда не бываетъ покойна, или она перестаетъ быть любовью. Она требуетъ сомнѣній, требуетъ терзаній, какъ самого себя, такъ и того, кого любишь. Мнѣ, напримѣръ, ты очень не нравишься за послѣднее время. То-есть ты мнѣ нравишься безумно. А только внутри что-то гложетъ тебя. И ты не находишь себѣ покоя. А, главное, ты не любишь... Я чувствую это, несмотря на всѣ твои увѣренія. Слова сплошь да рядомъ лгутъ, а ты лжешь къ тому же еще даже безъ всякаго подъема, какъ-то механически, устало, скучающе... Я запутался окончательно. Я не могу разобраться ни въ тебѣ, ни въ себѣ, ни въ нашихъ отношеніяхъ. Ни въ чемъ!...

— Ну, милый, опять... Иди сюда ко мнѣ, я тебя приласкаю.

Она полулежала на оттоманкѣ, свернувшись гибкимъ тѣломъ въ какой-то усталый, измученный комочекъ. И что-то дѣтское, безпомощное было въ этомъ. И странно мерцали ея глаза въ сумеркахъ весенняго вечера.

Онъ подсѣлъ къ ней, этотъ сильный, крупный медвѣженокъ и взялъ ея руки.

— Холодныя,—ихъ надо согрѣть!..

Порывистый звонокъ дрожью откликнулся въ обоихъ, вспугнувъ тихое настроеніе блѣдныхъ сумерекъ.

— А, чортъ!.. Кого еще принесла тамъ нелегкая? — выругался Максимовъ.

Черезъ минуту вернулся, зажегъ электричество у рабочаго стола. Недоумѣвающе вертѣлъ солидный твердый конвертъ.

— Письмо?

— Да. На пишущей машинкѣ. Спросилъ посыльнаго, отъ кого, говоритъ, какая-то дама на Невскомъ поручила снести.

Съ первыхъ же строкъ лицо Максимова приняло удивленное выраженіе. И такъ до самаго конца... Пожималъ плечами, пересыпая чтеніе какими-то неопредѣленными восклицаніями. Ливинская украдкою наблюдала за нимъ изъ своихъ сумерекъ.

— Вотъ исторія! Ничего не понимаю! Можетъ-быть, ты что-нибудь поймешь?..

Онъ прочелъ вслухъ:

„Милостивый государь!

„Если вы любитель сильныхъ ощущеній, а вы несомнѣнно любитель таковыхъ, ибо недаромъ славитесь, какъ одинъ изъ искуснѣйшихъ авіаторовъ нашихъ, то васъ заинтересуетъ предлагаемое въ этомъ письмѣ. Прежде всего считаю долгомъ предупредить васъ, что вамъ не угрожаетъ никакая опасность. Но зато, если вы согласитесь на наше предложеніе, васъ ожидаютъ большія выгоды. Ни ваше самолюбіе, ни ваша честь при этомъ не пострадаютъ нисколько. Васъ ждетъ получасовая бесѣда съ одной дамой, желающей до поры до времени сохранить свое инкогнито. Бесѣда, ни къ чему не обязываетъ, но, повторяю, могу-

щая быть очень полезной для васъ... Время не терпитъ. Необходимо рѣшить этотъ вопросъ сегодня же вечеромъ. Если вы согласны, ровно въ девять вечера соблаговолите явиться на уголъ Николаевской улицы и Звенигородской. Тамъ будетъ ждать васъ черный, съ опущенными шторами автомобиль. Не обращаясь къ шоферу, вы прямо садитесь въ автомобиль, гдѣ встрѣтите еще одно лицо. Съ этимъ лицомъ не вступайте ни въ какіе разговоры. Не удивляйтесь длиннѣ пути, который будетъ продолжаться около часу. Не пытайтесь приподнять шторы, чтобы видѣть путь, по которому васъ везутъ. Во всемъ необходимо соблюдать абсолютную тайну. Когда вы пріѣдете, не протестуйте, если вамъ завяжутъ глаза. Такъ надо!..

„Ваша доброжелательница"...

— Что ты скажешь, Ванда, на все это?

— Скажу, что тебя ожидаетъ интересное приключеніе романическаго характера.

— Но я не хочу, не желаю никакихъ новыхъ романовъ. Не желаю! Я всѣ ихъ забросилъ, какъ увлекся тобою.. Не поѣду!

— Напрасно, другъ мой. Я бы на твоемъ мѣстѣ поступила иначе. Въ этомъ загадочномъ письмѣ проскальзываютъ и дѣловыя нотки. Почемъ знать? Можетъ-быть, это въ самомъ дѣлѣ принесетъ какую-нибудь выгоду?.. Мало ли... Къ тому же ты ничѣмъ и не рискуешь.

— А и въ самомъ дѣлѣ заманчиво! Черный автомобиль, завязанные глаза. Оказывается, это бываетъ и наяву, а не только въ романахъ съ приключеніями. Поѣду! Но на всякій случай возьму револьверъ. Правда?..

— Это никогда не мѣшаетъ...

Вмѣстѣ съ Ливинской Максимовъ подъѣхалъ на уголъ Николаевской и Звенигородской. Черный автомобиль, непроницаемый, темный внутри весь, но съ двумя глазастыми фонарями, дерзко освѣщавшими ночной мракъ яркими сно-

пами,—тутъ какъ тутъ. Ливинская вернулась домой на этомъ же самомъ извозчикѣ, а Максимовъ, придерживая саблю, открылъ дверцу и сѣлъ рядомъ съ какою-то неподвижной, безмолвной фигурой. Первыя минуты онъ такъ волновался, что даже не могъ бы сказать, сидѣлъ, или нѣтъ шоферъ на своемъ мѣстѣ... Моторъ загудѣлъ и ринулся въ темное, слѣпое пространство. Сквозь плотныя шторы не проникали даже слабые мелькающіе отсвѣты уличныхъ огней. Въ купэ царилъ такой мракъ,—самые спокойные нервы, и тѣ насторожились бы, взвинченные...

Максимовъ не различалъ своего сосѣда, или,—почемъ знать,—быть-можетъ, сосѣдку, хотя они касались другъ друга. Мучительно было желаніе заговорить, чтобъ звукомъ слова хотя немного разсѣять напряженное настроеніе, какъ сажа, темнаго безмолвія. Но въ письмѣ подчеркивалось строгое молчаніе и, разъ онъ пошелъ на всѣ условія—надо выдержать характеръ.

„Мужчина, или женщина?“—спрашивалъ себя поручикъ.

Онъ сидѣлъ справа. Ихъ раздѣляла его сабля. Какъ будто желая поправить ее, Максимовъ опустилъ руку и осторожно, чуть-чуть коснулся пальцами ближайшей къ нему ноги... Онъ убѣдился, что нога въ лакированной ботинкѣ—мужская. Онъ мысленно похвалилъ себя, подумавъ, что годился бы въ Пинкертоны, или Шерлоки Холмсы. Но, въ концѣ концовъ, не все ли равно, кто его конвоируетъ, женщина, или мужчина?..

Вотъ!.. Съ нимъ портсигаръ и спички. Это вѣдь не было оговорено въ письмѣ. А пламя спички хоть на мигъ успокоитъ его жадное любопытство. Но за нимъ слѣдили. Не успѣлъ онъ разстегнуть пальто и добыть портсигаръ, чья-то сильная рука сжала его пальцы вмѣстѣ съ портсигаромъ и запрещающимъ движеніемъ потянула внизъ.

«Надо покориться. Ничего не подѣлаешь. Оказывается, все предусмотрѣно».

Дорога дѣйствительно длинная. И хотя при данныхъ обстоятельствахъ менѣе всего можно было опредѣлить время, но Максимовъ, какъ летчикъ, и самъ много правившій автомобилемъ, не сомнѣвался, что путь продолжался минутъ сорокъ. При такомъ бѣшеномъ аллюрѣ можно за это время Богъ знаетъ куда заѣхать! Чувствуется, что пошли кругомъ дичь, да глушь. Давно остался позади городской шумъ со звонками, гудѣньемъ трамвая, ударами копытъ о мостовую и, вообще, неуловимо-разнообразными звуками, сообщающими какую-то особенную жизнь самой захолустной окраинной улицѣ.

Тише и тише ходъ. Машина остановилась. И впервые услышалъ Максимовъ короткую, съ видимымъ усиліемъ сказанную по-русски фразу:

— Завязать глаза!

Дѣлать нечего, надо повиноваться...

Двѣ таинственныя руки, пахнущія сладковатыми духами, заработали вокругъ его лица и головы. Сняли фуражку и стиснули лобъ, скулы и носъ плотной повязкой такъ неудобно, что пучокъ коротко остриженныхъ волосъ на затылкѣ попалъ въ узелъ, и было непріятно и больно.

Фуражка опять очутилась на головѣ, и чья-то рука схватила Максимова подъ локоть и помогла ему выйти изъ купэ. Ослѣпшій вдругъ, онъ съ непривычки ступалъ съ какой-то боязливой бережностью, и била по ногамъ путавшаяся сабля.

Его ведутъ. Подъ сапогами шуршитъ гравій. Какъ легко дышится! Мòжно чувствовать на вкусъ воздухъ, такъ онъ пріятенъ, свѣжъ, густъ, звенящъ. И что-то смолистое въ немъ.

Деревянныя ступеньки, деревянный коридоръ и еще деревянная лѣсенка, повыше. Куда это они забрались? Чьи-то еще шаги, третьи. Раскрылась дверь, пахнуло тепломъ. Очутились, видимо, въ жарко натопленной комнатѣ. И хотя

никто не произнесъ ни слова, и было тихо, изощрившійся въ темнотѣ слухъ Максимова уловилъ присутствіе нѣсколькихъ людей. Онъ не ошибся... Когда съ него сняли повязку, онъ увидѣлъ себя посреди большой комнаты, окруженнымъ шестью фигурами. Именно фигурами. Каждая—въ черной, глухой маскѣ и въ черномъ, до пятъ домино. Видъ всѣхъ этихъ фигуръ былъ мрачно-зловѣщій, и онѣ напоминали засѣданіе какого-нибудь инквизиціоннаго трибунала.

— Вы не побоялись, поручикъ? Это дѣлаетъ вамъ честь,— произнесла по-мужски одна изъ такъ удивительно похожихъ другъ на друга черныхъ масокъ.

— Я, вообще, не изъ трусливаго десятка,—отозвался Максимовъ.—Но мнѣ очень хотѣлось бы знать, къ чему и зачѣмъ вся эта мистификація? Что за таинственность? И этотъ маскарадъ,— къ чему? И Святки и даже масленица давно прошли, вѣдь.

— Напрасно вы думаете о какихъ-то мистификаціяхъ, милый поручикъ. Мы—люди весьма дѣловые, и единственная причина внушила намъ этотъ маскарадъ. Такъ какъ предметъ разговора нашего съ вами будетъ щекотливый, то, каковы бы ни были его результаты, вы не должны имѣть никакого понятія ни о мѣстѣ встрѣчи ни о томъ, кто будетъ вести съ вами переговоры. Вотъ и все! Но по русской пословицѣ «баснями соловья не кормятъ», соблаговолите пожаловать сюда. Вы проголодались, а ночь холодна. Поэтому—рюмочка добраго коньяку...

Въ сосѣдней комнатѣ—большой столъ, весь въ холодныхъ закускахъ. Самоваръ кипѣлъ и клубился паромъ. Цѣлая батарея бутылокъ и среди нихъ бѣлые каменные кувшины съ мюнхенскимъ пивомъ. Въ раскрытыхъ коробкахъ лежали сигары.

Максимовъ осмотрѣлся. Напрасно думалъ онъ опредѣлить мѣстность хотя бы по ночному пейзажу. Всѣ окна были забронированы деревянными ставнями. Въ углу го-

рѣлъ каминъ. Пукъ молочныхъ электрическихъ лампочекъ освѣщалъ комнату. Максимову предложили почетное мѣсто. Сбоку рядомъ съ нимъ сѣла фигура, объяснившая ему причину этой мистификаціи. Остальные молча размѣстились вокругъ стола. Максимову было не по себѣ, несмотря на все самообладаніе. Онъ сидѣлъ въ своемъ свѣтло-сѣромъ пальто съ новенькими погонами, опираясь на саблю похолодѣвшими пальцами. Но это не былъ страхъ. Это было волненіе, внушаемое семью черными, траурными фигурами съ капюшонами на головахъ, смотрѣвшими на него въ разрѣзы глухихъ масокъ, отчего глаза ихъ, быть-можетъ и даже навѣрное, самые обыкновенные, — чудились таинственными, полными какого-то сокровеннаго смысла.

Сосѣдняя маска налила Максимову коньякъ въ узенькую рюмочку.

— Попробуйте! Чудный, душистый финь-шампань. А чтобъ вамъ не показалось, что васъ хотятъ здѣсь отравить, я выпью изъ этой же самой бутылки.

Сосѣдъ хотѣлъ чокнуться, но Максимовъ отодвинулъ свою рюмку.

— Я не знаю, съ кѣмъ имѣю удовольствіе, и поэтому... Кстати, хотѣлось бы поближе къ цѣли. Судя по анонимному письму, я полагалъ встрѣтить здѣсь даму. А между тѣмъ...

— Все мужчины, и цѣлыхъ семь, — подхватила маска. — Вы разочарованы, господинъ Максимовъ, не правда ли?

— Мы не будемъ говорить о томъ, очарованъ я, или разочарованъ, это все едино. А вотъ я жалѣю, что довѣрился вашему письму и очутился въ одураченномъ положеніи. Я не знаю, кто вы и что вы, и чего вамъ отъ меня нужно?

— А вотъ сейчасъ узнаете, мы сами не любимъ

тратить понапрасну золотое время. Я предоставляю слово старѣйшему изъ насъ.

И маска указала на другую маску, поплотнѣе и покрупнѣе всѣхъ остальныхъ. И та маска, болѣе плотная и крупная, заговорила на дурномъ русскомъ языкѣ:

— Господинъ Максимовъ... Я не буду терять лишнихъ слова... Вы есть очень полезный человѣкъ. У васъ есть очень изобрѣтательный голова .. Такая голова стоитъ много денегъ. Желаете вы зарабатывать пятьдесятъ тысячъ рублей?

Максимовъ пожалъ плечами.

— Смотря какимъ путемъ... Но и весь этотъ маскарадъ и все, что я вижу, не говорятъ о томъ, чтобъ заработокъ, предлагаемый мнѣ, былъ честный. Вы бы не стали такъ тщательно скрываться.

— Осторожность, господинъ Максимовъ! Осторожность есть необходимое условіе. Но я вамъ говорю сейчасъ наше дѣло. За пятьдесятъ тысячъ рублей, argent comptant, вы продаете намъ химическій секретъ вашихъ бомбъ!

При послѣднихъ словахъ всѣ другія маски насторожились, зорко слѣдя за Максимовымъ. Онъ такъ стремительно вскочилъ, что съ шумомъ откатился прочь и упалъ тяжелый деревянный стулъ. Взбѣшенный поручикъ хотѣлъ выхватить изъ кармана пальто револьверъ, но шесть человѣкъ дружно кинулись на него и такъ облѣпили, что не могло быть и рѣчи о сопротивленіи даже при его силѣ. Онъ рванулся. Они навалились плотнѣе.

— Мерзавцы!

Но чьи-то руки прижали къ его лицу салфетку, смоченную чѣмъ-то противно-сладковатымъ, удушливымъ, и стало вдругъ темно-темно и нечѣмъ было дышать. Помутилось сознаніе. И послѣднимъ, судорожно цѣпляющимся за густѣющую тьму проблескомъ было, что его подхватили, онъ очутился на воздухѣ, и его понесли. И дальше онъ ничего не помнилъ.

12.

Событія надвигаются.

Наступала самая невыносимая пора лѣтняго Петербурга. Ее принято называть мертвымъ сезономъ. Это и было начало мертваго сезона. Изъ пыльнаго, душнаго, забаррикадированнаго улицами города бѣжало все, что имѣло возможность бѣжать. Одни—за границу, другіе—въ имѣніе, у кого оно было, и третьи,—самый многочисленный средній петербуржецъ,—разбросались по ближнимъ и дальнимъ, опять-таки въ зависимости отъ средствъ, дачнымъ мѣстностямъ и курортамъ.

Обычный Петербургъ опустѣлъ, но десятки тысячъ сѣраго люда чистили, подновляли и ремонтировали къ осени нашу сѣверную столицу.

Фонъ-Юстіусъ жилъ на дачѣ въ Теріокахъ, гдѣ гостилъ у барона Гумберга. Августъ Вильгельмовичъ купался въ морѣ и въ жаркую погоду цѣлые часы проводилъ на пляжѣ, дымя сигарой. Баронъ вставалъ въ семь утра. Въ восемь ему подавали лошадь, и онъ катался верхомъ, обращая вниманіе знатоковъ своей типичной прусской посадкой, выражавшейся въ «глотаніи аршина» и въ перенесеніи всей точки опоры на стремя.

Отдать справедливость, баронъ Гумбергъ умѣлъ носить спортивный костюмъ. Мягкій отложной воротникъ сорочки, бѣлый галстукъ, ловко повязанный, табачнаго цвѣта легонькій пиджачокъ съ обшитыми кожею пуговицами, и въ крупную клѣтку, черныя съ бѣлымъ, панталоны «бриджъ», перехваченныя отъ колѣна внизъ пуговками. Къ щегольскимъ лакированнымъ сапожкамъ на тоненькихъ ремняхъ аккуратно были пригнаны «строгія» шпоры со звѣздчатыми колечками.

Дачныя барышни замѣтно интересовались барономъ Гумбергомъ. Онѣ же его не интересовали нисколько. Зато

въ своихъ длительныхъ прогулкахъ онъ много удѣлялъ вниманія финскому побережью. Если-бъ не штатскій видъ всадника, можно было бы подумать, что это офицеръ-топографъ, или кавалеристъ, занятый порученными съемками. Онъ ѣздилъ не на англійскомъ сѣдлѣ, а на строевомъ, хотя это менѣе всего полагалось партикулярному любителю конскаго спорта. Въ переметныхъ сумкахъ сопровождалъ его цѣлый багажъ: полотенце, холодный завтракъ, или обѣдъ, въ зависимости отъ времени, коленкоромъ подклеенная карта-трехверстка, фотографическій аппаратъ, записная книжка и даже маленькая раздвижная астролябія.

Иногда барону приходила фантазія выкупаться. Въ особенности, если вдоль берега полное безлюдіе. Онъ привязывалъ коня за поводъ къ дереву, или кусту, а самъ купался. Но это напоминало скорѣй опредѣленную работу, чѣмъ удовольствіе. Онъ измѣрялъ глубину съ помощью рулетки, вѣшая на конецъ ленты свинцовую гирьку. И, выйдя изъ воды, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, чтобъ не забыть, серебрящійся на солнцѣ весь, записывалъ результаты своихъ измѣреній.

А вернувшись на дачу, баронъ Гумбергъ, обложившись въ своей комнатѣ записями и набросками, вычерчивалъ подробнѣйшую карту.

Господинъ фонъ-Юстіусъ получилъ заграничную телеграмму, извѣщавшую, что крошка-племянникъ опасно захворалъ, и докторъ далеко не ручается за благополучный исходъ. Вопросъ всего лишь нѣсколькихъ дней, останется въ живыхъ маленькій Леопольдъ, или умретъ?

Пробѣжавъ телеграмму, Августъ Вильгельмовичъ тщательно спряталъ ее въ свой объемистый бумажникъ и сказалъ пріятелю:

— Мой милый Артуръ. Мы наканунѣ великихъ собы-

тій. Мнѣ необходимо быть въ городѣ. Не хочешь ли за компанію?

И вотъ они въ Петербургѣ. Сидятъ въ нѣмецкомъ ресторанѣ, завтракаютъ. Вѣрнѣе, кончили завтракать. Имъ подали нарѣзанный тончайшими ломтиками сладкій, черный хлѣбъ. Они его мажутъ масломъ, ѣдятъ вмѣстѣ съ сыромъ и запиваютъ пивомъ изъ тяжелыхъ готическихъ кружекъ. Въ открытыя окна вмѣстѣ съ шумомъ Невскаго и горячимъ накаленнымъ воздухомъ врываются пронзительные выкрики газетчиковъ:

— Убійство эрцгерцога Франца-Фердинанда въ Сараевѣ... Убійство австрійскаго эрцгерцога...

Залъ ресторана пришелъ въ движеніе. Восклицанія, возгласы. Кой-кто бросился къ окнамъ. Одинъ Августъ Вильгельмовичъ спокойно сдѣлалъ большой глотокъ изъ кружки и вытеръ салфеткой бѣлую на усахъ пѣну.

— Ты слышишь, Артуръ?

— Слышу, но ничего не понимаю на этомъ свинячемъ языкѣ.

— Такъ я тебѣ объясню! Сербамъ удалось ихъ злодѣйское покушеніе на особу эрцгерцога Франца-Фердинанда. Сейчасъ принесутъ газеты, и мы узнаемъ подробности... Я же тебѣ говорилъ въ Теріокахъ, что мы наканунѣ великихъ событій. Са коммансъ!..—И, понизивъ голосъ, Августъ Вильгельмовичъ, выразительно уставившись на пріятеля свиными глазками, продолжалъ:—Мой другъ, мой тебѣ добрый совѣтъ—укладывать чемоданы...

— А ты?..

— А я?.. Обо мнѣ, пожалуйста, не безпокойся. Я русскій подданный.

— Какъ! И русскій?..

— Натурально!.. Младенецъ ты, что ли?.. Кто-кто, а ты обязанъ знать, что мы, въ интересахъ нашего отечества, можемъ быть одновременно и въ своемъ и въ чу-

жомъ подданствѣ. И пусть говорятъ послѣ этого, что нѣмцы не геніальная нація! Однако, необходимо спѣшить. Ты можешь посидѣть еще, а я тороплюсь. Надо заѣхать въ посольство къ графу, а потомъ въ Гунгербургъ къ баронессѣ Махлейтъ. Вернусь либо ночью, либо завтра. Ключъ у тебя есть отъ квартиры? Заплати по счету. Дома сквитаемся!..

И, сдѣлавъ «ручкой», Августъ Вильгельмовичъ, казавшійся еще полнѣе въ свѣтломъ костюмѣ, завихлялъ своимъ раскормленнымъ торсомъ къ выходу, лавируя между столиками.

Съ вечера, когда «инквизиціонный трибуналъ» въ маскахъ такъ неудачно хотѣлъ купить у Максимова химическій секретъ его бомбъ, минуло безъ малаго три мѣсяца. Очнулся артиллеристъ у себя дома на оттоманкѣ, одѣтый, какъ выѣхалъ, въ мундирѣ и въ пальто. Странная тяжесть ощущалась и въ головѣ и во всемъ тѣлѣ. Долго не могъ прійти въ себя Максимовъ и осмыслить все приключившееся. И все это было такъ загадочно, кошмарно,—самъ отказывался вѣрить. Да полно! Не бредъ ли это? Не игра ли воображенія, разстроеннаго этой любовью, не давшей ему ничего, кромѣ терзаній?..

Съ трудомъ поднявшись, весь словно чужой, Максимовъ глянулъ въ зеркало. Глаза тусклые, какъ у больного, и даже ушли глубже, ввалились. А лицо, всегда румяное, черезъ край бьющее здоровьемъ, смотритъ измученно, зеленовато-блѣдное. Онъ позвонилъ прислуживавшую ему швейцариху.

— Баринъ, вы здоровы?.. Ну, слава Богу!.. А я ужъ думала, грѣшнымъ дѣломъ, неладное что-нибудь стряслось...

— Какъ я сюда попалъ?

— А вотъ какъ, баринъ! Въ первомъ часу ночи—звонокъ! На парадной уже темно, мы только-только спать

легли. Мой, какъ всегда, валенки на босу ногу, ливрею накинулъ,—выходитъ. У парадной «такса» стоитъ желтая. Шоферъ къ Герасиму,—такъ молъ и такъ... Офицера, жильца вашего, привезъ. Видно, говоритъ,— вы меня извините, баринъ, изъ пѣсни слова не выкинешь,—сконфузилась швейцариха,—видно, говоритъ, весело поужинали... Ну, тутъ мужъ меня кликнулъ. Мы втроемъ, и шоферъ помогалъ, вынесли васъ; ключъ-то у меня запасный отъ квартиры есть. Открыла двери. Ну, мы васъ на кушетку и положили.—«Откуда-жъ ты привезъ барина?»—Герасимъ-то мой спрашиваетъ. А шоферъ ему и выложи. Ѣхалъ онъ порожнимъ по Ланскому шоссе. Навстрѣчу моторъ черный, господскій. — «Стой!» — кричатъ. Сталъ. — «Намъ недосугъ, говорятъ, довези пріятеля до дому. Вмѣстѣ ужинали. Шампанскаго много выпилъ». И васъ, значитъ, баринъ, подъ руки высаживаютъ. Шоферъ немножко въ сомнѣніи.—«Дуракъ, говорятъ, не бойся!.. Видишь, живой человѣкъ. Не мертвое же тѣло тебѣ сплавляютъ»... И сейчасъ же ему четвертную бумагу, и адресъ написали, куда и какъ, честь-честью... Онъ и привезъ. А я ужъ, прости Господи, думала, не случилось бы худа...

Холодная оторопь охватила Максимова.

Нѣмецкіе шпіоны «разыграли» его во-всю, выражаясь этимъ моднымъ словечкомъ. А что подъ масками этого зловѣщаго инквизиторскаго трибуна скрывались нѣмцы, или нѣмецтвующіе, могло ли быть какое-нибудь сомнѣніе?.. Если кто и заинтересованъ теперь въ секретахъ нашего военнаго вѣдомства и нашей обороны—одни только нѣмцы. Австрійскіе, или германскіе,—они всѣ однимъ миромъ мазаны, и это ничуть не мѣняетъ вопроса.

И, отдать имъ полную справедливость, какъ это ловко, удивительно ловко было все задумано! А главное, какъ чисто спрятаны концы въ воду. Попробуй найти этихъ господъ? Обнаружить ихъ, гнѣздо этого слетѣвшагося во-

ронья, гнѣздо, въ которое они его такъ искусно заманили. Гдѣ оно?.. Есть основаніе предполагать, что его возили куда-нибудь въ Финляндію. Но если-бъ даже и такъ, этого мало, слишкомъ мало, чтобъ напасть хоть на какіе-нибудь слѣды.

Донести градоначальнику, описать всю эту исторію,— самого же себя поставить въ смѣшное и глупое положеніе. Но, самое главное, безполезно. Шерлоки Холмсы всего міра опустили бы руки передъ скудостью уликъ. Развѣ здѣсь можетъ быть рѣчь объ уликахъ? Черный автомобиль? Мало ли въ городѣ черныхъ автомобилей! Семь таинственныхъ незнакомцевъ въ черныхъ домино и маскахъ! Одинъ изъ этихъ господъ говорилъ съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Но съ такимъ акцентомъ говоритъ порусски едва ли не весь населенный нѣмцами Васильевскій островъ и многіе десятки тысячъ нѣмцевъ зарѣчныхъ, живущихъ въ центрѣ города.

Одно можно сказать съ незыблемой достовѣрностью. За нимъ слѣдятъ, и секретъ его бомбъ въ одинъ прекрасный день можетъ перестать быть секретомъ, если этимъ канальямъ удастся проникнуть либо къ нему въ мастерскую, либо на заводъ, выполняющій заказъ военнаго министерства.

Жутко при мысли, что кто-то коварный, невидимый, слѣдитъ за тобою, каждымъ шагомъ твоимъ и выжидаетъ случая, чтобы предательски, изъ-за угла, нанести ударъ. Онъ зналъ, Петербургъ кишитъ нѣмецкими шпіонами всевозможныхъ разновидностей, начиная съ темныхъ проходимцевъ, продолжая офицерами германско-австрійскаго генеральнаго штаба и кончая русскими нѣмцами съ виднымъ общественнымъ положеніемъ. Но зналъ это Максимовъ отвлеченно, теоретически. Теперь же онъ самъ столкнулся лицомъ къ лицу съ одною изъ этихъ шпіонскихъ организацій.

Отважный, обыкновенно не страшившійся опасности, неоднократно и въ бояхъ и въ воздухѣ искавшій ее, теперь онъ растерялся передъ невидимымъ и поэтому неуязвимымъ врагомъ, съ которымъ не знаешь, какимъ оружіемъ бороться. Опасность, живая, видимая, реальная—совсѣмъ другое дѣло! Но въ данномъ случаѣ онъ волей-неволей ничего не можетъ противопоставить этой шайкѣ способныхъ на все бандитовъ, ничего, кромѣ полной безпомощности. Почемъ знать, быть можетъ, подъ этими масками таились господа, которымъ въ обществѣ, ничего не подозрѣвая, онъ жметъ руки. И преимущество ихъ въ томъ, что они знаютъ, чего хотятъ отъ Максимова, артиллерійскаго поручика, авіатора и изобрѣтателя. Онъ же вовсе не знаетъ ихъ, то-есть не знаетъ, что данный Иксъ, или Игрекъ и есть шпіонъ, жаждущій купить, или украсть интересующій его секретъ.

Во всякомъ случаѣ, надо принять мѣры. Онъ заявитъ сатурноподобному генералу, что работы на заводѣ необходимо производить въ наивозможнѣйшей тайнѣ. Необходимо установить тщательный надзоръ за всѣми рабочими. А главное, чтобы ни одного нѣмца среди нихъ не было. Квартиру свою онъ будетъ оберегать пуще зѣницы ока отъ всякихъ случайныхъ вторженій. Мастерская, лишь только онъ вышелъ изъ дому, на запоръ, и надо будетъ обратиться къ кому слѣдуетъ, чтобъ командировали сюда для наблюденія какого-нибудь милостиваго государя въ котелкѣ. Пусть фланируетъ, да присматривается. Послѣ своего искусственнаго усыпленія Максимовъ ощущалъ на лицѣ влажную салфетку и до сихъ поръ еще слышалъ удушливо-сладковатый запахъ. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ. Вялость во всемъ тѣлѣ, какой-то ознобъ и, ко всему этому, еще сознаніе полнаго одиночества. Онъ пустилъ въ ходъ имъ же самимъ устроенное газовое отопленіе, и черезъ двѣ-три минуты большая комната,

совмѣщавшая въ себѣ гостиную, спальню и кабинетъ, согрѣлась, наполнившись тепломъ.

Онъ вызвалъ по телефону Ванду, обѣщая разсказать ей свои необыкновенныя приключенія. Она отговаривалась недосугомъ, но онъ такъ упорно настаивалъ, ссылаясь на свое нездоровье, да еще въ сиротливомъ одиночествѣ, что она пообѣщала тотчасъ же пріѣхать. И черезъ двадцать минутъ была у него. Печальная, съ опущенными глазами,— ея обычное состояніе за послѣднее время.

Онъ разсказывалъ, она слушала, слушала съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ, безъ удивленія, безъ восклицаній, казалось бы, совершенно здѣсь неизбѣжныхъ. И видимо стоило ей большихъ усилій сдерживаться... Подергивались губы, вздрагивали мускулы лица... А когда Максимовъ началъ описывать послѣдовавшее за предложеніемъ купить цѣною пятидесяти тысячъ его измѣну, Ливинская разрыдалась.

— Что съ тобою?—кинулся онъ къ ней.

Наплакавшись, глотнувъ изъ стакана воды, она подняла мокрое отъ слезъ лицо.

— Ничего, нервы... Все, что ты разсказывалъ, это ужасъ одинъ!..

— Дѣйствительно, ужасъ! Въ этой своей берлогѣ они могли пристукнуть меня, и поминай, какъ звали! Да, очутиться въ лапахъ нѣмецкихъ шпіоновъ—удовольствіе изъ среднихъ. Вотъ, говорятъ, мы, русскіе, пускаемъ ихъ къ себѣ по своей добродушной халатности. Но не только здѣсь, у насъ, цвѣтутъ и множатся шпіоны—и оба ихъ фатерлянда—Берлинъ и Вѣна—отлично знаютъ каждый нашъ шагъ. Единственное утѣшеніе,—правда, очень плохое,—что нѣмецкій шпіонажъ не только у однихъ насъ такъ пышно пустилъ свои корни... Возьмемъ Францію...

— Неужели и тамъ?

— Еще какъ! Интересуясь воздухоплаваніемъ, я назадъ

тому два года ѣздилъ во Францію, въ Ла-Мотъ-Брэй. Тамъ строятся и подвергаются испытаніямъ французскіе дирижабли... И что же?.. Въ двухъ шагахъ отъ аэростатическаго парка находится свившая себѣ гнѣздо нѣмецкая фабрика химическихъ продуктовъ. Ея раньше не было. Вдругъ въ одинъ годъ создалась, какъ по щучьему велѣнью... И вдобавокъ, эта же самая фабрика поставляетъ аэростатическому парку водородъ. Отсюда, какія головокружительныя возможности на тотъ случай, если бы вспыхнула война между Германіей и Франціей! Рабочіе нѣмецкой фабрики, среди которыхъ навѣрное добрая дюжина прусскихъ офицеровъ, могутъ въ любую минуту испортить французскіе дирижабли... И такъ вездѣ... А развѣ мало ихъ въ Англіи? Они весь міръ опутали своей сѣтью! Будь оно проклято, подлое племя! И если когда-нибудь грянетъ часъ войны съ ними, себя не пожалѣю! Какъ крысъ, буду ихъ истреблять, эту обнаглѣвшую, самовлюбленную сволочь!..

И опять ласковый медвѣженокъ исчезъ подъ вліяніемъ охватившаго гнѣва. Проснулся мужчина, солдатъ, который дѣйствительно сумѣетъ быть и страшнымъ и грознымъ. И такимъ онъ нравился Ливинской. И чѣмъ больше нравился, тѣмъ сильнѣй мучила совѣсть. Только напряженіемъ воли задушила она въ себѣ новыя, поднимавшіяся изъ глубины рыданія. И только судорогою лица да плотно, до боли, сжатыми губами отразились эти невыплаканныя и поэтому особенно гнетущія слезы.

И не могла она, не могла при всемъ желаніи выдавить изъ себя хоть слово утѣшительной ласки. Оно прозвучало бы фальшиво и мерзко, съ гадливымъ презрѣніемъ къ самой себѣ.

Онъ видѣлъ, что съ нею творится неладное, но терялся въ догадкахъ, а на его вопросы Ливинская отвѣчала одно и то же:

— Такъ, нервы... душа болитъ...

Онъ въ отчаяніи хрустѣлъ пальцами.

— Господи, когда же все это кончится! Ничего не понимаю! Не любовь, а сплошное мученіе. Когда же наконецъ?..

— Скоро, голубчикъ, скоро,—тихо сказала Ванда, и что-то загадочное было въ ея отвѣтѣ...

13.

Бѣгство.

— А, вѣдь, я ловко придумалъ... Снился ли тебѣ когда-нибудь такой маскарадъ?

— Маскарадъ вышелъ любопытный, словъ нѣтъ. Но, мой другъ, толку изъ него никакого. Это упрямое животное, не успѣвъ дослушать, какъ слѣдуетъ, моего предложенія, уже схватилось за револьверъ. Я человѣкъ мирный, штатскій, терпѣть не могу никакихъ выстрѣловъ и, вообще, ни холоднаго, ни огнестрѣльнаго оружія.

— Досадно,—согласился Гумбергъ:—настолько досадно, что у меня было сильное искушеніе покончить съ этимъ «изобрѣтателемъ». Хорошій ударъ кастетомъ—и пожалуйте къ праотцамъ! Можно было бы симулировать автомобильную катастрофу...

— Ну нѣтъ, я не согласенъ! Даже самое загадочное убійство, за рѣдкими исключеніями, всегда, въ концѣ концовъ, всплываетъ. Я же человѣкъ солидный, уважаемый, и, Боже меня сохрани,—какъ жена Цезаря, долженъ всегда быть выше всякихъ подозрѣній. Положительно, твою гастроль нельзя отнести къ категоріи удачныхъ. Время бѣжитъ, а бомбы такъ и пролетятъ мимо насъ... А теперь овладѣть ихъ секретомъ значительно труднѣе, чѣмъ раньше. Мы вспугнули дичь безъ всякаго толка. Онъ запираетъ свою мастерскую, и домъ, гдѣ онъ живетъ, все время подъ наблюденіемъ какихъ-то смѣняющихъ другъ друга молодыхъ

людей. Шатаются по улицѣ взадъ и впередъ и наблюдаютъ во всѣ глаза... Такъ что выписывать нашего почтеннаго профессора химіи нѣтъ никакого смысла. Трата денегъ, времени и, самое главное—рискъ влопаться...

Въ такомъ духѣ бесѣдовали между собою сообщники на другой день послѣ того, какъ господинъ фонъ-Юстіусъ предложилъ артиллеристу пятьдесятъ тысячъ за химическій составъ его бомбъ. Когда усыпленнаго хлороформомъ офицера унесли, Августъ Вильгельмовичъ спохватился.

— А что, если онъ узналъ мой голосъ и мой акцентъ?

Но Гумбергъ успокоилъ его:

— Онъ никогда не слышалъ ни твоего голоса, ни твоего акцента и поэтому не можетъ узнать... Онъ единственный разъ встрѣтилъ тебя у баронессы Махлейтъ. И наконецъ тамъ ему не до тебя было: увидѣлъ Ливинскую и сію же минуту раскисъ. И до чего раскисъ... Я думалъ, онъ— баба, и вертѣть имъ можно будетъ какъ угодно... Оказалось, не тутъ-то было! Когда нужно, онъ—бабникъ, когда нужно—парень съ характеромъ. И вотъ говорятъ послѣ этого, что эти русскіе не умѣютъ быть патріотами. Впрочемъ, иногда и самый горячій патріотизмъ охладѣваетъ, если приставить къ виску револьверъ. Но, во-первыхъ, почва для такихъ экспериментовъ не совсѣмъ благопріятная, а, во-вторыхъ, у меня такое сложилось впечатлѣніе,—онъ, пожалуй, и подъ угрозою смерти не пошелъ бы навстрѣчу намъ.

— Ты хорошій психологъ... Я такого же мнѣнія... Ну, а теперь намъ Ливинская совсѣмъ не нужна пока. Я не намѣренъ платить больше жалованья этой безполезной тунеядкѣ. Хотя... событія назрѣваютъ, и я нашелъ бы, пожалуй, для нея какое-нибудь новое примѣненіе...

— Разумѣется, она еще можетъ быть очень и очень полезной!

Въ соображенія Гумберга вовсе не входило, чтобъ молодая женщина осталась не у дѣлъ. Онъ такъ привыкъ

грабить ее, такъ привыкъ издѣваться надъ ея душою и тѣломъ, что лишиться сразу всѣхъ трехъ удовольствій онъ не желалъ вовсе.

Хорошо принятый и обласканный въ нѣмецкихъ кругахъ, баронъ Гумбергъ задумалъ выгодно жениться. Тѣмъ болѣе, представился удобный случай. Гумбергу покровительствовалъ нѣкій вліятельный сановникъ, баронъ Крейцнахъ фонъ-Крейцнау. Этотъ баронъ прибалтійской фабрикаціи, получавшій русское жалованье, русскіе чины и русскія звѣзды, по убѣжденію остался завзятымъ нѣмцемъ, и все нѣмецкое умиляло его и трогало. Вотъ почему съ такимъ отеческимъ вниманіемъ взялъ онъ подъ свое покровительство Гумберга. „Этотъ молодой человѣкъ—настоящій нѣмецъ", и баронъ Крейцнахъ рѣшилъ озаботиться дальнѣйшей карьерою Гумберга. Данцигскій «гусаръ смерти», снабженный самымъ лестнымъ рекомендательнымъ письмомъ, уѣхалъ на нѣсколько дней въ Эстляндскую губернію погостить въ одномъ изъ старыхъ замковъ близъ Ревеля. Тамъ Гумбергъ увидѣлъ племянницу своего покровителя, худую, длинную дѣвицу двадцати девяти лѣтъ, съ большими руками и ногами. Но и двадцать девять лѣтъ и большія руки и ноги и прочіе недостатки, если таковые имѣлись у засидѣвшейся невѣсты, все это можно было простить за довольно крупное приданое въ деньгахъ и недвижимости. И кромѣ того, блѣдная, золотушная дѣвица была хорошей нѣмкой.

Лѣтъ десять назадъ, когда одинъ изъ самыхъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ усмирялъ эстляндцевъ и латышей, возставшихъ противъ своихъ феодальныхъ бароновъ, очутился въ этомъ нѣмецкомъ замкѣ русскій офицеръ съ полуэскадрономъ. И вотъ однажды въ бесѣдѣ спросилъ онъ гладко причесанную дѣвицу съ большими руками и ногами:

— Вы часто наѣзжаете въ Петербургъ?

— Но я не была тамъ ни разу... Я воспитывалась въ Дрезденѣ.

— Странно... Вашъ дядюшка занимаетъ видное положеніе. Родной братъ вашъ тоже дѣлаетъ блестящую карьеру. Связи и знакомства. И развѣ не было у васъ желанія быть представленной ко Двору?..

— Но я, вѣдь, была представлена ко Двору!—воскликнула дѣвица.

— Гдѣ же это?

— Натурально, въ Берлинѣ! Нашъ кайзеръ Вильгельмъ удостоилъ меня бесѣдою цѣлыхъ четыре съ половиною минуты...

Ротмистръ-бѣдняга такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ. Ложась въ холодную постель, въ отведенной ему холодной нетопленной комнатѣ стараго замка, онъ долго не могъ уснуть, думая съ горечью:

«Такъ вотъ во имя чьихъ интересовъ пришли мы сюда... Чтобъ защищать вѣрноподданныхъ кайзера Вильгельма».

Раннимъ утромъ офицеръ вмѣстѣ со своимъ полуэскадрономъ покинулъ замокъ, не простившись съ владѣльцами... Онъ видѣть не могъ ихъ, охваченный чувствомъ самаго глубокаго негодованія.

Баронъ Гумбергъ загостился въ этомъ замкѣ. Спустя нѣсколько дней онъ и дѣвица, осчастливленная четырехминутной бесѣдою со «своимъ» кайзеромъ, были совсѣмъ женихомъ и невѣстою. Спустя двѣ недѣли бывшій «гусаръ смерти» возвратился въ Петербургъ и уже не засталъ Лисвинской. Воспользовавшись его отсутствіемъ, она исчезла неизвѣстно куда. Августъ Вильгельмовичъ встревожился не на шутку:

— Понимаешь, бѣгство, форменное бѣгство! Чортъ знаетъ что можетъ выйти! Никому не сказала—куда. Портье и тотъ не знаетъ. «Уѣхала на Варшавскій вокзалъ»,—вотъ и все. Но вѣдь этого мало. Что, если она вздумаетъ предать насъ,—и меня и тебя? Но ты ни чѣмъ не рискуешь, а я? У меня здѣсь солидное положеніе, безу-

коризненная репутація. Впрочемъ, кто же повѣритъ этой авантюристкѣ, проходимкѣ?.. Но мы отыщемъ ее. И тогда горе ей! И въ Варшавѣ и въ Царствѣ Польскомъ у меня всюду свои люди, свои агенты. Прикажу—иголку найдутъ не только человѣка.

Господинъ фонъ-Юстіусъ разослалъ множество телеграммъ и долго не могъ успокоиться. Даже слегка похудѣлъ и, какъ будто поблекъ его вѣчно розовый безмятежный румянецъ.

Максимову дала о себѣ вѣсточку Ливинская:

«Мой славный другъ, Өедоръ Владиміровичъ!.. Мнѣ надо уѣхать изъ Петербурга. Твердо рѣшилась на это. Лучше будетъ... Надо такъ, чтобы я уѣхала. Измучилась, изолгалась!.. Нѣтъ силъ такъ жить дальше. Вы—славный и честный человѣкъ, и нехорошо, зачѣмъ вы полюбили такую, какъ я... Не могу отвѣтить вамъ такъ же. Не могу, если бы и хотѣла. Но я васъ люблю, какъ сестра, какъ другъ, и отъ сердца желаю вамъ всякаго счастья. Меня всегда тянуло и теперь тянетъ къ комфорту и богатой жизни, и отъ этого я въ послѣднее время много страдала и мучилась. Я хочу отдохнуть отъ всего этого, хочу, чтобы про меня забыли, и сама хочу забыть многое... По отношенію васъ я была противная, вотъ почему не хватило у меня ни воли ни совѣсти попрощаться съ вами. И еще было-бы тяжело видѣть ваше огорченіе, потому что вы меня дѣйствительно сильно любите, какъ никто никогда не любилъ. Всего лучшаго дай вамъ Богъ! Берегитесь вашихъ враговъ, подлыхъ и низкихъ. До свиданія! Впрочемъ, будетъ вѣрнѣе, прощайте, такъ какъ врядъ ли мы увидимся когда-нибудь. Вспоминайте меня иногда, но только не зломъ. Я никогда не была хорошей и добродѣтельной, но все же я лучше гораздо, чѣмъ это можно про меня думать»...

Вотъ и все. На этомъ оборвалось закапанное слезами письмо съ нѣсколькими орѳографическими ошибками. Пере-

читалъ его Максимовъ съ острой болью, перечиталъ разъ, другой, третій. Но многаго такъ и не понялъ. За этими намеками, недоговоренностью скрывается что-то. Вообще, она вся была для него загадкою. Почему, напримѣръ, ни слова о мужѣ, хотя это было бы вполнѣ естественно вернуться къ нему? Или, вообще, никакого мужа нѣтъ въ дѣйствительности, и она морочила его какимъ-то миѳическимъ мужемъ, чтобы онъ давалъ ей побольше денегъ...

Максимовъ бросился въ гостиницу. Но и тамъ онъ узналъ отъ портье то же самое, что и Августъ Вильгельмовичъ:

— Госпожа Ливинская уѣхала на Варшавскій вокзалъ.

Все, что можно было добиться отъ расшитаго галунами «всечеловѣка» съ международнымъ лицомъ и въ круглой, съ прямымъ козырькомъ, кэпи.

Максимовъ загрустилъ.

Особенно было ему тоскливо и одиноко въ эти весеннія безсонныя ночи, когда, распаляемый желаніемъ, образъ Ливинской мерещился ему во всемъ своемъ—увы,—теперь недостижимомъ очарованіи... И хотя она прятала отъ него свою душу и, не любя, дарила ему свои ласки, но никогда не увидитъ онъ больше этихъ глазъ, большихъ и печальныхъ, этихъ душистыхъ волосъ, что распускала она по точенымъ плечамъ своимъ тяжелыми и черными волнами.

И такъ уходило время. Днемъ въ работѣ, ночью—въ безплодной тоскѣ. Дѣла Максимова поправились. Ассигновка принесла ему нѣсколько свободныхъ тысячъ. Со дня на день его должны произвести внѣ очереди въ штабсъ-капитаны. Ему обѣщали въ недалекомъ будущемъ завидную самостоятельную должность въ связи съ его работами по воздухоплаванію. Но все это теперь не улыбалось ему.

Онъ вспомнилъ о баронессѣ Махлейтъ. Быть-можетъ, она что нибудь знаетъ о Ливинской. Въ пріемный день Максимовъ разлетѣлся на Гагаринскую набережную. Баро-

несса встрѣтила его съ недоумѣніемъ и оскорбительной сухостью. Словно и не была никогда съ нимъ такъ мила и любезна въ тотъ зимній вечеръ, въ этомъ особнякѣ шоколаднаго цвѣта, «на чашкѣ чая». Максимовъ пробовалъ заикнуться о Ливинской. Баронесса сдѣлала такіе глаза, словно впервые услышала это имя. Потомъ снизошла вспомнить:

— Ахъ, да... госпожа Ливинская,— сощурилась Фридерика Ильинична:—право, не могу удовлетворить вашего любопытства... Госпожу Ливинскую я давно потеряла изъ виду...

И тотчасъ же позабыла самымъ основательнымъ образомъ о существованіи Максимова и обратилась съ чарующей улыбкой къ одному важному старичку-визитеру.

Максимовъ поспѣшилъ откланяться, браня себя, зачѣмъ пошелъ на это униженіе. Но послѣ того, какъ съ нимъ здѣсь носились, могъ ли онъ думать, что его окатятъ съ головы до ногъ ледянымъ душемъ? Въ этой самой бѣлой гостиной баронесса рекламировала его, какъ заѣзжаго фокусника, и восхищалась красотою Ливинской. Все это вмѣстѣ сплеталось въ запутанный клубокъ, будя цѣлый хаосъ туманныхъ, неясныхъ подозрѣній. Однако, не было возможности уцѣпиться хоть за что-нибудь... И подозрѣнія таяли неразгаданными и смутными.

А тѣмъ временемъ назрѣвали событія...

Сараевская катастрофа всколыхнула мертвый сезонъ столицы. Газеты проснулись отъ вялой лѣтней дремы. Экстренныя прибавленія и выпуски жадно расхватывались.

Австрія предъявила сербамъ неслыханную по своей наглости ноту. Даже безконечно далекіе отъ политики обыватели, даже и они возмутились. И многіе поняли, что въ воздухѣ, мирномъ, по-лѣтнему тепломъ, запахло вдругъ порохомъ. Не было ни у кого сомнѣнія, что бомбардировка Бѣлграда является сигналомъ къ великой европейской войнѣ.

Не говоря про убѣжденныхъ славянофиловъ, даже самые беззаботные по части славянъ и славянства круги общества, и тѣ возмутились нападеніемъ громадной „лоскутной“ Австріи на крохотную Сербію.

Каждая телеграмма о героическомъ сопротивленіи сербовъ сопровождалась бурными манифестаціями, враждебными у австрійскаго посольства и восторженными—у сербскаго.

Извѣстіе о томъ, что сотня сербскихъ солдатъ ружейнымъ огнемъ отбросила отъ Бѣлграда съ большими потерями крупный австрійскій десантъ, готовый высадиться, встрѣчено было на берегахъ Невы ликованіемъ.

Многіе офицеры гвардейскихъ частей рвались добровольцами въ Сербію.

Но все громче и опредѣленнѣе поговаривалось, что Великая Россія не дастъ въ обиду своихъ задунайскихъ братьевъ, и со дня на день слѣдуетъ ожидать всеобщей мобилизаціи.

Волна событій катилась впередъ съ неудержимой стремительностью.

14.

Кавалерійская атака.

Удивительно быстро втягивается человѣкъ въ походно-боевую обстановку и жизнь.

И та самая гвардейская молодежь, что привыкла въ Петербургѣ къ комфортабельнымъ квартирамъ, къ тонкимъ поварскимъ обѣдамъ и завтракамъ, привыкла всегда быть съ иголочки, холеная, съ ежедневнымъ посѣщеніемъ парикмахера-француза,—теперь чрезвычайно весело, съ особеннымъ охотницкимъ чувствомъ, не только мирилась, а радовалась всѣмъ этимъ лишеніямъ суроваго походнаго житья-бытья. О чистой постели,—да что чистой, хоть какой-нибудь!—и мечтать даже не приходилось цѣлыми недѣлями.

Вѣчно въ развѣдкахъ, или на позиціяхъ. Всегда и днемъ и ночью на самомъ тревожномъ чеку. И по нѣсколькимъ днямъ не только не раздѣвались, но и сапогъ недосугъ было снять.

Всѣ эти молодые корнеты и поручики въ недѣлю-другую боевого крещенія сразу возмужали на нѣсколько лѣтъ. Щеголеватыхъ гвардейцевъ самаго блестящаго и дорогого полка нельзя узнать... Куда дѣвались бѣлыя съ краснымъ околышемъ фуражки, сюртуки и вицмундиры съ серебряными погонами, безукоризненно облегавшіе молодое тѣло. Кто подмѣнилъ изнѣженныя, чисто выбритыя лица съ тѣми равнодушными глазами, что говорятъ о сытой и спокойной жизни въ роскоши, безъ особеннаго труда и особенныхъ заботъ.

Даже бриться казалось теперь едва ли не утонченнѣйшимъ комфортомъ. И покрывшая подбородокъ и щеки густая колючая щетина, и обвѣтренный загаръ лица, и что-то новое, рѣшительное во взглядѣ, успѣвшемъ увидѣть и человѣческое страданье, и опасность, и ужасъ смерти,— все это сообщало недавнимъ участникамъ декоративныхъ и парадныхъ красносельскихъ маневровъ что-то воинственное, мужественное, солдатское. И одѣты они были, какъ солдаты: въ защитныхъ фуражкахъ, просторныхъ рубахахъ оливковаго цвѣта, такихъ же рейтузахъ и въ простыхъ тяжелыхъ сапогахъ, стянутыхъ у колѣна ремешкомъ.

Давно ли, кажется, началась война?

Нѣсколько дней минуло съ того знаменательнаго момента, какъ русскіе перешли границу, очутившись въ Восточной Пруссіи.

Яснымъ солнечнымъ днемъ въ «потной» болотистой ложбинѣ стояли, — гвардія, армейскіе драгуны, армейскіе гусары и казачья сотня. День обѣщалъ быть жаркимъ и въ смыслѣ погоды, и въ смыслѣ боя. Пруссаки нащупали конный отрядъ, и надъ ложбиной все чаще и чаще разры-

вались шрапнели. Пронзительный металлическій визгъ — и на фонѣ голубыхъ небесъ рождалось бѣлое облачко, нѣжно раскрашенное чѣмъ-то синимъ и розовымъ. Мохнатое, пушистое облачко, напоминающее хризантему. Такъ и окрестило офицерство разрывы шрапнелей—«хризантемами».

Еще не было жертвъ, если не считать двухъ-трехъ раненыхъ лошадей. Шрапнельныя пули цѣлыми роями, чмокая, зарывались въ болотистую влажную почву, и тамъ и сямъ вздымались брызги земли и грязи. Усатый полковникъ, командовавшій этимъ сводным кавалерійскимъ отрядомъ, приказалъ отодвинуться. Когда три эскадрона и сотня отступили шаговъ на пятьсотъ, шрапнели продолжали рваться впереди, никому не угрожая до поры до времени.

Елабужскій—совсѣмъ другой теперь, чѣмъ тотъ, который былъ на вечерѣ у баронессы Махлейтъ, — сдерживалъ своего горячаго гунтера, Жюля-Верна, еще не успѣвшаго освоиться съ музыкою снарядовъ. Эта сильная, монументальная лошадь знала до сихъ поръ лишь звукъ полкового оркестра да марши и вальсы, подъ которые она брала въ Михайловскомъ манежѣ барьеры. Что же касается всадника, — его красивое, не русской, южной, скорѣе итальянской красотою, лицо успѣло густо заростии. Свое боевое крещеніе онъ получилъ въ балканской войнѣ, у Адріанополя и въ Черногоріи. Онъ улыбался и этому солнечному дню, и этимъ розовѣющимъ въ воздухѣ «хризантемамъ», и подъѣхавшему на вытянутомъ, поджаромъ «англичанинѣ» поручику Имшину, и предстоящей атакѣ... Имшинъ — худой, съ костистымъ лицомъ и умными, злыми птичьими глазами, сообщилъ:

— Дмитрій, какой ужасъ!.. Тамъ, на правомъ флангѣ, пріѣхалъ сейчасъ ординарецъ изъ штаба дивизіи... Разсказывалъ полковнику... Дорожинскаго нашли.

— Нашли?—оживился Елабужскій.

— Да, но трупъ!.. Помнишь, онъ уѣхалъ въ развѣдку.

Вдвоемъ съ унтеръ-офицеромъ они погнали нѣсколько прусскихъ гусаръ. Трехъ изрубили. Но, подоспѣвшій новый разъѣздъ спѣшилъ ихъ издали изъ винтовокъ. Дорожинскій упалъ на шоссе... Когда пруссаки подъѣхали, — это знаменитые ихъ «гусары смерти», — офицеръ собственноручно пристрѣлилъ Сергѣя... И какъ гнусно и подло... Въ ротъ!..

— Будь они прокляты! — воскликнулъ Елабужскій, мѣняясь въ лицѣ страдальческой гримасой.

— Да, да, это установлено врачемъ... Мерзавецъ разжалъ ему зубы дуломъ револьвера. Полчерепа снесено...

— Ужасъ одинъ!.. Вотъ будетъ горевать невѣста... Онъ не разлучался съ ея портретомъ...

— Этотъ офицеръ, какъ мародеръ, какъ гіенна, все обобралъ съ трупа... Часы-браслетку, золотой портсигаръ, деньги, все! Ахъ, если бы этотъ негодяй попался мнѣ въ руки. Повѣсилъ бы, какъ собаку. Съ этимъ звѣрьемъ церемониться нечего. Никакой пощады никому!..

— Намъ тоже брать съ нихъ примѣръ не годится. За варварство не слѣдуетъ платить варварствомъ...

— Развѣ они поймутъ гуманное человѣческое отношеніе?.. Сами же будутъ смѣяться, называя насъ глупыми, сантиментальными дураками... Такъ пусть же не смѣются они, а плачутъ...

Подъѣхалъ усатый полковникъ:

— Господа офицеры по своимъ мѣстамъ!..

Сейчасъ, еще двѣ-три минуты, и — сигналъ къ атакѣ. Трудной атакѣ въ конномъ строю на еще свѣжую, нерастрепанную пѣхоту. Данъ былъ приказъ смять и отбросить во что бы то ни стало!

Для конницы въ наши дни такое дѣло столь же опасное, рискованное, сколь и доблестное въ случаѣ успѣха. Это уже откидывало на цѣлый вѣкъ назадъ, къ славнымъ кавалерійскимъ атакамъ Мюрата. Но тогда не было ни

магазинныхъ винтовокъ, ни пулеметовъ. А огонь кремневыхъ ружей дѣйствителенъ былъ всего на нѣсколько сотъ шаговъ.

Какой-то шелестъ, какое-то движеніе прошло по эскадронамъ и сотнѣ. И сразу какъ-то все затихло. И полтысячи всадниковъ превратились въ одинъ организмъ, въ одно стройное упругое тѣло, которое, вынесшись изъ этой ложбины, ударитъ стихійной лавою. И каждый всадникъ былъ одно недѣлимое, одно цѣлое съ конемъ. И уже «собраннымъ», готовымъ лошадямъ передалась нервирующая важность момента.

Многіе всадники будутъ спѣшены, чтобъ не только никогда больше не сѣсть въ сѣдло, но и свѣта Божьяго не увидѣть. И это сознаніе отражалось на строгихъ, съ какими-то вдругъ чужими глазами, лицахъ. И въ эту минуту, передъ тѣмъ страшнымъ, что ждетъ всѣхъ этихъ всадниковъ тамъ, впереди, сказался характеръ каждаго и темпераментъ. Горячій смуглый украинецъ гвардейскаго эскадрона съ закушенной губою, поминая «биса» и «видьму», безъ толку шпорилъ коня, посылая его впередъ и въ то же время изо всѣхъ силъ осаживая, беря на себя поводъ. Молоденькій безусый казачекъ дѣтскимъ шопотомъ призывалъ Царицу Небесную, и тутъ же, успѣвшій за эти дни побывать въ развѣдкахъ и передѣлкахъ рябой станичникъ съ серьгой въ ухѣ и запекшимися нѣмецкой кровью штанами, спокойно прикидывалъ, что не слѣдуетъ колоть бѣгущихъ пикою въ спину,—всегда попадешь въ ранецъ.

Елабужскій видѣлъ передъ собою до трепета ясно и близко прекрасное лицо своей Аниты... Несмотря на всѣ его просьбы, жена не усидитъ въ Петербургѣ и помчится сюда, чтобъ, томясь гдѣ-нибудь въ тылу, встрѣчаться съ нимъ хоть урывками, или, по крайнѣй мѣрѣ, жить надеждою встрѣчи. И онъ вспомнилъ, какъ тамъ, далеко, въ Мустафа-пашѣ, когда онъ раненый лежалъ въ баракѣ у

станціи, она съ заботливой нѣжностью ухаживала за нимъ. И потомъ вмѣстѣ уѣхали въ Черногорію. И здѣсь, въ этой болотистой ложбинѣ, на прусской землѣ и подъ прусскимъ небомъ, онъ вспомнилъ чарующій путь вдоль живописнаго Далматинскаго побережья. И это походило на свадебное путешествіе, хотя они были женихомъ и невѣстой... Онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобъ не тревожиться за то невѣдомое, роковое, что можетъ произойти черезъ нѣсколько минутъ. И холодной тревогою забилось сердце... И это невольно сказалось въ туго натянутомъ поводѣ. Рослый, крѣпкій Жюль-Вернъ, приплясывая задними ногами, вбиралъ въ себя воздухъ влажными губчатыми ноздрями и косилъ громаднымъ синеватымъ бѣлкомъ.

Какъ это случилось — никто не помнилъ. И врядъ ли слышалъ кто-нибудь, какъ протрубили атаку. Однимъ дружнымъ инстинктивнымъ броскомъ вынеслась изъ ложбины вся лава и уже мчалась, широко развернувшись, къ непріятельскимъ позиціямъ. Нѣмцы залегли плотно, пока невидимые. Но линія дымковъ обозначала ихъ цѣпи... И участилась трескотня винтовокъ, словно тысячи людей быстро-быстро выколачивали палками тысячи ковровъ. И повсюду на пути, куда только могъ хватить глазъ, безчисленными крохотными скопками курилась пыльная сухая земля, вздымаемая пулями.

„Така, така, така“, — противно откашливались пулеметы.

Ровный, ритмично убаюкивающій галопъ успокоилъ Елабужскаго, и нервную тревогу рукой сняло. И хотя кругомъ падали всадники, кто навзничь, кто впередъ, какъ-то нелѣпо обнимая шею лошади и соскальзывая вмѣстѣ съ этимъ объятіемъ, — не было больше ни сомнѣній, ни страха. И если-бъ не рука, сжимавшая эфесъ оголенной шашки, онъ могъ бы подумать, что несется по ипподрому.

Теперь уже близко. Уже сверкаютъ на солнцѣ, какъ

мѣдные гвозди, острые шишаки черныхъ лакированныхъ касокъ. Много ихъ залегло нѣсколькими рядами. Безостановочно дымятся винтовки.

На дорогѣ широкая и достаточной глубины канава. Чья-то лошадь вдругъ уперлась на край всѣми четырьмя ногами, и всадникъ, словно выброшенный какой-то пружиной, полетѣлъ черезъ голову лошади на дно канавы. Жюль-Вернъ, собравшись всѣмъ своимъ мощнымъ, мускулистымъ тѣломъ, чисто, какъ въ манежѣ, взялъ это непредвидѣнное препятствіе и тѣмъ же аллюромъ—дальше.

Нѣмцы не выдержали этой бѣшеной кавалерійской атаки. И лишь на мигъ видѣла конная лава ихъ блѣдныя перепуганныя лица. И вмѣсто лицъ—тотчасъ же затылки и спины. Пруссаки бросились бѣжать. Ихъ кололи пиками, словно пригвоздивая къ землѣ, рубили шашками. Пять минутъ назадъ, неразбитая, свѣжая пѣхота была теперь стадомъ барановъ. Многіе кидали свои винтовки и, поднимая руки, сдавались. Но были и такіе, что потомъ стрѣляли вслѣдъ промчавшимся всадникамъ. Одна изъ этихъ предательскихъ пуль ранила Елабужскаго въ голову. Лѣвой рукою онъ сдержалъ своего Жюль-Верна, правой ощупалъ затылокъ, — фуражку онъ потерялъ въ моментъ прыжка чрезъ канаву,—теплой кровью вымазались пальцы. И вдругъ стало жарко-жарко. А передъ глазами поплылъ черный, холодный туманъ. Только и хватило еще сознанія вспомнить, что такое же самое ощущеніе было тогда, подъ южными звѣздами, у Адріанополя... Поговоривъ съ запаснымъ капитаномъ осадной батареи, онъ уѣхалъ впередъ и былъ раненъ въ плечо...

Очнулся Елабужскій на этихъ же самыхъ позиціяхъ, что взяты были такой славной кавалерійской атакой. Видимо, больше двухъ часовъ прошло, какъ онъ потерялъ сознаніе. Уже подоспѣла изъ резервовъ пѣхота и окапывалась по всему фронту. Елабужскій, съ туго перевязанной головою лежалъ на шинели.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросила его худенькая, съ заострившимся носикомъ и большими сѣрыми глазами, сестра милосердія.

— Благодарствуйте, сестрица. Чувствую себя довольно коряво. Боль адова, но терпѣть можно. Что, сильно поврежденъ черепъ?

— Не очень, — ободряюще улыбнулись подъ бѣлымъ платкомъ сѣрые глаза: — сорвало кожу, затронуло кость, но, слава Богу, не глубоко...

— Такъ что черезъ недѣлю, пожалуй, опять въ строй?

— Недѣльки черезъ двѣ-три, пожалуй.

Елабужскій, блѣдный, съ успѣвшими ввалиться глазами, сдѣлалъ попытку привстать. Но голова, какъ свинцовый шаръ, оттягивала книзу все тѣло.

А кругомъ кипѣла пока еще мирная жизнь передовыхъ позицій. Это былъ антрактъ между кровавыми дѣйствіями. Первое кончилось съ успѣхомъ для однихъ и пагубно для другихъ, а впереди не за горами — слѣдующее. И если-бъ не раненые кругомъ, свои и чужіе, надъ которыми съ одинаковой заботой хлопотали наши санитары и сестры, если-бъ не отрубленныя головы пруссаковъ, если-бъ не трупы, частью уже унесенные въ тылъ, къ могиламъ, право, можно было бы подумать, что ничего и не было здѣсь страшнаго и кроваваго.

Яркій день дышалъ такимъ зноемъ, что свѣжая рыхлая земля, которую выбрасывали изъ окоповъ стоявшіе въ нихъ пѣхотинцы, черезъ нѣсколько минутъ уже высыхала, твердая, разсыпчатая и сѣрая. И, проворно ковыряя своими лопаточками нѣмецкую землю, солдаты, въ прилипшихъ къ спинамъ цвѣтныхъ рубахахъ перекликались между собою такъ же беззаботно и просто, какъ если бы дѣлали свое обычное дѣло у себя на полѣ, гдѣ-нибудь въ Калужской, Витебской, или Екатеринославской губерніи. Пахло здоровымъ лошадинымъ потомъ. Коноводы курили въ сторонкѣ

у засѣдланныхъ, но съ ослабленными подпругами, лошадей. Лошади, вздрагивая и пофыркивая, отмахивались хвостами отъ мухъ.

Елабужскій видѣлъ со своей шинели, шагахъ въ пятидесяти, группу плѣнныхъ пруссаковъ, и здоровыхъ, и съ перевязанными головами, руками и лицами. Видѣлъ полнаго неуклюжаго капитана въ синемъ однобортномъ мундирѣ и въ каскѣ. Усатый гвардейскій полковникъ, въ рубахѣ оливковаго цвѣта, громко говорилъ что-то по-французски плѣнному капитану. Поминутно козыряя, вытягиваясь, капитанъ оправдывался въ чемъ-то. И страннымъ казалось Елабужскому. Этотъ самый полковникъ, считавшійся однимъ изъ первыхъ дирижеровъ на придворныхъ и великосвѣтскихъ балахъ, цѣнитель винъ и женщинъ, любящій тонко поѣсть изнѣженный сибаритъ, этотъ самый человѣкъ, для котораго комфортъ и покой, было все,—два часа назадъ мчался на непріятельскія позиціи, вынесшись далеко впередъ на своемъ англо-арабѣ, и, теперь, въ своихъ грубыхъ, стянутыхъ ремнемъ сапогахъ, дѣловито допрашиваетъ плѣнныхъ.

Усатый полковникъ, вынувъ портсигаръ, предложилъ полному капитану папиросу. Нѣмецъ такъ ее взялъ, словно боялся обжечься, и нерѣшительно вертѣлъ передъ собой.

Черезъ минуту полковникъ подошелъ къ Елабужскому. Улыбающійся, холеный, неизвѣстно когда и гдѣ тщательно выбритый. Это самое лицо передъ атакою было строгое, суровое, чужое.

— Ну что, Дмитрій, кажется, пустяки, а? Но ты — молодецъ, двоихъ зарубилъ на моихъ глазахъ...

— Неужели? — искренно удивился Елабужскій.—Ты видѣлъ?.. Хоть убей, не припомнилъ бы, ударилъ ли хоть разъ шашкой... Все это было полно такой бѣшеной стремительностью.

— Но каковы мерзавцы, — продолжалъ полковникъ,

сочно грасируя, у него выходило „мегзавцы“.—Все больше въ спину стрѣляли. У нашихъ—ни одной штыковой раны. Понимаешь, ни одной.. Здорово мы ихъ порубили. Имшинъ и Огліо—тоже молодцы. Оба ранены. Имшину пуля задѣла щеку. У Огліо прострѣлена мякоть плеча. Въ общемъ—великолѣпно!.. Вотъ въ конскомъ составѣ — убыль... Мы имъ устроили такой кавардакъ!.. Двѣсти четырнадцать плѣнныхъ. Изъ нихъ капитанъ и два лейтенанта. Я только-что цукалъ ихъ дурацкаго капитана... — Видите, говорю, какъ обращаемся съ плѣнными. Перевязываемъ, няньчимся, кормимъ. А вы ихъ пристрѣливаете!“ Соглашается. — „Да, это дѣйствительно звѣрство“. А самъ, каналья, навѣрное, то же самое сдѣлалъ бы. Морда у него вахмистрская. Я ему вспомнилъ несчастнаго Дорожинскаго. — «А, говоритъ, знаю! Это „гусаръ смерти“, баронъ Гумбергъ... Это онъ его пристрѣлилъ. Онъ обслуживалъ развѣдкой нашу дивизію. Даже мы его считаемъ мерзавцемъ“. Каково, даже они! Значитъ, хорошъ ананасъ!..

— Погоди! — приподнялся на локтѣ Елабужскій. — Не этотъ ли самый мерзавецъ, бритый, невысокій, отталкивающая рожа такая? Я встрѣтилъ его разъ въ одномъ домѣ зимою... Онъ горячо защищалъ свою теорію необходимости приканчивать плѣнныхъ и раненыхъ?..

— Вотъ кого съ наслажденіемъ вздернулъ бы на первой попавшейся осинѣ,—со злобою въ умныхъ и круглыхъ по-птичьему глазахъ, молвилъ, подходя, Имшинъ. Все лицо его было перевязано и только глаза и носъ, какъ изъ треугольной рамки, смотрѣли на фонѣ бѣлаго бинта.

— Это удовольствіе ты доставишь себѣ вернувшись,—сказалъ полковникъ съ улыбкою въ пышные усы.—А пока я васъ всѣхъ троихъ вмѣстѣ съ Огліо отправлю на автомобилѣ въ тылъ. Прогуляйтесь въ Петроградъ, отдохните, оправьтесь, и, милости просимъ, назадъ ко мнѣ, если я только уцѣлѣю къ тому времени...

— Что же еще говоритъ пузатый капитанъ?

— Говоритъ... Въ восторгѣ отъ нашей атаки. Мы напомнили ему лучшія атаки Зейдлица. Какъ добрый патріотъ, онъ оставилъ въ тѣни Мюрата и вспомнилъ Зейдлица... Предлагаю ему папироску,—мнется... Тутъ я вспылилъ!— «Чортъ побери, что же вы думаете, отравлена, что ли? Это вы отравляете колодцы да кладете въ табакъ взрывчатыя вещества...» Сейчасъ же на попятный, каналья...— „Да, это вѣрно, вы воюете по-рыцарски, насъ же обманывали!“ И пошелъ разводить кавардакъ.

Полковникъ глянулъ на часы въ кожаномъ браслетѣ.

— Подкрѣпитесь, закусите и черезъ часъ въ путь-дорогу!.. Но смотрите въ оба, совѣтую быть на чеку. Я не увѣренъ, свободенъ ли тылъ. Можете наткнуться на ихъ разъѣзды... Я напишу въ Петроградъ письма, — передадите. Отсюда только и можно разсчитывать на „оказію“. Нѣтъ другой почты.

15.

Въ плѣну.

Всѣ трое: Елабужскій, Имшинъ и Огліо, помимо всѣхъ другихъ спортовъ и своего родного, конскаго, увлекались автомобилемъ, и каждый въ Петроградѣ имѣлъ у себя по машинѣ. Но странно было имъ и ново и необычно мчаться на конфискованномъ «бенцѣ» по гладкому и ровному шоссе, пересѣкавшему вылощенную нѣмецкую природу съ аккуратно вырытымн канавками и ровными прямоугольными участками земли, охваченной изгородью изъ колючей проволоки.

У руля сидѣлъ «казенный» шофферъ въ защитной фуражкѣ съ громаднымъ козырькомъ. Рядомъ съ нимъ—Пономаренко, бывшій солдатъ эскадрона, теперь же вѣстовой лакей и денщикъ Елабужскаго, преданный ему человѣкъ,

сдѣлавшій съ нимъ балканскую войну. Плечистый, въ кожаной шведской курткѣ и въ форменной фуражкѣ, съ чисто-хохлацкимъ юморомъ критиковалъ Пономаренко нѣмецкую жизнь и «культуру».

На днѣ автомобиля въ походныхъ мѣшкахъ офицеры везли свои трофеи: прусскія каски, автоматическіе револьверы и осколки снарядовъ, что разрывались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

Имшинъ и Елабужскій—поручики. Огліо—корнетъ. Елабужскій и Огліо—пажи, Имшинъ—правовѣдъ, отбывавшій воинскую повинность въ полку и оставшійся служить офицеромъ. Быстрая ѣзда по такой чудесной погодѣ, сознаніе, что нѣсколько часовъ назадъ былъ у нихъ интересный, лицомъ къ лицу, бой, что раны ихъ настолько легкія, что не причиняютъ страданій, и настолько почетныя, что можно гордиться,—все это вмѣстѣ взятое создавало праздничное настроеніе. И было легко, привольно. Была вѣра въ себя и въ свою молодость. Смуглый, черноглазый, маленькій Огліо, обладавшій красивымъ баритономъ, напѣвалъ какой-то цыганскій романсъ, стараясь перекричать гудѣніе мотора.

— Ты съ ума сошелъ!—ругалъ его Имшинъ.—Вѣтеръ какой!.. Голосъ пропадетъ... .

— А чортъ съ нимъ!.. Развѣ не могли меня убить сегодня?

— Господа, только теперь вспоминаешь нѣкоторыя подробности,—замѣтилъ Елабужскій.—Во время атаки и боя положительно овладѣваетъ какое-то временное помѣшательство... что-то горячечное, безсознательное. Только сейчасъ, напримѣръ, вспомнилъ, какъ рубили на лѣвомъ флангѣ казаки. Одинъ снесъ на карьерѣ башку нѣмцу. И трупъ безъ головы съ винтовкою одно мгновеніе стоялъ на землѣ... И это было ужасно, потому что было непонятно...

Впереди въ полуверстѣ, на шоссе показалось нѣсколько

всадниковъ. Имшинъ, прицѣлившись въ бинокль, процѣдилъ сквозь зубы:

— Разъѣздъ нѣмецкихъ уланъ... благодарю покорно...

Офицеры схватились за револьверы. Велѣно было развить наивысшую скорость. Автомобиль помчался во весь духъ,—только воздухъ свистѣлъ кругомъ, и сливался пейзажъ въ одно неясное мельканіе.

Уланы дѣлали какіе-то знаки, что-то кричали. Но автомобиль несся, какъ бѣшеный. Вотъ уже совсѣмъ близко. Уже видны бѣлобрысыя рожи подъ уланскими рогатыми киверами. Всадники поспѣшно очистили путь. Пока они вынимали изъ чехловъ приторочённые къ сѣдлу карабины, пока дали наконецъ залпъ вдогонку, автомобиль былъ уже далеко.

Обернувшись назадъ своимъ обвязаннымъ лицомъ, Имшинъ погрозилъ пруссакамъ:

— Скоты, болваны!..

— Однако, это плохой знакъ,—молвилъ Елабужскій:—можемъ нарваться на болѣе опасный сюрпризъ. Только бы проскочить благополучно Алленбергъ. А тамъ—двѣнадцать километровъ, и мы уже совсѣмъ у себя дома.

Впереди низала прозрачный воздухъ острымъ шпицемъ своимъ кирка Алленберга. И подъ нею столпился весь этотъ небольшой городокъ.

— Пронэсы, Царыця Нэбэсная! — перекрестился Пономаренко.

— Не можетъ быть, чтобъ мы напоролись на нѣмцевъ... Третьяго-дня только Алленбергъ занятъ былъ нами.

— А «бенцъ» уже мчится по главной улицѣ. Впереди площадь, вся запруженая кавалеріей. И все прусскіе кирасиры. Дѣло дрянь! Здѣсь не пробраться. Гдѣ ужъ протаранить такую толщу!

Шоферъ хочешь-не-хочешь затормозилъ машину. Съ какимъ-то дикимъ, торжествующимъ ревомъ облѣпили ее

конные и пѣшіе кирасиры. И хотя русскіе и не думали о сопротивленіи,—было бы чистѣйшимъ безуміемъ,—чуть ли не два эскадрона ощетинились на нихъ отовсюду въ упоръ изъ своихъ карабиновъ. И, не удовлетворившись этимъ, орали:

— Руки вверхъ!

Десять рукъ повиновались этому сплошному злобному реву.

Громадный ротмистръ съ на аглицкій манеръ подстриженными свѣтлыми усами и съ моноклемъ въ глазу, допрашивалъ плѣнниковъ. И когда плѣнники назвали свой полкъ, имъ овладѣло такое волненіе,—уронилъ на мостовую монокль. Стеклышко не разбилось. Ротмистръ угнѣздилъ его куда слѣдуетъ и радостной скороговоркой подѣлился удачей съ остальными офицерами. Въ отвѣтъ—подобострастное ржаніе. Настроеніе у этихъ штампованныхъ по одному образцу лейтенантовъ и у ротмистра было такое ликующее, побѣдное, словно плѣнники достались имъ цѣною чортъ знаетъ какого безумнаго подвига!

— Мы ихъ пошлемъ кайзеру въ подарокъ!

Нѣмцы поспѣшили немедленно обыскать своихъ плѣнниковъ. Обыскъ производился подъ щетиною наведенныхъ со всѣхъ сторонъ карабиновъ.

— Господинъ ротмистръ, прикажите вашимъ солдатамъ опустить карабины!.. Это дѣйствуетъ на нервы... А главное, это совсѣмъ безполезно и... глупо. Насъ пятеро, васъ— больше двухсотъ,—сказалъ Имшинъ, буравя своими птичьими глазами длинную дылду съ моноклемъ.

— Прошу не читать мнѣ нотацій! Я здѣсь распоряжаюсь! Вы въ моихъ рукахъ—и я могу сдѣлать съ вами все, что мнѣ угодно,—огрызнулся вдругъ побагровѣвшій ротмистръ, брызгая слюною. Однако, велѣлъ своимъ нижнимъ чинамъ опустить карабины.

Бумажники, письма, часы,—все это было отобрано.

Даже обручальное кольцо сняли у Елабужскаго съ пальца. Такой же участи подвергся перстень съ брильянтомъ, грубо сорванный у Огліо. Горячій корнетъ бранился по-русски на чемъ свѣтъ стоитъ, а его черные глаза сверкали бѣшенствомъ затравленнаго тигренка.

Но этимъ не кончилось. Ротмистръ не вѣрилъ, или притворялся невѣрящимъ, что русскіе офицеры съ забинтованными лицами и головами—дѣйствительно ранены.

— А, можетъ-быть, это умышленно?

— Сами себя ранили,—язвительно перебилъ Имшинъ.

— Когда я говорю,—остальные должны молчать! Я хочу сказать, что, можетъ быть, вы нарочно перевязались — и обращаясь къ ближайшимъ солдатамъ:—сорвите повязки!..

Но этотъ варварскій приказъ встрѣтилъ такой ожесточенный протестъ, что уже потянувшіеся къ головамъ и лицамъ плѣнниковъ руки, нерѣшительно остановились. Сдерживаясь, Елабужскій обратился къ ротмистру:

— Вы можете разстрѣлять насъ, это практикуется въ вашей арміи. Но къ чему же эти издѣвательства? Надо быть дуракомъ, или сумасшедшимъ, чтобы во время войны заниматься подобными маскарадами...

— Сорвать повязки!—стоялъ на своемъ съ тупымъ, глумливымъ упрямствомъ длинный кирасиръ.

— Господа, подчинимся,—пробормоталъ сквозь стиснутые зубы Имшинъ.—Это провокація. Малѣйшее сопротивленіе—и насъ изрубятъ. Имъ только этого и надо.

Повязки сорваны. Корнету пришлось разстегнуть рубаху, подъ которой у него было забинтовано плечо. Ротмистръ убѣдился въ томъ, въ чемъ и не сомнѣвался,—что офицеры дѣйствительно ранены. И кое-какъ, съ помощью шоффера и Пономаренки, неистово бранившагося похохлацки, перевязки вновь были сдѣланы.

— При какихъ условіяхъ вы были ранены?—полюбопытствовалъ ротмистръ.

— Въ конномъ строю атаковали вашу пѣхоту, часть изрубили, часть убѣжала, а больше двухсотъ человѣкъ взято въ плѣнъ.

— Этого не можетъ быть! Наша пѣхота—непобѣдима... Объявляю васъ военноплѣнными. Запереть ихъ и поставить караулъ!

— Господинъ ротмистръ,—обратился Имшинъ.—Бумажники наши съ деньгами будутъ, надѣюсь, возвращены по принадлежности?

— Потомъ, потомъ! Сейчасъ прошу не утруждать меня излишними вопросами... Намъ не до такихъ «мелочей»...

Пятеро плѣнниковъ были отведены подъ конвоемъ и, за неимѣніемъ другого подходящаго мѣста, заперты въ кирку. Здѣсь, въ этомъ неоготическомъ храмѣ, съ холоднымъ каменнымъ поломъ, острыми сводами и стрѣльчатыми окнами, куда косыми лучами проникалъ свѣтъ, были еще плѣнники. Нѣсколько солдатъ и военный врачъ, еврей съ блѣднымъ, нервнымъ лицомъ. Онъ былъ раненъ въ руку выше локтя. Прусская кавалерія, бѣгущая отъ непріятельской конницы, храбро атакуетъ санитарные пункты. Въ одной изъ такихъ доблестныхъ атакъ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и очутился въ киркѣ военный врачъ.

— Вы не можете себѣ представить, господа,—жаловался онъ прибывшимъ офицерамъ—до чего доходитъ ихъ озвѣрѣніе!.. Нашъ Красный Крестъ является для нихъ не предупрежденіемъ, а желанной мишенью. Они видѣли, что я—военный врачъ, видѣли мою повязку, видѣли, какъ я возился у носилокъ съ нашими ранеными... Все видѣли... Что же они дѣлаютъ?—Офицеръ почти въ упоръ выстрѣлилъ и попалъ мнѣ въ руку. И, слава Богу, что не раздробилъ кость. А то я не могъ бы работать... И въ довершеніе всего, меня взяли въ плѣнъ. Это же ни на что не похоже! Это не война, это разбой! Это бандитизмъ на большой дорогѣ. Но въ какомъ вы, господа, видѣ? Что это за

перевязки?.. Онѣ ежеминутно могутъ сползать, и вѣдь это же грозитъ осложненіемъ...

И военный врачъ, истомившись своимъ двухдневнымъ плѣномъ въ этой киркѣ, обреченный на бездѣйствіе, съ увлеченіемъ занялся тремя молодыми офицерами, и въ полчаса раны были искусно забинтованы.

— Вы говорите, онъ велѣлъ сорвать повязки? Варварство! Могло быть и зараженіе крови и воспалительный процессъ. Этотъ длинный, съ моноклемъ? Охъ, знаете, онъ у меня вотъ гдѣ, въ печенкахъ, сидитъ... Золотые часы взяли... И, главное, какой мотивъ? „Вы, говоритъ, можете острой крышкой перерѣзать себѣ горло“. Взяли бумажникъ. Тамъ было около двухсотъ рублей... Но я полагаю, господа, что при всемъ желаніи перерѣзать себѣ горло бумажникомъ немыслимо?

Офицеры не могли удержаться отъ улыбки.

— Наша съ вами участь, докторъ, одинакова. Насъ тоже обобрали дочиста...

Плѣнниковъ стерегъ чуть ли не взводъ кирасировъ. Солдаты, гремя своими длинными палашами по каменнымъ плитамъ, звеня шпорами, прохаживались взадъ и впередъ, отравляя воздухъ дешевыми вонючими сигарами и поминутно сплевывая.

И дикимъ, непонятнымъ казалось такое неуваженіе къ храму.

Елабужскій, Имшинъ и Огліо, усталые, измученные и потрясеніемъ всей такой бурной половины дня и физической болью, отойдя въ сторонку, улеглись рядомъ на своихъ шинеляхъ.

— Что-то дальше будетъ?—подумалъ вслухъ пріунывшій Огліо.

— А я тебѣ скажу, что будетъ!—подхватилъ Имшинъ.—Повезутъ насъ, какъ дикихъ звѣрей, напоказъ въ Берлинъ и будутъ водить по улицамъ на развлеченіе грубой толпы.

И будутъ насъ тыкать зонтиками разныя фрау и фрейлейнъ... А потомъ сошлютъ въ какую-нибудь дыру, гдѣ мы будемъ валяться на гнилой соломѣ. И будутъ насъ кормить какой-нибудь тошнотворной бурдой и фантастическими телеграммами о германскихъ побѣдахъ. И что ни день, то новый сюрпризъ,—то «взятіе» Варшавы, то «взятіе» Парижа, Лондона, Петрограда, Москвы и такъ далѣе...

— Замолчи, ради Бога! Одинъ изводъ!—стиснувъ страдальчески зубы, умолялъ корнетъ.

— Другъ мой... Зачѣмъ баюкать себя розовыми иллюзіями? Если хочешь, я даже нарисовалъ тебѣ картину довольно оптимистически. Въ дѣйствительности можетъ выйти гораздо хуже...

— Пить мнѣ здорово хочется,—прошепталъ горячими, сухими губами Елабужскій.

— А вотъ мы сейчасъ попросимъ...

— Принесите намъ воды!—обратился по-нѣмецки Имшинъ къ стражѣ.

— Das ist verboten!—ухмыляясь, отвѣтили кирасиры въ одинъ голосъ.

— Часъ отъ часу не легче! Куда мы попали, въ инквизиціонный застѣнокъ?..

— Хуже! Тамъ хоть стараются выпытать что-нибудь. А здѣсь—жестокость безъ цѣли и смысла.

— У меня второй день капли во рту не было!—отозвался черезъ всю кирку военный врачъ.

И тамъ, гдѣ онъ сидѣлъ, прислонясь, неподвижными сѣрыми кулями, въ повалку, пластомъ лежали русскіе солдаты, въ конецъ обезсиленные голодомъ и жаждой.

Надвинулся вечеръ. Исчезли косые лучи, и подъ сводами сгущался сумракъ. Часовые ушли, смѣненные другими. Тоже кирасиры въ каскахъ и съ длинными палашами, но что-то новое... Что-то болѣе симпатичное, человѣческое и въ чертахъ, и во взглядѣ, и въ фигурахъ, не такихъ тя-

желов̀сныхъ и неуклюжихъ. И когда солдаты заговорили между собою, стало понятнымъ, отчего они другіе, чѣмъ тѣ. Рѣчь была польская. Поляки!..

Доброжелательно, съ какой-то придавленной боязнью, маскируя свое сочувствіе, отнеслись они къ плѣннымъ. Появилась вода, принесенная украдкою въ аллюминіевыхъ манеркахъ. И всѣ жадно пили. Офицеры, военный врачъ, шоферъ, Пономаренко, солдаты, лежавшіе пластомъ—всѣ!..

— Але, на милость Бога!.. Проше ницъ не мувить пану ритмейстру!—просили поляки.

Огліо, владѣвшій ихъ языкомъ, поспѣшилъ успокоить солдатъ. Освоившись, они стали откровеннѣе. И съ опасливою оглядкою на дверь, куда ежеминутно могъ войти повѣряющій караулы офицеръ, они говорили шепотомъ:

— Мы, поляки, не хотимъ воевать противъ русскихъ. Въ вашей арміи четыреста тысячъ нашихъ братьевъ по крови и вѣрѣ... И нѣмцы это знаютъ... Они насъ гонятъ впередъ на убой, щадя драгоцѣнную жизнь своихъ швабовъ... Намъ не вѣрятъ... Вы увидите, къ ночи будетъ поставленъ сюда вмѣсто насъ караулъ изъ нѣмцевъ.

И дѣйствительно, въ десятомъ часу вошли новые часовые. Они грубо и нагло хохотали, налитые пивомъ, прокуренные сигарами. Плевали на полъ, бросали окурки, глумились надъ плѣнными. Словомъ,—это были пруссаки...

Къ ночи у Елабужскаго сдѣлался жаръ. Докторъ не могъ ему помочь при всемъ желаніи. Необходимъ ледъ или, по крайней мѣрѣ, холодные компрессы. Но гдѣ ужъ думать о холодныхъ компрессахъ, когда ихъ всѣхъ напоили водою чуть ли не подъ страхомъ смертной казни!.. Голова Елабужскаго пылала. Ему чудилось, что она растетъ, пухнетъ до какихъ-то чудовищныхъ размѣровъ, и скоро ей тѣсно будетъ въ этой киркѣ. И пока видитъ воспаленный глазъ, громадный пламень зелеными, красными, синими и оранжевыми волнами поднимался вверхъ чуть ли

не къ небесамъ и катился дальше безъ конца-краю бунтующимъ заревомъ. И на этихъ волнахъ все время качало Елабужскаго... То взмоетъ его вверхъ, то до ужаса, до замиранія, броситъ внизъ, на дно зіяющей раскаленной бездны... И сухо во рту и въ груди, и нельзя кричать, и тысячи, милліоны огненныхъ рукъ тянутся къ нему отовсюду... Все время стоитъ какой-то шумъ, напоминающій прибой, а огненныя волны, синія, оранжевыя, красныя, все выше и глубже, стихійнѣй. И вмѣстѣ съ ними растетъ и пухнетъ голова. Уже раздвинулись, какъ бумажныя, стѣны кирки, и голова обратилась въ какую-то сказочную гору... Наклоняется надъ нимъ прекрасное блѣдное лицо, искаженное страхомъ. Оно чужое и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно близкое, родное, знакомое... И хочется, безумно хочется крикнуть:

— Анита!!

Но не вылетаетъ звукъ изъ груди, нѣмѣютъ сухія губы... Прекрасное лицо исчезло, и мчатся какіе-то исполинскіе безголовые всадники...

16.

Княгиня Елабужская.

Самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ — комендантъ узловой станціи. Вотъ ужъ, дѣйствительно, ни минуты покоя и отдыха! И если бъ сутки имѣли сорокъ восемь часовъ,—онъ всѣ эти сорокъ восемь часовъ долженъ былъ бы проводить между перрономъ и своей дежурной комнатой, гдѣ-то въ хвостѣ длиннаго вытянувшагося вокзала.

Поневолѣ станешь зеленымъ, и подъ красными безсонными глазами набухнутъ мѣшки. Рвутъ человѣка на части. Что-то докладываетъ жандармскій вахмистръ. Какой-то офицеръ въ солдатской шинели, бархатнымъ рокочущимъ баритономъ требуетъ отдѣльное купэ до Петрограда для раненыхъ товарищей. И сейчасъ же облѣпило коменданта

нѣсколько штабныхъ офицеровъ, наблюдающихъ за нагрузкою эшелона. Не хватаетъ вагона для лошадей. Подходятъ военные корреспонденты съ просьбою разрѣшить имъ ѣхать въ дѣйствующую армію, пусть даже въ товарномъ вагонѣ,— только бы ихъ не вернули обратно. Какія-то старушки лѣзутъ съ вопросами, совсѣмъ ужъ несуразными, — гдѣ и на какихъ позиціяхъ могутъ находиться въ данное время ихъ сыновья?..

Сначала подполковникъ говорилъ человѣческимъ голосомъ. Но потомъ, когда его вымотали и онъ самъ вымотался, бѣгая отъ поѣзда къ поѣзду и отъ одного запаснаго пути къ другому,—онъ уже кричалъ:

— Оставьте меня!.. Я не обязанъ все знать, чортъ побери! Я—не энциклопедическій словарь!..

Въ этотъ дождливый, по-осеннему холодный вечеръ, когда въ мокромъ асфальтѣ перрона, какъ въ черномъ зеркалѣ, отражались огни фонарей, подполковникъ въ красной фуражкѣ хотѣлъ излить этотъ же самый каскадъ наболѣвшихъ словъ по адресу желавшей его о чемъ-то спросить дамы. Но, увидѣвъ, что передъ нимъ молодая, красивая женщина, скромно одѣтая съ дорогой изысканной простотою, онъ ограничился лишь однимъ, правда, нелюбезнымъ вопросомъ:

— Что вамъ угодно, сударыня?

Дама спросила его:

— Вы говорите по-французски?

— Нѣтъ, сударыня. Бонжуръ и мерси—весь мой лексиконъ!..

Она заговорила по-русски съ какой-то чарующей неувѣренностью и въ голосѣ и въ акцентѣ:

— Мнѣ надо проѣхать въ О. Тамъ находится штабъ такого-то гвардейскаго полка.

— Сударыня, это военная тайна... И наконецъ—это меня не касается.

— Но я жена офицера...

Жена гвардейскаго офицера, — это нѣсколько мѣняетъ дѣло. Комендантъ смягчился.

— Позвольте узнать фамилію вашего супруга?

— Князь Елабужскій.

— Весьма пріятно, княгиня. Но чѣмъ же я могу быть полезенъ?

— Будьте добры снабдить меня пропускомъ.

— Но вамъ вѣдь извѣстно, княгиня, что О.—уже дѣйствующая армія, частнымъ лицамъ проѣздъ туда воспрещенъ, и билеты не продаются?

— Вотъ именно потому я и обратилась къ вамъ относительно пропуска...

— Я лично здѣсь безсиленъ помочь... Умываю руки. Не могу. Никакъ не могу!.. Виноватъ, княгиня... Вамъ что? — накинулся комендантъ на высокаго сѣдобородаго еврея. — Оставьте вы меня, ради Бога, въ покоѣ! Что я, кондукторъ, что ли? Почемъ я знаю, обратитесь къ кондуктору!

Спровадивъ еврея, интересовавшагося, когда идетъ поѣздъ на Раздеришки, комендантъ повернулся опять къ молодой, красивой дамѣ. Ея нѣжное лицо, съ крупными южными и вмѣстѣ удивительно мягкими чертами, выражало печаль и растерянность.

— Что же мнѣ дѣлать? Я непремѣнно должна быть въ О.

Комендантъ сжалился.

— Я помогу вамъ, княгиня, хотя это вовсе не входитъ въ мои обязанности. Единственный выходъ — слѣдующій: черезъ часъ идетъ отсюда въ О. поѣздъ съ эшелономъ. Тоже гвардейскій полкъ и тоже кавалерійскій... Одной дивизіи, кажется, съ тѣмъ, въ которомъ служитъ вашъ супругъ. Найдите одного изъ офицеровъ и, если онъ согласится васъ взять вмѣстѣ съ эшелономъ, — вы доберетесь

въ О. Это все, что я могу посовѣтовать. А засимъ—извиняюсь... Имѣю честь кланяться...

И, козырнувъ, подполковникъ умчался куда-то на своихъ коротенькихъ ножкахъ, оставивъ княгиню одну, подъ мелкимъ, словно пыль водяная, дождемъ.

Исторія двадцатишестилѣтней княгини Елабужской заслуживаетъ вниманія своей необычностью. Первые годы ранняго дѣтства ея, этой граціозной дѣвочки, прошли въ Фіумэ. Отецъ ея былъ австрійскій офицеръ, мать—румынка. Мать убѣжала съ купавшимся въ Аббаціи англичаниномъ. Капитанъ Гафани запилъ съ горя и ушелъ изъ полка, вѣрнѣе, его заставили уйти. Анита росла по волѣ Божіей, предоставленная самой себѣ, какъ полевой цвѣтокъ. Отецъ, окончательно опустившись, продалъ за двѣсти кронъ семилѣтнюю дочь въ труппу бродячаго цирка. Обратившій вниманіе на гибкую, изящную фигурку Аниты, балетмейстеръ воспиталъ изъ нея танцовщицу, и при свѣтѣ бенгальскихъ огней,—тогда это было въ модѣ, — маленькая Анита въ газовомъ тюникѣ и съ обнаженными худенькими ручками выдѣлывала на покрытой затасканнымъ ковромъ аренѣ классическія па и пируэты. Время бѣжало. Бродячій циркъ изъ конца въ конецъ колесилъ по Венгріи, Адріатикѣ и сѣверной Италіи. Анита мало-по-малу превратилась въ дѣвушку исключительно яркой красоты, сочетавшей въ себѣ итальянскую породу отца съ восточной нѣгою и мягкостью, унаслѣдованной отъ матери. Въ Будапештѣ влюбился въ Аниту молодой графъ Чакки. Давъ директору цирка довольно кругленькій выкупъ, онъ увезъ танцовщицу въ Парижъ. Тамъ онъ ее бросилъ. Анита плясала въ парижскихъ варіетэ и шантанахъ, и у нея было много брильянтовъ.

Владѣлецъ кинематографической фабрики Годбергъ увлекшись внѣшностью Аниты, пригласилъ ее въ свою труппу. Талантъ, пластическій и мимическій, помогъ ей сдѣлаться хорошей артисткой. И вскорѣ замелькала она

по всему свѣту на экранахъ, во всевозможныхъ драмахъ, эффектная своей красотой, своей игрою и туалетами, которые умѣла носить. Въ труппѣ Годберга подвизался въ роляхъ «мерзавцевъ» нѣкій баронъ Вехтеръ фонъ-Вехтерштейнъ. Онъ и въ жизни былъ отъявленнымъ мерзавцемъ, этотъ проходимецъ, авантюристъ и австрійскій шпіонъ. Вехтеръ былъ противенъ Анитѣ. Она смотрѣла на него, какъ на гадину. И въ то же время, — бываютъ же такія странности! — она, сама не зная, какъ это случилось, стала любовницей бритаго человѣка съ бабьимъ лицомъ. Связь тяготила ее. Анита презирала себя, но до поры до времени Вехтеръ, цѣною какихъ-то темныхъ угрозъ, держалъ ее въ рукахъ...

Вспыхнула на Балканахъ война. Годбергъ отправился въ Болгарію съ частью своей труппы, чтобъ на мѣстѣ разыграть нѣсколько батальныхъ драмъ. По дорогѣ, на дунайскомъ пароходѣ, Анита познакомилась съ корнетомъ княземъ Елабужскимъ, который ѣхалъ на войну добровольцемъ. Въ Мустафа-пашѣ молодые люди встрѣтились вновь, и случайное знакомство ихъ перешло съ обѣихъ сторонъ въ красивое, поэтическое чувство. Эта любовь подъ южнымъ небомъ, на фонѣ турецкихъ кипарисовъ и живописной природы, окрѣпла и стала глубже, сильнѣе. Они ѣздили верхомъ въ горы, и въ сіяніи солнца, подъ грохотъ отдаленной бомбардировки Адріанополя, тихо прозвучалъ въ первомъ объятіи поцѣлуй, связавшій Аниту и молодого русскаго офицера на всю жизнь. Благосклонная къ Анитѣ судьба убрала навсегда съ ея пути Вехтера. Уличенный болгарами въ шпіонствѣ, — онъ и здѣсь не оставилъ своего презрѣннаго ремесла, — Вехтеръ былъ повѣшенъ. И вмѣстѣ съ гибелью этого человѣка началась для Аниты новая жизнь, свѣтлая, чистая и прекрасная... Оставшееся позади чудилось дурнымъ и кошмарнымъ, сгинувшимъ сномъ...

Елабужскій получилъ въ своемъ первомъ боевомъ крещеніи неопасную рану въ плечо. Анита ухаживала за нимъ, и, когда онъ поправился, они уѣхали вдвоемъ въ Черногорію. Анита, несмотря на всѣ мольбы дирекціи, ушла изъ кинематографической труппы.

Елабужскій нѣсколько мѣсяцевъ провелъ на позиціяхъ вмѣстѣ съ черногорской арміей у Скутари. Урывками навѣдывался въ Цетинье, гдѣ жила этими встрѣчами и ради этихъ встрѣчъ Анита. Въ письмахъ къ матери Елабужскій сообщалъ о томъ, что они — женихъ и невѣста, просилъ благословенія. Отношенія между сыномъ и матерью были дружескія. Дмитрій никогда ничего не скрывалъ отъ княгини, потому что нечего было скрывать. Онъ росъ и въ дѣтствѣ, дома, и потомъ въ корпусѣ совсѣмъ не такъ, какъ другіе юноши его круга. Да и мать, свѣтская женщина и по рожденію и по титулу покойнаго мужа, далека была отъ внѣшней суетной жизни того общества, которое считало ее своею. Вотъ почему она говорила:

— Если Дима полюбитъ, я ничего не имѣю противъ женитьбы на скромной, простой дѣвушкѣ, лишь бы они были счастливы.

Но, узнавъ, что сынъ хочетъ жениться на артисткѣ и,—это угадывалось между строкъ, — „женщинѣ съ прошлымъ“, княгиня забезпокоилась. Сцена, подмостки, рампа не внушали особеннаго довѣрія Елабужской. Она высказала свои сомнѣнія сыну. Онъ ей отвѣтилъ:

Мама, я увѣренъ—съ перваго же взгляда ты полюбишь Аниту.

Онъ не ошибся. Анита очаровала княгиню и своей красотой, и сдержанной мягкостью манеръ, и такой же благородной мягкостью души. А, главное, тѣмъ, что она дѣйствительно полюбила ея сына, равнодушная къ его титулу и богатству.

Молодые супруги почти годъ прожили за границей.

Дмитрій вышелъ изъ полка, зная, что все равно пришлось бы его оставить, разъ онъ женился на артисткѣ. Они вернулись въ Петербургъ осенью, за мѣсяцъ передъ «вечеромъ» у баронессы Махлейтъ. Весь полкъ встрѣтилъ задушевно и тепло своего товарища. И всѣмъ хотѣлось, чтобъ Елабужскій вновь надѣлъ блестящій мундиръ. Чутко, съ большимъ дипломатическимъ тактомъ, дали ему понять, что его неравный бракъ не представляетъ собою рѣшительно никакой помѣхи. И дѣйствительно, Елабужскому не пришлось каяться. И мало-по-малу бракъ его признанъ былъ оффиціальнымъ. Не всѣ, правда,—болѣе чопорныя и надменныя фыркали,—но нѣкоторыя полковыя дамы запросто бывали съ мужьями у Дмитрія и Аниты. Своимъ изяществомъ, тактомъ и умѣньемъ одѣваться она покорила ѳтихъ болѣе снисходительныхъ дамъ, и на упреки дамъ менѣе снисходительныхъ, онѣ отвѣчали съ улыбкой:

— Но, право, она такъ мила... эта Елабужская...

Княгиня-мать не жила въ Петербургѣ. У этой до сихъ поръ здоровой, далеко нестарой еще женщины доктора нашли что-то легочное. И ее услали на годъ въ Алжиръ.

Такъ шли дни за днями. Вспыхнула война. Двинулась мобилизованная гвардія. Елабужскій успѣлъ побывать въ развѣдкахъ, успѣлъ обрушиться конной атакой на прусскую пѣхоту и, наконецъ, успѣлъ очутиться въ плѣну. И все это на протяженіи лишь нѣсколькихъ дней.

Анита, разставаясь, уже знала, что ей не вынести долгой, полной томленія, разлуки. Но, вернувшись съ вокзала въ ихъ уютную квартиру у Таврическаго сада, она всѣмъ существомъ своимъ поняла, что здѣсь ей не высидѣть спокойно... Черезъ недѣлю, взявъ съ собой горничную, Анита уже очутилась на большой узловой станціи, гдѣ во всемъ, въ нервномъ движеніи, въ безконечныхъ вереницахъ воинскихъ и санитарныхъ поѣздовъ, въ самомъ воздухѣ, чувствовался тылъ дѣйствующей арміи.

Съ отражавшей огни большихъ оконъ вокзала платформы, Елабужская мимо книжнаго кіоска, сквозь густую спѣшащую толпу офицеровъ, санитаровъ, сестеръ и военныхъ врачей въ походной формѣ, — прошла въ буфетъ. И здѣсь было шумно и людно. Сидѣли съ подвязанными руками легко раненые. На краю длиннаго стола примостилась горничная Аниты, опрятная, вся въ черномъ, бѣлоглазая и бѣловолосая финка. Возлѣ нея на стулѣ — два элегантныхъ, желтой кожи несессера.

— Сто, княгиня, насли поѣздъ?..

— Потребуйте, Луиза, чаю мнѣ и себѣ,—услышала въ отвѣтъ горничная, сообразивъ, что княгиню постигла неудача.

Анита мѣшала горячій, жиденькій чай. Мимо проходилъ молодой, приземистый лейбъ-гусаръ, съ голубыми глазами, штабъ-ротмистръ Барсуковъ. Анита узнала его. Онъ былъ какъ-то у Елабужскихъ съ визитомъ и весною обѣдалъ у нихъ. Онъ успѣлъ отпустить небольшую бородку. Удивленный встрѣчею, гусаръ подошелъ къ Анитѣ, снялъ фуражку, склонился къ ея рукѣ и спросилъ по-французски:

— Вы здѣсь какими судьбами, княгиня?

— Ищу мужа,—улыбнулась она сквозь облако печали.

— Задача нелегкая. Штабъ ихъ полка въ О. Но эскадронъ Дмитрія далеко впереди. Мы только-что получили телеграмму. Они имѣли чудесную атаку. Смяли и побили нѣмецкую пѣхоту.

— А Дмитрій?—съ тревогой спросила Анита.

— Намъ ничего неизвѣстно, хотя я увѣренъ, что Дмитрій преблагополучно живъ и здоровъ.

— Вы увѣрены?.. Если бъ это было такъ! А вы скоро отправляетесь?

— Я веду эшелонъ въ О.

— Въ О.? Возьмите меня съ собою! — такъ и засіяла вся надеждой Анита.

— Съ удовольствіемъ, княгиня. Но—предупреждаю. Не взыщите. Удобствъ никакихъ. Поѣздъ идетъ съ черепашьей медленностью. Остановки на разъѣздахъ и станціяхъ—душу выматывающія! Все, что я могу предоставить вамъ—это купэ въ грязномъ и старомъ вагонѣ второго класса. И кромѣ васъ будетъ еще одна пассажирка,—сестра милосердія. Если это васъ устраиваетъ, я къ вашимъ услугамъ...

— Что вы, что вы!.. Я такъ вамъ безконечно признательна. Я съ удовольствіемъ готова ѣхать въ товарномъ вагонѣ, только бы добраться...

— Но вѣдь васъ ждетъ разочарованье. Вы не увидите Дмитрія. И никто вамъ не скажетъ, гдѣ и когда вы его увидите. И можетъ ли это произойти болѣе, или менѣе скоро? Въ пѣхотѣ это легче, но въ кавалеріи—она всегда впереди.

Глядя на Аниту, Барсуковъ убѣдился, что всякіе доводы безполезны. Какія тутъ разсужденія, если ей хочется быть ближе къ нему.

17.

Встрѣча.

Попасть въ отходящій съ эшелономъ поѣздъ—не такъ легко, даже имѣя разрѣшеніе. Стоялъ онъ гдѣ-то на пятомъ пути. Цѣлый запутанный городъ изъ маленькихъ деревянныхъ домовъ на чугунныхъ колесахъ. И надо было кругомъ обогнуть вытянувшійся безконечной лентою пассажирскій поѣздъ, пройти черезъ вагоны другого пассажирскаго и, только миновавъ еще два перегруженныхъ людьми воинскихъ, можно было попасть къ тому эшелону, съ которымъ, благодаря любезности Барсукова, имѣла возможность ѣхать въ О. княгиня Елабужская. Луиза шла впереди съ двумя несессерами.

Поѣздъ, набитый лошадинымъ и человѣческимъ гру-

зомъ, простоявшій нѣсколько часовъ, готовился въ путь. Глухо постукивали копыта. Изъ вагоновъ съ отодвинутымъ засовомъ слышалось, по-ночному особенное пофыркиванье, и лошади мѣрно, спокойно, жевали съ похрустывающимъ, сухимъ перетираніемъ. Изъ мрака другихъ вагоновъ несся характерный солдатскій говоръ. Спѣшили къ поѣзду гусары съ чайниками. Сипло кричалъ на кого-то вахмистръ. Типичный гвардейскій вахмистръ съ краснымъ лицомъ и раскормленнымъ тѣломъ.

Съ гудящимъ стономъ рванулся паровозъ. Но не подъ силу ему сразу «взять» съ мѣста... И всѣ вагоны качнулись назадъ, толкая другъ друга. Еще усиліе, новые толчки, и надорвавшійся въ своемъ напряженіи паровозъ сдвинулся, наконецъ, и тихо поплелись за нимъ десятки вагоновъ.

Барсуковъ не сгустилъ красокъ. Единственный прицѣпленный вагонъ второго класса оказался маленькимъ, старымъ и грязнымъ. И въ немъ—одно небольшое купэ, предоставленное княгинѣ Елабужской и сестрѣ милосердія. Озарялось оно скупо и слабо свѣчою, вставленной въ фонарь у потолка, надъ самой дверью. Луизѣ отведено было мѣсто въ общемъ отдѣленіи. Елабужская, войдя въ купэ, застала уже сестру милосердія. По заграничной привычкѣ,— у насъ этого не водится, — Анита поздоровалась съ ней. Сестра отвѣтила на привѣтствіе, и первое, что бросилось Анитѣ,—большіе, черные, тоскующіе глаза. Они казались ей еще темнѣе и больше, оттѣняемые бѣлымъ платкомъ. Обѣ молодыя женщины, и сестра и Анита, были красивы, каждая въ своемъ родѣ, хотя и та и другая — брюнетки. Анита выше и тоньше, и больше какой-то мягкой плавности во всей фигурѣ. И какая-то неуловимая мягкость въ чертахъ лица и во взглядѣ. У сестры же лицо правильнѣе и черты его мельче. Взглядъ острѣе, тверже. Почемъ знать, быть-можетъ, какое-то далеко схороненное горе дѣлаетъ его колючимъ?..

Поѣздъ бѣжалъ, какъ могъ и умѣлъ. За окномъ уходила вдаль мутная, заплаканная равнина, и въ дождливой мглѣ вспыхивали, словно рѣзвясь и шаля, искры.

Сестра заинтересовала Елабужскую сумрачной красотою своей. И еще явилось у Аниты какое-то бережное вниманіе къ той, которая обрекла себя на подвигъ.

Анита спросила съ участіемъ:

— Вы ѣдете въ О.?

— Да. На нѣсколько дней. А оттуда пошлютъ меня вѣроятно, въ одинъ изъ варшавскихъ госпиталей. Но я не хотѣла бы... Работа въ госпиталяхъ относительно легкая. Я желала бы попасть въ одинъ изъ летучихъ санитарныхъ отрядовъ и работать на позиціяхъ. Тамъ больше принесешь пользы, и туда не съ такой охотою идутъ. Простите, madame, мое любопытство?.. Но, судя по произношенію, вы, вѣроятно, иностранка?

— Вы угадали, мой отецъ—итальянецъ. Но я замужемъ за русскимъ и вотъ въ два года кое-какъ научилась.. И даже читаю...—улыбнулась какой-то милой, застѣнчивой улыбкой Анита.

Сестра вглядывалась въ нее, пытаясь вспомнить, гдѣ она видѣла и это лицо и эту фигуру съ покатыми плечами?.. Она сказала:

— Мнѣ удивительно знакома ваша внѣшность... И какъ-то странно знакома. Словно я видѣла гдѣ-то много и часто, но не васъ, а ваше изображеніе.

— Давно?—спросила Анита, и въ лицѣ и въ глазахъ ея было какое-то ожиданіе, словно готовилась услышать то, чѣмъ ее нисколько не удивить.

— Года три-четыре назадъ... И, — это уже совсѣмъ покажется дикимъ... но, чѣмъ больше я всматриваюсь въ васъ, тѣмъ больше мнѣ кажется, что я видѣла васъ въ кинематографѣ. И не въ одной какой-нибудь пьесѣ, а во многихъ.

— Вы не ошиблись. Я дѣйствительно играла для кинематографа. Было около тридцати драмъ съ моимъ участіемъ.

— Ну вотъ... Какъ я угадала! И теперь я окончательно вспоминаю: вы—Анита Гафани? Не такъ ли?

— Я играла подъ этой фамиліей.

— Боже, до чего это странно!—воскликнула женщина въ бѣломъ платкѣ и съ повязкою Краснаго Креста на рукавѣ. Дѣйствительно, сколько разъ я и сама да и многіе любовались вашей игрой и вашими туалетами... Всѣмъ намъ казалось, что эта дивная,—я не хочу вамъ сказать комплимента,—дивная Гафани гдѣ-то далеко, такая недосягаемая... И вотъ вдругъ,—встрѣча! И гдѣ же? Въ воинскомъ поѣздѣ, въ этомъ купэ съ этою свѣчкою... Боже, какіе сюрпризы подноситъ жизнь!

— Она вся—сплошной рядъ самыхъ неожиданныхъ сюрпризовъ,—мечтательно согласилась Анита.

Спутница смотрѣла на нее. Потомъ спросила:

— Вѣроятно, вашъ супругъ на войнѣ? Онъ въ какомъ полку?

Анита назвала полкъ.

— Я слышала, онъ былъ въ нѣсколькихъ бояхъ. Блестящій полкъ! Извините мою нескромность. Ваша фамилія?.. Можетъ-быть, я слышала...

Анита сказала.

— Ахъ, князь Елабужскій! Какъ же, помню... Я видѣла его на вечерѣ у баронессы Махлейтъ...

— А вы знакомы съ баронессой?

— Была знакома,—съ удареніемъ вырвалось у сестры. И вмѣстѣ съ мерцающимъ сумракомъ по ея лицу пробѣжали тѣни...

Анита глядѣла на нее съ любопытствомъ. Кто она, эта женщина, съ такимъ жутко-красивымъ лицомъ, и что общаго у нея съ баронессой Махлейтъ?

Сестра поняла мысль Аниты и молчала, быть-можетъ сѣтуя на себя за излишнюю откровенность.

— Баронесса — вамъ близкій человѣкъ? Вы хороши съ нею?

— Ничуть!—встрепенулась Ливинская.—Ничуть! Я бывала у нея... Но...

— Въ такомъ случаѣ, разъ она далека вамъ или безразлична... О баронессѣ Махлейтъ передъ войною былъ вполнѣ опредѣленный слухъ, что она—германская шпіонка, и ея быстрое загадочное исчезновеніе лишь укрѣпило всѣ эти подозрѣнія.

— Я увѣрена, что это именно такъ!

— Мой мужъ былъ у нея одинъ единственный разъ въ тотъ вечеръ, когда вы его видѣли. И послѣ—больше ни ногой. Ему не понравилась атмосфера этого дома и нѣкоторые знакомые баронессы... Хотя у нея были крупныя связи и въ обществѣ, и въ дипломатическомъ мірѣ, но эти послѣднія, дипломатическія, онѣ-то и скомпрометировали ее въ концѣ концовъ. Слишкомъ подозрительна была ея дружба съ графомъ Остерръ-Роддэ.

— Ахъ, этотъ, съ потѣшной головой дегенерата!—не могла удержаться отъ улыбки сестра милосердія.

— Вы правы. Черепа такой уродливой формы я никогда не встрѣчала. И—какая удивительная гармонія, гармонія безобразія формы и духа! Подъ этимъ уродливымъ черепомъ назрѣвали всегда не менѣе уродливыя интриги и планы... До какихъ только гнусностей не доходятъ въ своихъ ухищреніяхъ нѣмецкіе и австрійскіе дипломаты! Если вамъ не скучно, я могу разсказать вамъ исторію графини Пекано, жертвы этихъ бандитовъ-дипломатовъ, совращенной ими въ шпіонажъ. Удивительная исторія! И я и мужъ были невольными свидѣтелями всей драмы. Но что съ вами? Вамъ худо, не по себѣ?—съ тревогою спросила Анита, замѣтивъ какое-то странное волненіе сестры милосердія.

— Нѣтъ, ничего, княгиня... пустяки... я превосходно себя чувствую. Развѣ только вотъ дорога утомила... Я слушаю... Это все такъ интересно!..

— Интересно, до чего способно хорошее, сильное чувство облагородить душу женщины, если она полюбитъ. Такъ и графиня Пекано. Теперь она, пожалуй, счастлива... Но въ какомъ аду кипѣла она, пока явилась возможность вырваться изъ этого ада! Какъ издѣвался надъ нею австрійскій посланникъ въ Цетиньѣ! Въ ней оскорбляли и человѣка и женщину—все!.. Это была тяжелая расплата за одинъ опрометчивый шагъ, скорѣе легкомысленный, чѣмъ преступный. Завлекая ее въ свои сѣти, ей говорили о какой-то веселой, хорошо оплачиваемой службѣ... И все это въ умышленно недоговоренныхъ тонахъ. Но потомъ, когда она очутилась въ ихъ власти и они опутали ея свободу денежными расчетами, документами, они грубо и жестоко третировали ее... Она стала ихъ рабой, вещью. И вотъ—развязка. Тамъ служилъ французскій военный агентъ, полковникъ Делагранжъ. Милый, обаятельный. Австрійцамъ надо было выкрасть у него какіе-то важные бумаги и планы. Рѣшили использовать для этой цѣли красоту графини Пекано. Посланникъ приказалъ ей влюбить его въ себя...

Анита осѣклась на полуфразѣ. Съ Ливинской что-то совсѣмъ неладное творилось. Дрогнули руки, плечи, и, острымъ, прыгающимъ движеніемъ закрывъ лицо, она всхлипывающе разрыдалась. И было жутко и сиротливо. Кто-то невидимый, подъ грохотъ колесъ, билъ въ окно частымъ дождемъ, а фонарь тусклымъ, мигающимъ огонькомъ озарялъ сверху судорожно упавшую на грудь, повязанную бѣлымъ платкомъ, голову.

Анита растерялась. Положительно, что-то загадочное во всемъ поведеніи этой мрачной, такъ странно держащей себя, красавицы!..

— Ради Бога, успокойтесь!.. Мнѣ, право, досадно. Быть-можетъ, своимъ неумѣстнымъ разсказомъ... Здѣсь все такъ необычно въ нашей встрѣчѣ. Міръ такъ тѣсенъ и малъ, въ концѣ концовъ... Быть-можетъ, вы случайно знаете какого-нибудь изъ героевъ?..

Ливинская не слышала. Рыданія смѣнились истерикой. Она опрокинулась на диванъ, дрожа вся мелкимъ и частымъ ѳзнобомъ, и всхлипыванія переходили въ жуткій, захлебывающійся, бьющій по нервамъ, смѣхъ..

Елабужская, открывъ дверь, кликнула свою Луизу. Горничная добыла у барсуковскаго денщика стаканъ съ водою... Анита, захлопнувъ дверь, подсѣла къ Ливинской и одной рукой нѣжно, успокаивающе гладила ее. И вмѣстѣ съ пальцами вздрагивалъ, расплескивая воду, стаканъ. Анитѣ удалось приподнять голову Ливинской и поднести стаканъ къ прыгающимъ, влажнымъ отъ слезъ, губамъ... Ливинская отхлебнула глотокъ-другой, и стало какъ будто легче. Уже не давило такъ сильно въ груди. И съ недоумѣннымъ испугомъ смотрѣли на Аниту большіе, черные глаза въ крупныхъ слезахъ.

— Спасибо вамъ... Еще глотокъ! Теперь лучше... Добрая, великодушная!..

Черезъ нѣсколько минутъ Ливинская пришла въ себя, успокоилась. Но ознобъ продолжалъ колотить, и она сжалась въ углу дивана въ комочекъ. Анита прикрыла ее своимъ плэдомъ, сѣла вмѣстѣ съ нею, держа ея руку въ своей.

— Вамъ лучше?..

— Лучше, княгиня... Благодарю васъ... Вы—ангелъ, способный кого угодно утѣшить. Вы такая прекрасная!.. И когда я любовалась вами въ кинематографѣ, могла ли я подумать!.. Ахъ, если бы вы знали, до чего я несчастна... И мнѣ хочется разсказать вамъ все-все!.. Потому что у меня къ вамъ необъяснимое довѣріе... Надо разсказать, а

некому было. Некому довѣрить! Люди такіе черствые. Я разскажу вамъ все. И хотя мнѣ дорого ваше вниманіе и больно будетъ ваше презрѣніе,—все-таки разскажу... Что же,—презирайте! Развѣ я стою другого?..

И она разсказала. Все, безъ утайки. И о томъ, какъ тяжело и трудно было въ меблированныхъ комнатахъ, и какъ гнали ее за неплатежъ на улицу, и про свою встрѣчу съ господиномъ фонъ-Юстіусомъ, и о томъ, какое участіе приняла въ ней баронесса Махлейтъ...

— Вашимъ разсказомъ, княгиня, объ этой Пекано вы, сами не подозрѣвая, бичевали меня. Это было мнѣ хуже пытокъ. Вы обмолвились хорошей фразой: такихъ, какъ я и эта графиня, завлекаютъ весьма тонко. Намъ долго не открываютъ картъ... И дѣйствительно, служба, такъ хорошо оплачиваемая, кажется вначалѣ чѣмъ-то веселымъ, безъ всякихъ заботъ и обязанностей. А потомъ, когда тебя схватили за горло, связали, и нѣтъ уже выхода, только тогда начинается настоящее... Два негодяя глумились надо мною, топтали въ грязь, совсѣмъ, какъ съ той графиней. И мнѣ, какъ и ей, поручили увлечь офицера. Надо было вывѣдать. Онъ—изобрѣтатель бомбъ страшной разрушительной силы. Добрый, честный... И какъ онъ полюбилъ меня! А вся моя душа корчилась, какъ березовая кора подъ огнемъ. И я сама себя клеймила предательницей. Ахъ, что это за мученія были! Я наконецъ не выдержала. Будь, что будетъ, рѣшила бѣжать... И вотъ, послѣ этого, не вѣрятъ въ наказанье Божье: дорогою простудился мой сынъ, схватилъ воспаленіе легкихъ и умеръ. Я его похоронила въ Варшавѣ... Я не хочу рисоваться идеальной матерью. Я была скорѣй дурная мать. Но все же любила его. Потеря мальчика увеличила мое горе. Я осталась совсѣмъ одна. Жила въ Варшавѣ скромно и бѣдно въ маленькой комнаткѣ. Кругомъ разговоры, слухи о войнѣ. Поляки бранили нѣмцевъ, только и слышно было, что эти изверги

творятъ съ поляками въ Познани. Я никогда не была особенной патріоткой. Но тутъ проснулась во мнѣ полька, и вмѣстѣ съ этимъ я отъ всего сердца возненавидѣла нѣмцевъ! И одна мысль, что я служила имъ, хотя я ровно ничего не сдѣлала для ихъ интересовъ... при одной этой мысли я готова была руки на себя наложить!.. И при этомъ,—вѣчный страхъ... Я знала, что Юстіусъ не проститъ мнѣ бѣгства. За мной слѣдили. У дома, въ которомъ жила, мнѣ попадались какія-то нѣмецкія физіономіи. Вся Варшава и все Царство Польское наводнены ихъ агентами. И, въ концѣ концовъ, я стала равнодушна. Убьютъ,—что же, туда и дорога!.. Намучилась, настрадалась! И такъ было тяжело, безъ всякаго дѣла, безъ мысли, безъ желаній. Началась война. Я видѣла кругомъ такой подъемъ, такое движеніе, и это меня пробудило, всколыхнуло. Явилось желаніе и людямъ принести пользу и самой забыться, отвлечься въ работѣ. Я поступила на санитарные курсы. Вы видите на моемъ рукавѣ красный крестъ. Вотъ и все... Теперь вамъ остается пожалѣть, княгиня, что вы отнеслись ко мнѣ такъ тепло. Я ничего не заслуживаю, кромѣ презрѣнія. Я это знаю и покоряюсь... Но я открыла вамъ свою душу, и мнѣ теперь легче...

Анита крѣпко сжала ея руку и молвила съ мягкой сердечностью, хотя лицо оставалось какимъ-то важнымъ и строгимъ:

— Мой другъ! Я не только не думаю презирать васъ, но вы мнѣ глубоко симпатичны. Если даже и было что-нибудь нехорошее, темное, вашимъ страданіемъ вы все искупили. Презирать?.. Не мнѣ васъ презирать. У меня самой путь къ теперешнему счастью не былъ ровнымъ и гладкимъ. И, можетъ-быть, поэтому и я научилась понимать другихъ въ горѣ и тѣхъ изломахъ, которые посылала имъ жизнь. И если я смогу оказать вамъ поддержку, и нравственную и всякую другую, я буду счастлива... Я рада, очень рада этой случайной встрѣчѣ...

Анита не успѣла опомниться... Ливинская схватила ея руку и прижала къ губамъ...

18.

Гіэна тыла.

Въ то самое утро, когда славной атакой нашей конницы была разбита прусская пѣхота, верстахъ въ пятидесяти по фронту на лѣвомъ флангѣ происходило нѣчто другое. Здѣсь нашей пѣхотѣ доставалось отъ нѣмцевъ. И это не было проявленіемъ личной храбрости, мужества, — этими качествами нѣмцы не блещутъ. Это было торжество техники. Наши позиціи съ огромнаго разстоянія, чуть ли не за двѣнадцать километровъ, засыпала батарея тяжелой артиллеріи. И если бъ еще просто тяжелой. Нѣтъ, это была сверхъ тяжелая. Это были 42-сантиметровыя орудія Круппа.

Необходимъ былъ какой-нибудь выходъ.

Командиръ пѣхотной дивизіи генералъ Мессарошъ, посовѣтовавшись съ начальникомъ штаба, нашелъ выходъ. Необходимо, чтобъ чудовища замолчали. Но такъ какъ съ суши эти орудія неуязвимы, необходимо сдѣлать попытку напасть на нихъ сверху.

Штабъ дивизіи помѣщался въ богатомъ благоустроенномъ имѣніи помѣщика Сандерса, приходившагося роднымъ братомъ генералу Сандерсу, начальнику военной германской миссіи въ Константинополѣ. Помѣщикъ Сандерсъ, представительный сѣдой мужчина остался въ своемъ имѣніи и не бѣжалъ вглубь Пруссіи, какъ другіе. Каяться ему въ этомъ не пришлось. За всѣ продукты и за фуражъ онъ получалъ отъ русскихъ наличными деньгами.

Кромѣ дивизіоннаго съ его штабомъ и эскадрона уланъ, въ усадьбѣ находился еще летучій санитарный отрядъ, выѣзжавшій на позиціи фалангою изъ нѣсколькихъ автомо-

билей. Близъ усадьбы, на ровномъ лугу, подъ брезентнымъ навѣсомъ стоялъ аэропланъ военнаго летчика штабсъ-капитана Максимова. Охранялся аппаратъ четырьмя часовыми, которымъ отданъ былъ строгій приказъ никого не подпускать близко. Никого, за исключеніемъ Максимова.

Летучіе санитарные отряды ревизовались особенными уполномоченными Краснаго Креста. Были завѣдующіе цѣлыми раіонами, какъ, напримѣръ, А. И. Гучковъ. Были уполномоченные второй степени и были еще поменьше. Къ этимъ ревизорамъ уже третьей степени принадлежалъ нѣсколько дней находившійся въ имѣніи Сандерса господинъ фонъ-Юстіусъ. Этотъ «глубокій» штатскій былъ теперь неузнаваемъ. Вся фигура почтеннаго Августа Вильгельмовича приняла воинственный видъ. Защитная куртка съ узенькими серебряными погонами и высокіе сапоги со шпорами, хотя господинъ фонъ-Юстіусъ отродясь никогда не ѣздилъ верхомъ. На кожаномъ широкомъ поясѣ, охватывавшемъ раскормленное брюшко, висѣлъ револьверъ въ кобурѣ. На рукавѣ—повязка съ краснымъ крестомъ. Словомъ,—все, какъ слѣдуетъ.

Передъ самой войной господинъ фонъ-Юстіусъ пожертвовалъ, шумно, черезъ газеты, чтобъ всѣ знали, тысячу рублей на нужды Краснаго Креста... . . . .
. . . .
. . . . и очутился въ имѣніи Сандерса.

Максимову господинъ фонъ-Юстіусъ не понравился съ перваго же впечатлѣнія. Онъ вспомнилъ встрѣчу съ нимъ у баронессы Махлейтъ.

Шестидесятипятилѣтній Мессарошъ былъ бодръ, сухощавъ, и его тонкой, прямой фигурѣ могъ бы позавидовать любой поручикъ.

На позиціи Мессарошъ выѣзжалъ рѣдко. Онъ предпочиталъ, сидя въ усадьбѣ, получать донесенія по телефону

и отъ ординарцевъ. Помѣщикъ Сандерсъ предоставилъ генералу «комнаты для гостей», чистыя, съ сіяющимъ паркетомъ, но съ казенной безстрастной физіономіей номеровъ отеля. И, какъ въ гостинницѣ, вытянулись онѣ вдоль коридора, устланнаго дорожкою линолеума. Въ одномъ изъ этихъ «номеровъ» сидѣлъ надъ картою дивизіонный. Тутъ же раскрытый ящикъ съ сигарами, купленный у Сандерса. Лысый черепъ, висячія сѣдыя баки и худой, костистый носъ, на кончикѣ котораго чуть держалось пенснэ,—такова внѣшность генерала. Тутъ же сидѣлъ подполковникъ генеральнаго штаба съ восточнымъ лицомъ. Изъ оконъ былъ виденъ садъ съ подстриженной аллеей. Раскатами грома доносились выстрѣлы чудовищъ, и вздрагивали окна. Вошелъ Максимовъ, значительно похудѣвшій послѣ Петербурга. Теперь онъ былъ интереснѣе, съ коричневымъ загаромъ обвѣтреннаго лица, въ своей формѣ военнаго летчика. Кожаная шведская куртка съ погонами. Сбоку висѣлъ небольшой, морского типа, кортикъ. Синія рейтузы схвачены были отъ колѣнъ сѣрыми, суконными, спиралью бинтующими ногу, колоніальными гетрами.

— Вы меня изволили требовать, ваше превосходительство?

— Садитесь, батенька... Слышите?— И каждый такой выстрѣлъ несетъ смерть, да какую!.. Вотъ что, батенька. Необходимо, чтобъ эти «чемоданы» больше не безпокоили насъ... Вы можете обстрѣлять сверху эту батарею вашими бомбами? Найти и обстрѣлять?

— Могу, ваше превосходительство.

— Валяйте, батенька, съ Богомъ!..

Выйдя изъ „номера“, Максимовъ чуть ли не носъ къ носу столкнулся съ господиномъ фонъ-Юстіусомъ. Молча посмотрѣли другъ на друга. Максимовъ силился вспомнить, гдѣ онъ видѣлъ эти свиные самодовольные глазки. У баронессы Махлейтъ — своимъ порядкомъ. Но онъ видѣлъ ихъ гдѣ-то еще?

Августъ Вильгельмовичъ постучалъ въ генеральскую дверь.

Максимовъ распекъ вѣстового:

— Ты гдѣ пропадалъ? Развѣ не знаешь, долженъ безсмѣнно у кабинета его превосходительства! И чтобы никто изъ «вольныхъ» не смѣлъ проходить по корридору!

Черезъ минуту Максимовъ уже мчался на мотоциклеткѣ къ своему ангару, находившемуся въ полуверстѣ отъ усадьбы. Вслѣдъ за нимъ на мотоциклеткѣ же—его механикъ.

Недолго пробылъ господинъ фонъ-Юстіусъ у дивизіоннаго. Спросилъ, не пожелаетъ ли генералъ воспользоваться его автомобилемъ, обругалъ нѣмцевъ и Сандерса, берущаго за все деньги съ «нашихъ бѣдныхъ солдатиковъ», и откланялся. Когда онъ ушелъ, генералъ замѣтилъ подполковнику:

— Напрасно Максимовъ относится недовѣрчиво... Онъ смѣшонъ, это правда. Но предобродушнѣйшій малый и любитъ Россію. Не правда ли, батенька?

А «предобродушнѣйшій малый» въ это время уже пересѣкалъ дворъ, направляясь къ главному корпусу помѣщичьяго дома. Сумрачный лакей-полякъ сказалъ:

— Господинъ Сандерсъ у себя въ кабинетѣ.

Кабинетъ помѣщика былъ старо-нѣмецкій, въ стильно-охотничьемъ духѣ. Повсюду оленьи рога, и на нихъ висѣло оружіе, двустволки разныхъ эпохъ и системъ, начиная съ кремневой и кончая англійскими игольчатыми съ нижнимъ штуцернымъ стволомъ.

Сандерсъ спокойно просматривалъ газеты. Словно и не въ его усадьбѣ расположился непріятель, и въ нѣсколькихъ верстахъ идетъ бой, а за тридевять земель гдѣ-то.

— Ну что?—спросилъ Сандерсъ, крѣпкій и лысый, въ зеленой охотничьей курткѣ, поднимая на гостя выпуклые оловянные глаза.

— Можно воспользоваться вашимъ телефономъ?

— Прошу!

Сандерсъ подошелъ къ дверямъ, щелкнулъ задвижкой и опять углубился въ просмотръ газеты. Во весь полъ комнаты лежалъ коверъ. Августъ Вильгельмовичъ отвернулъ одинъ конецъ его и у книжнаго шкапа надавилъ кнопку. И тотчасъ же открылось въ полу квадратное отверстіе. Августъ Вильгельмовичъ, спустившись внизъ по деревянной лѣсенкѣ, очутился въ небольшомъ помѣщеніи съ обитыми чернымъ сукномъ стѣнами; чистая бумага, карандаши. Господинъ фонъ-Юстіусъ открылъ въ стѣнѣ потайную дверцу,—тамъ, въ маленькой нишѣ, блестѣлъ новенькій, черный телефонъ...

...Максимовъ уже взлетѣлъ метровъ на восемьсотъ. Въ ясномъ утреннемъ воздухѣ онъ видѣлъ отчетливо подъ собою линіи нашихъ окоповъ. Муравьями копошатся въ нихъ солдаты. Не слышны ихъ выстрѣлы. Одно только курево чуть замѣтнымъ дымкомъ говоритъ о томъ, что не бездѣйствуютъ наши винтовки. Видѣлъ Максимовъ со своихъ высей стоявшую въ резервѣ конницу, и она показалась ему отрядомъ оловянныхъ солдатиковъ.

Максимовъ леталъ уже надъ полями смерти. Но въ цѣляхъ развѣдки. Его „Блеріо" уже получилъ боевое крещеніе, и крылья въ нѣсколькихъ мѣстахъ были продырявлены пулями. Теперь же это былъ первый полетъ—истребительный. Представился случай попробовать на нѣмцахъ свое изобрѣтеніе. Вотъ они тутъ, сбоку, покоятся въ своемъ гнѣздѣ, эти смертоносные „апельсины". Внизу, на малой высотѣ, летчикъ еще волновался и нервничалъ. Но чѣмъ выше въ голубое поднебесье забирался легкій, розовѣющій на солнцѣ „Блеріо", тѣмъ спокойнѣй становилось на душѣ у Максимова. Всякое чувство опасности исчезло, испарилось. Наоборотъ, явилось полное къ ней презрѣніе. И всѣ эти стальныя чудовища, отъ однихъ громоподобныхъ вы-

стрѣловъ которыхъ тамъ, на землѣ, становится жутко здѣсь, отсюда—мнятся игрушечными. Ни одинъ звукъ не долетаетъ сюда ввысь, и надъ всѣмъ царитъ мощный, оглушительный шумъ мотора...

Барографъ уже показываетъ полторы тысячи метровъ надъ землею. На такой высотѣ можно считать себя неуязвимымъ. Уже остались позади наши позиціи. Уже летитъ Максимовъ надъ «мертвымъ» пространствомъ. А впереди, хотя это «впереди» условно, потому что съ такой высоты все кажется внизу, подъ тобою,—линіи окопавшейся нѣмецкой пѣхоты. Ея дымки, стлавшіеся горизонтально, теперь поднимаются вверхъ. Началась охота за аэропланомъ. Въ отвѣтъ—лишь одна презрительная улыбка. Можно было бы спустить пару-другую бомбъ, но игра свѣчъ не стоитъ. Бомбы пригодятся тамъ, на батареѣ. Лицо подъ кожанымъ шлемомъ стало вдругъ озабоченнымъ. Это уже серьезнѣе пустяковыхъ винтовочныхъ выстрѣловъ. Навстрѣчу Максимову неслись двѣ точки, быстро увеличивающіяся въ двойной скорости взаимнаго приближенія. Опытный, наметавшійся глазъ летчика распозналъ тотчасъ же германскіе „таубе“. Это не случайная воздушная встрѣча. Это не развѣдка. Развѣдку они успѣли произвести вчера. Максимовъ сообразилъ по времени, что эти оба «таубе» не успѣли бы вылетѣть и покрыть довольно большое пространство, замѣтивъ его „Блеріо“. И онъ и они, пожалуй, одновременно бросились въ воздухъ, навстрѣчу другъ другу. Можно было подумать, что нѣмцевъ предупредилъ кто-нибудь о готовящемся нападеніи. Но какъ, кто и когда?.. объ этомъ не было времени думать. Все вниманіе Максимова сосредоточилось на предстоящемъ боѣ. И онъ спокойно взвѣсилъ шансы обѣихъ сторонъ. Ихъ преимущество—количественное. Два противъ одного. Что же касается Максимова, этимъ «таубе» не дотянуться о его высоты. Отсюда прямой выводъ: забравшись елико

возможно выше, уничтожить этихъ «голубей» сверху одного за другимъ. Искусно работая послушнымъ рулемъ, Максимовъ тугой спиралью взметнулся подъ облака. Въ буквальномъ смыслѣ слова, подъ облака. Онъ чувствовалъ по осѣдающей на лицѣ влагѣ, что прорѣзываетъ одну изъ расползающихся, какъ гигантскіе хлопья ваты, или жидкаго снѣга, тучъ. И здѣсь, выжидая, онъ сталъ описывать небольшіе круги. По барографу—двѣ съ лишнимъ тысячи метровъ. Нѣмецкимъ «таубе» не дотянуться выше двухъ тысячъ. И пока что,—господинъ положенія—онъ.

Оба нѣмца, боясь опрокинуть другъ друга воздушной струею, не рѣшались летѣть рядомъ. Одинъ остался ниже, другой парилъ надъ нимъ. И такъ, чтобъ отрѣзать русскому отступленіе. Максимовъ уже ясно различалъ сидящаго посрединѣ птицы летчика въ громадномъ, словно котелъ, шлемѣ. И несмотря на всю важность момента, Максимовъ не могъ удержаться отъ улыбки. Онъ вспомнилъ, что всѣ германскіе летчики, желая защитить голову отъ случайностей „аваріи", надѣваютъ чуть ли не бронированные шлемы толщины невѣроятной. Максимовъ постарался очутиться на одной вертикальной линіи съ ближайшимъ къ нему „таубе". И, выключивъ моторъ, камнемъ упалъ внизъ, остановившись, приблизительно, на высотѣ ста метровъ надъ нѣмцемъ. Нѣмецъ обстрѣлялъ его изъ револьвера. Максимовъ нажалъ рычагъ и выпустилъ бомбу. И тотчасъ же, чтобы самому не сдѣлаться жертвою возможностей страшнаго взрыва, метнулся въ сторону. Бомба попала удачно. Бѣшеный разрывъ, и „таубе" со своимъ летчикомъ превратился въ какую-то пыль, въ брызги деревянныхъ щепъ, металлическихъ осколковъ и человѣческаго мяса. Нижній «таубе», видимо, ошеломленный катастрофой, очутился почему-то надъ русскими позиціями. И тамъ его подстрѣлили. А Максимовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, освободившись отъ своихъ преслѣдователей, мчался впе-

редъ. Чтобъ разглядѣть и «нащупать» батарею крупповскихъ чудовищъ, ему пришлось значительно спуститься.

И вотъ гдѣ встрѣтилъ его снизу цѣлый адъ. Отъ одного только шума, отъ непрерывной трескотни ружейныхъ залповъ,— залповъ, направленныхъ на него,—можно было бы съ ума сойти. Но летчикъ не слышалъ ни ружейныхъ залповъ, ни митральезъ. И только разрывы шрапнелей, близко, у самаго аппарата, отзывались противнымъ металлическимъ визгомъ въ груди Максимова. И странное, двойственное было ощущеніе. Пули дырявили аэропланъ, щелкались о металлическія части, рвали деревянныя перекладины, словомъ, угрожали весьма и весьма и пропеллеру, и мотору, и баку съ бензиномъ, и самому летчику. Словомъ, опасность несомнѣнная, отъ которой нѣтъ никакого спасенія. И въ то же время не было въ неё «вѣры». Максимовъ не могъ представить себѣ, чтобъ эти смятенныя, суетящіяся внизу, оловянныя фигурки солдатиковъ съ винтовками размѣромъ въ спичку, могли нанести ему какой-нибудь вредъ. Да что «солдатики»? Онъ видѣлъ, ясно видѣлъ батарею закопавшихся чудовищъ, плюющихся исполинскими снарядами. И отсюда, сверху, нельзя было даже повѣрить въ такую ихъ неотвратимую смертоносность. Словомъ, психологія обѣихъ сторонъ была такова, что весь этотъ копошившійся внизу муравейникъ боялся неизмѣримо больше аэроплана, чѣмъ аэропланъ—муравейника. И это понятно: опасность сверху, воздушная, всегда фатальнѣе, страшнѣе и вселяетъ панику своей непривычностью, новизною...

А пули свистятъ и свистятъ мимо. Правое крыло, того и гляди, въ рѣшето превратится. Уже одна пуля вспорола кожаный рукавъ шведской куртки... Надо спѣшить,—скорѣе!—или не выдержать ему этого дьявольскаго обстрѣла... Разъ, разъ, разъ... Три послѣдовательныхъ движенія рычага, одно за другимъ. И, такъ какъ онъ держалъ направленіе по фронту спрятавшейся у пригорка батареи, бомбы

должны были ее всю обстрѣлять... Максимовъ увидѣлъ, словно изъ земли выросшія, тучи дыма, фонтанами хлынувшаго вверхъ, и, вслѣдъ за этимъ, услышалъ грохотъ, перекликами пробѣжавшій далеко кругомъ. И какимъ-то бѣшенымъ смерчемъ подбросило, вмѣстѣ съ цѣлыми глыбами почвы, обрывки людей, кучи бетонныхъ площадокъ и, теперь жалкіе, металлическіе осколки, мгновеніе назадъ такихъ страшныхъ орудій. Батарея была уничтожена вся, вмѣстѣ съ прислугой, охранявшими ее митральезами и отборными стрѣлками пѣхотныхъ частей.

Максимовъ летѣлъ назадъ къ своимъ. Моторъ давалъ тревожные перебои. Какъ-то зловѣще уменьшался бензинъ. И дѣйствительно, обернувшись, Максимовъ съ ужасомъ замѣтилъ, что, какъ жизнь драгоцѣнная жидкость вытекаетъ струей изъ продырявленнаго бака. И онъ молился горячо и наивно, какъ молятся только дѣти, чтобъ хватило бензина—только бы добраться къ своимъ передовымъ линіямъ. Но, пока что, Максимовъ пролеталъ надъ непріятельскими пѣхотными цѣпями, которыя охотились за нимъ съ такой яростью, что солдаты, забывъ всякую опасность, забывъ, что сами превращаются въ мишени для русскихъ цѣпей, выбѣгали изъ окоповъ, желая разрядить свой маузеръ по уходящему аэроплану...

Уже почернѣла струя дыма, уже послѣдній перегорѣвшій бензинъ стелется жиденькимъ облачкомъ, уже и это облачко растаяло. Вытекъ весь бакъ до послѣдней капли. Летѣть нечѣмъ... Остается планирующій спускъ. И не надо выключать мотора. Онъ самъ „выключился“, обезсиленный, голодный.

И съ высоты полуторы тысячи метровъ аэропланъ почти вертикально упалъ внизъ... И у людей, сидѣвшихъ въ окопахъ съ обѣихъ сторонъ, замерло на мгновеніе сердце... У однихъ отчаяніемъ, у другихъ—ликующей радостью. Но было еще рано и унывать и ликовать. Планирующій спускъ удался

Лишь въ трехъ-четырехъ метрахъ надъ землею подшибленный аэропланъ свело какой-то судорогой, и онъ упалъ бокомъ на лѣвое крыло, расщепленное въ куски... Это было шагахъ въ пятистахъ отъ передовой линіи русскихъ. Солдаты бросились изъ окоповъ къ мѣсту аваріи. Но немногіе добѣжали. Нѣмцы косили ихъ жестокимъ свинцовымъ ливнемъ изъ своихъ траншей. А тѣ, которые добѣжали, которымъ удалось это, вытащили потерявшаго сознаніе Максимова. По странной случайности, онъ все время летѣлъ невредимо, и только въ моментъ паденія вражьи пули настигли его, ранивъ въ бедро и въ спину.

19.

Встрѣча въ Варшавѣ.

Надежды Вильгельма на поляковъ и Польшу, какъ и всѣ его надежды въ этой войнѣ, потерпѣли крушеніе. Яркой выразительницею новыхъ русско-польскихъ отношеній, этого медоваго мѣсяца братанья двухъ славянскихъ народовъ въ тяжелый часъ лихолѣтья,—была Варшава. Каждое прибытіе новаго санитарнаго поѣзда являлось тріумфомъ героевъ. Ихъ засыпали цвѣтами. Представители польской знати развозили раненыхъ по госпиталямъ въ своихъ автомобиляхъ. На красивыхъ, оживленныхъ, залитыхъ осеннимъ солнцемъ аллеяхъ и улицахъ—длинными шпалерами стояла нервная, экспансивная толпа. Привѣтственные крики, обнаженныя головы. Къ автомобилямъ бросались старики, женщины, дѣти, дамы общества. И всѣ съ праздничнымъ видомъ, улыбающимися лицами, спѣшили надѣлить солдатъ папиросами, чаемъ, кулькомъ снѣди, лакомствами. И такое же заботливо-внимательное отношеніе не только къ раненымъ, но и къ здоровымъ, къ будущимъ героямъ. И по отношенію къ проходившимъ войскамъ—оваціи, подарки, желаніе чѣмъ только можно проявить свое

участіе къ этимъ сѣрымъ колоннамъ, что „не-сегодня-завтра вступятъ въ бой...

Каждый несъ свою лепту. И богатый, и бѣдный. Одинъ за другимъ, въ нѣсколько дней, возникали на частныя средства превосходно оборудованные лазареты и госпитали. И, подобно польскимъ магнатамъ, еврейскіе богачи предоставили раненымъ свои роскошные особняки. Еврейская община сняла подъ госпиталь Римскую гостиницу.

Въ Варшавѣ повсюду, на каждомъ шагу, чувствовался тылъ могучихъ милліонныхъ армій. Эти безконечныя колонны свѣжихъ войскъ, марширующихъ подъ музыку, и эти раненые, и оберегаемые патрулями мосты, и мчащіеся автомобили съ ординарцами, адъютантами и офицерами штаба, и вѣчныя толпы на улицахъ, и экстренныя прибавленія газетъ по нѣскольку разъ въ день,—все это говорило о томъ, что гдѣ-то близко совершается что-то большое, таинственное, кровавое...

Въ широкой Уяздовской аллеѣ сгруппированы всѣ штабы, военныя канцеляріи и главнѣйшіе госпитали. Самый обширный изъ нихъ,—оборудованный польскимъ населеніемъ Варшавы госпиталь на двѣ тысячи кроватей,—помѣщался въ красномъ зданіи кадетскаго корпуса.

Въ десять часовъ утра у главнаго подъѣзда корпуса, казеннаго подъѣзда съ высокимъ ливрейнымъ швейцаромъ изъ гвардейцевъ, остановилась извозчичья коляска. Швейцаръ со звономъ распахнулъ стеклянную дверь, пропустивъ молодую даму въ темно-сѣромъ костюмѣ.

Это была Анита.

Всю ночь ѣхала Анита съ эшелономъ. Долгую, съ безконечными остановками ночь. Анита не могла сомкнуть глазъ. Во первыхъ, чѣмъ ближе къ О., тѣмъ сильнѣе разгоралось безпокойство. Гдѣ Дмитрій, что съ нимъ, живъ ли? А во вторыхъ, у нея былъ мучительно-тяжелый осадокъ послѣ признанія Ливинской. Анита жалѣла ее отъ всей

души. Она сама хорошо знала, что представляютъ собою нѣмецко-австрійскіе шпіоны и каковы ихъ пріемы. Цѣлыхъ два года былъ у нея передъ глазами примѣръ въ лицѣ барона Вехтера.

Ливинская, заботливо прикрытая плэдомъ Аниты, уснула, или притворилась уснувшей. Анита думала свое, глядя въ заплаканное дождемъ окно. Уже свѣтало. Поѣздъ цѣлый часъ стоялъ среди какихъ-то болотъ.

Какъ и говорилъ Барсуковъ, въ О., грязномъ и скучномъ литовско-еврейскомъ мѣстечкѣ, нельзя было ничего добиться. Да никто и при всемъ желаніи не могъ ничего сказать. Даже штабъ полка перемѣстился куда-то. Елабужской Барсуковъ посовѣтовалъ ѣхать въ Варшаву. Тамъ больше знаютъ, тамъ въ курсѣ всего, что совершается на позиціяхъ, тамъ она можетъ получить какія-нибудь свѣдѣнія о мужѣ. У Аниты явилась попутчица въ лицѣ ея новой знакомой. Въ О. не было раненыхъ, и Ливинская была назначена въ варшавскій госпиталь въ кадетскомъ корпусѣ.

Пріѣхали онѣ въ Варшаву въ седьмомъ часу утра. Дѣваться въ такую рань было некуда. Все закрыто, и канцелярія штаба и отели. Молодыя женщины рѣшили переждать часокъ-другой на вокзалѣ. Въ сонномъ буфетѣ Ливинская и Анита пили чай. Поодаль клевала носомъ невыспавшаяся Луиза. Буфетъ понемногу оживлялся. Пришла молоденькая барышня, открыла книжный кіоскъ, аккуратно раскладывая пачки газетъ и журналовъ. Съ грохотомъ подкатилъ поѣздъ. Началась нервная суета, зазвенѣли стеклянныя двери. Въ буфетъ хлынули пассажиры, преимущественно военные. Но были и спасавшіеся отъ нѣмцевъ бѣглецы изъ пограничныхъ мѣстъ, занятыхъ прусскими отрядами. Они напоминали вырвавшихся изъ пламени погорѣльцевъ. Багажъ ихъ,— случайный, что подъ руку попалось, кое-какъ захваченный скарбъ. Слышалась польская и еврейская рѣчь. Голоса

глухіе, придавленные. Надъ бѣглецами еще не успѣли развѣяться обездолившіе ихъ кошмары...

Вошла группа офицеровъ. Вотъ высокій, красивый брюнетъ-кавалеристъ съ блѣднымъ, утомленнымъ лицомъ и перевязанной головою, на которой чуть держалась защитная фуражка.

У Аниты вырвался крикъ. Она бросилась къ Дмитрію и, крѣпко обнявъ его, такъ и замерла отъ волненія, не будучи въ силахъ вымолвить слова. А онъ, радостный, счастливый, цѣловалъ ея руки и помертвѣвшее, полное тревогъ и ожиданія, лицо...

И тутъ же рядомъ—Имшинъ, Огліо, Пономаренко.

Какъ они очутились въ Варшавѣ, нѣмецкіе плѣнники?.. А вотъ какъ:

Ночь въ киркѣ прошла тоскливо, безъ сна. До сна ли ужъ тутъ, если передъ глазами картина за картиною встаютъ дальнѣйшія перспективы, сулящія всякія новыя невзгоды плѣна?

Нѣмецкіе кирасиры пили пиво, играли въ карты, курили. На полу храма валялись пустыя бутылки, колбасная кожица, окурки папиросъ и сигаръ. И картежъ и пьянство сопровождались дикимъ, гогочущимъ ржаньемъ. И такъ до утра. И все это должны были выносить плѣнники...

Утромъ, гдѣ-то близко, словно кто стегнулъ по воздуху одинокимъ ружейнымъ выстрѣломъ. Еще и еще... И пошла трескотня. А дальше—какіе-то крики, возгласы, мчались галопомъ всадники. Кирасиры, забывъ о своихъ плѣнникахъ въ испугѣ бросились прочь изъ кирки, прихвативъ карабины. Сердца плѣнниковъ затрепетали надеждой. Они бросились къ дверямъ, распахнутыхъ настежь, никѣмъ не охраняемыхъ. И они видѣли, какъ улепетываютъ во всю кирасиры, низко пригнувшись къ сѣдламъ, а русская пѣхота обстрѣливаетъ ихъ вдогонку.

Алленбергъ былъ занятъ двумя нашими ротами. Оба

кирасирскіе эскадрона, не принявъ боя, поспѣшили удрать. Но не всѣмъ это удалось. Многіе, застигнутые пѣшими, вынуждены были драться. И часть ихъ легла, часть сдалась въ плѣнъ. Очутился въ плѣну и длинный ротмистръ съ подстриженными усами. Увѣренный въ полной своей неприкосновенности, ротмистръ заспался, и только перестрѣлка разбудила его. Оставался одинъ выходъ—сдаться въ плѣнъ, что онъ и поспѣшилъ сдѣлать. Онъ вышелъ изъ дому одѣтый, какъ на парадъ, и горделивымъ театральнымъ жестомъ протянулъ свой палашъ добродушному пѣхотному капитану, покраснѣвшему отъ смущенія. Это было на глазахъ Елабужскаго, Имшина и Огліо.

Кавалеристы благодарили своего избавителя, крѣпко жали ему руку.

— Что вы, что вы, господа! Право, я здѣсь ни при чемъ. Помилуйте, я радъ...—застѣнчиво отнѣкивался капитанъ.—Мы думали, что здѣсь никого нѣтъ. Ну, и рѣшили занять городъ. А они еще хвалятся своей развѣдкой, а не выставили даже никакого охраненія...

— Господа, пожалуйста, ради Бога!—спохватился капитанъ.—Вы голодны? Пожалуйста, чѣмъ Богъ послалъ... У меня найдутся кое-какіе консервы. Да и здѣсь, вѣроятно... И онъ заодно съ нами закуситъ, ротмистръ?..

А «ротмистръ», сообразивъ, что ему ничего такого не угрожаетъ, выпятилъ грудь, вставилъ монокль и покровительственно кивнулъ въ отвѣтъ на предложенную капитаномъ папиросу.

Имшинъ зеленый, похудѣвшій, не выдержалъ:

— Прежде, чѣмъ ротмистръ будетъ съ нами закусывать, вы бы допросили его, капитанъ, на какомъ основаніи онъ оскорблялъ насъ, велѣлъ сорвать наши повязки и, въ довершеніе всего,—ограбилъ? Можетъ-быть, теперь онъ соблаговолитъ вернуть наши часы, бумажники и все прочее?..

— Что вы говорите, какой ужасъ!—вспыхнулъ капитанъ.

Застѣнчивый, конфузливый человѣкъ—преобразился. Его замѣнилъ властный начальникъ твердой, непоколебимой воли. Черезъ переводчика онъ сталъ сурово допрашивать длиннаго кирасира.

Ротмистръ увидѣлъ, что дѣло плохо. Онъ сталъ приниженный, жалкій и какъ будто сразу уменьшился въ ростѣ. Бормоталъ слезливо:

— Я здѣсь ни при чемъ... Я самъ по себѣ человѣвъ гуманный. Къ сожалѣнію, наше начальство требуетъ репрессій... Что же касается вещей господъ офицеровъ, онѣ хранятся у меня въ полной неприкосновенности, и я ихъ все равно вернулъ бы, когда пришлось-бы ихъ эвакуировать въ глубь страны...

По странной ироніи судьбы, и этого самого кирасира, оказавшагося какимъ-то барономъ, и тридцать восемь нижнихъ чиновъ, сдавшихся вмѣстѣ съ нимъ, всѣхъ ихъ привезли въ Варшаву въ одномъ поѣздѣ съ освобожденными кавалеристами.

Елабужскій, Имшинъ и Огліо думали остановиться гдѣнибудь въ отелѣ. Но рѣшительно воспротивилась Анита.

— Посмотрите на себя! Вамъ нуженъ отдыхъ и самый тщательный уходъ. Вы должны лечь въ госпиталь...

И всѣ трое заняли въ кадетскомъ корпусѣ одну изъ свободныхъ офицерскихъ палатъ. Была въ ней еще свободная кровать. Она пустовала всего лишь день. А потомъ привезли раненаго и тяжело разбившагося Максимова.

Его положили съ тремя кавалеристами.

Кромѣ ранъ, полученныхъ въ самый моментъ крушенія, Максимова еще сильно придавило обломкомъ аппарата. Изъ самоотверженно бросившихся спасать Максимова солдатъ пятеро было убито. Его вынесли подъ жесточайшимъ огнемъ въ тылъ. На пунктѣ Максимову оказана была первая помощь. Когда онъ пришелъ въ себя, прослезившійся генералъ поцѣловалъ его въ лобъ и поздравилъ съ Геор‑

гіемъ. Подвигъ Максимова рѣшилъ бой въ нашу пользу. Батарея чудовищъ умолкла навѣки. Это дало намъ возможность подготовить полевой артиллеріей атаку. Пѣхота бросилась въ штыки на нѣмцевъ, которыхъ было вдвое больше, смела ихъ, прогнала прочь и утвердилась на ихъ позиціяхъ.

Посѣщеніе раненыхъ близкими и родными допускалось по извѣстнымъ днямъ въ особые часы. Но Анита получила разрѣшеніе посѣщать своего мужа ежедневно и широко пользовалась этимъ правомъ, оставаясь въ госпиталѣ до сумерекъ.

20.

Опять фонъ-Юстіусъ.

Анита пригрѣла Ливинскую. Желая забыться, измучить себя до какого-то равнодушнаго ко всему отупѣнія, Ливинская работала днями и ночами въ госпиталѣ. Днемъ— перевязки, чтеніе вслухъ, писаніе вѣсточекъ на родину, и тысячи всевозможныхъ другихъ мелкихъ и въ то же время одинаково важныхъ заботъ и хлопотъ. А ночью—дежурство. Какая-то жажда подвига, страстнаго самобичеванія, гдѣ сказывалась экзальтированная католичка и полька. Она сама на себя наложила искусъ. Но искусъ не простой молитвы, а цѣликомъ себя отдающій служенію человѣку.

Ливинская похудѣла, заострились черты, а въ глазахъ было какое-то неугасимое, вѣчное горѣніе...

Анита употребляла все свое незамѣтно и быстро создавшееся вліяніе на Ливинскую, чтобъ та хоть немного подумала о покоѣ и отдыхѣ. И чуть ли не силою, хотя вся эта сила заключалась въ мягко - настойчивой, неотразимой улыбкѣ, уводила Анита ее вечерами къ себѣ въ «Бристоль».

— Ложитесь, отдыхайте — и, никакихъ возраженій и протеста...

— Но я бы могла еще подежурить сегодня.

— И безъ васъ много дежурныхъ. Больше, чѣмъ требуется. Десятки и сотни жаждущихъ какой-нибудь работы... А имъ отказываютъ. Всюду переполненіе... Спите, мой другъ!..

И Анита укладывала ее на сосѣднюю со своей кроватью кушетку.

Зная стѣсненное матеріальное положеніе Ливинской, Анита не позволила ей снять гдѣ-нибудь комнату.

— Живите пока у меня. А когда мужъ оправится и переѣдетъ сюда, мы васъ устроимъ...

Подъ согрѣвающей ласкою Аниты Ливинская понемногу приходила въ себя. Но въ то самое утро, когда она увидѣла неподвижно вытянувшагося, въ бинтахъ и перевязкахъ, Максимова, внесеннаго въ вестибюль госпиталя двумя санитарами, муки совѣсти зашевелились въ ней, отнимая покой. И, чтобъ мучиться еще сильнѣе и въ то же время быть полезной этому человѣку, столько выстрадавшему по ея винѣ, она ухаживала за нимъ съ самоотверженностью самой идеальной сидѣлки. Главный врачъ, завѣдующій госпиталемъ, разрѣшилъ ей это, командировавъ изъ солдатской палаты въ офицерскую.

Лишь своему цвѣтущему богатырскому здоровью обязанъ былъ Максимовъ, что не остался навѣки подъ обломками аэроплана. Всякому другому это навѣрное стоило бы жизни. Раны его, одна въ бедро, другая навылетъ въ спину, были тяжелыя. И голова, и все тѣло расшиблись при паденіи. Онъ весь былъ въ кровоподтекахъ и ссадинахъ.

Огліо, Имшинъ и Елабужскій говорили:

— Намъ съ нашими ничтожными царапинами, прямо стыдно лежать вмѣстѣ съ такимъ «тяжелымъ», какъ онъ...

Ночами, когда все тѣло загоралось жаромъ, Ѳедоръ Владиміровичъ бредилъ. Этотъ бредъ смѣнялся глубокимъ забытьемъ. И въ первые дни сознаніе только проблесками возвращалось къ Максимову.

Была глубокая ночь. И тишина стояла напряженная, какая-то звенящая тишина. Слышалось дыханіе спящихъ. Въ палатѣ неподвижно затаился безъ тѣней и безъ колебаній синій полумракъ одинокой лампочки. Максимовъ шевельнулъ рукою, вздохнулъ, открылъ глаза. Ему показалось, что онъ галлюцинируетъ... И эта женщина, сидящая у ночного столика, уставленнаго всевозможными микстурами и лѣкарствами—одинъ изъ являвшихся ему въ минуты бреда миражей. Онъ запрокинулъ голову, вытянулъ передъ собою руки и вотъ-вотъ сорвется съ его губъ крикъ...

Вздрогнувшая Ванда наклонилась къ нему:

— Ѳедоръ Владиміровичъ, это я! Не пугайтесь, голубчикъ, это я! Если вамъ противно меня видѣть,—скажите. Я уйду. Только, ради Бога, не волнуйтесь!.. Всякое малѣйшее волненіе вредно вамъ. Я уйду. Только-бъ вамъ было хорошо, спокойно .. Я пришлю на свое мѣсто—другую.

Плотно забинтованная голова откинулась на подушки. Въ глазахъ еще не прошелъ недоумѣнный испугъ.

— Неужели это вы? Быть не можетъ! Или это чудо, или я съ ума схожу... Вы, Ванда, вы, здѣсь? Объясните же мнѣ, ради Бога?—его шопотъ переходилъ въ какое-то нетерпѣливое хрипѣніе.

— Потомъ, потомъ все скажу. Молчите! Вамъ нельзя говорить...

Онъ сдѣлалъ какое-то зовущее движеніе рукой, жадно вздохнулъ, но уже смыкались вѣки. Шевельнулись губы, но не было звука...

На другое утро, придя въ себя, Максимовъ увидѣлъ другую сестру милосердія у своего изголовья, крупную блондинку. Неужели это былъ бредъ? Онъ спросилъ:

— А ночью вы дежурили?

— Нѣтъ, ночью была пани Ливинская...

Максимовъ удивилъ сестру своимъ требованіемъ:

— Ради Бога, сію же минуту попросите ее ко мнѣ!.. Скажите, что я очень желаю ее видѣть. Прошу васъ!..

— Пани Ливинская будетъ къ двумъ часамъ дня. Я смѣнила ее на разсвѣтѣ. Она ушла отдохнуть.

— Но лишь только она вернется, вы скажите ей! Будьте добры!

Его мучило сознаніе безсилія прикованнаго къ постели человѣка. Хотѣлось встать, двигаться, самому скорѣе найти Ванду. Тамъ, въ Петербургѣ, онъ долго томился своей неудачной любовью. А потомъ нахлынули событія, и въ переживаніяхъ войны, которая увлекла его, тускнѣлъ и блѣднѣлъ образъ Ливинской. Онъ думалъ,—она умерла для него навсегда. И примирился уже съ этой мыслью. И вотъ вдругъ она, живая, яркая, до боли, до сумасшествія яркая, очутилась возлѣ него. И заглохшее, заслоненное другимъ, властнымъ, могучимъ, стихійнымъ, — чувство проснулось вновь...

Не успѣла Ванда оправиться отъ внезапной встрѣчи съ Максимовымъ, какъ нежданно-негаданно свалилась новая встрѣча...

На зарѣ Ванда вернулась изъ госпиталя въ гостиницу. Тихонько, на цыпочкахъ, боясь разбудить Елабужскую, раздѣлась, легла. Долго не смыкались глаза, и только бѣлымъ днемъ забылась она, сломленная усталостью. И когда проснулась, — Аниты уже не было. Шелъ первый часъ. Ванда торопливо одѣлась и въ своемъ гладкомъ аскетическомъ одѣяніи сестры милосердія, съ крестомъ на груди, вышла въ свѣтлый, съ ковромъ во всю длину, коридоръ. Человѣкъ, съ которымъ она столкнулась лицомъ къ лицу, былъ господинъ фонъ-Юстіусъ, одѣтый санитаромъ.

Августъ Вильгельмовичъ остановился, выпятивъ животъ и сощуривъ свиные глазки.

— Но кого я вижу! Мадамъ Ливинская, n'est-ce pas?

Ванда вздрогнула, отшатнулась и, кое-какъ овладѣвъ

собою, хотѣла пройти мимо. Но не таковскій былъ Августъ Вильгельмовичъ, чтобъ упустить случай припомнить старые счеты. И онъ окликнулъ:

— Фуй, это не хорошо, мадамъ Ливинская! Вы убѣгаете отъ старыхъ знакомыхъ. А теперь я есть до нѣкоторой степени ваше начальство. Во всякомъ случаѣ мы—коллеги...

Она осмотрѣлась. Поблизости не было никого, и только въ дальнемъ концѣ сидѣла горничная въ бѣломъ чепчикѣ. Ванда вернулась къ Августу Вильгельмовичу и со злобою и въ голосѣ и во взглядѣ спросила:

— Что вамъ отъ меня нужно?

— Что мнѣ нужно? Я долженъ съ вами немножко говорить. Но здѣсь неудобно, вы заходите въ мой номеръ.

— Я никуда не пойду!

— Нѣтъ, вы пойдете, потому что у насъ есть старые счеты, и у меня здѣсь съ собою ваши векселя. И потомъ я не такой-же опасный человѣкъ...

Когда они очутились вдвоемъ въ его комнатѣ, съ Августа Вильгельмовича мигомъ слетѣла маска вульгарнаго добродушія. Онъ затопалъ ногами, сжалъ свои пухлые кулаки.

— Какъ вы смѣли убѣгать? Какъ вы смѣли такъ нечестно поступить со мной, съ человѣкомъ, который вытаскивалъ васъ изъ грязи?

Если прежде онъ обращался съ нею, какъ плантаторъ, оралъ и топалъ, теперь передъ нимъ была другая Ливинская.

— Какъ вы смѣете кричать на меня! Вы — предатель! Мнѣ стоитъ донести на васъ, и вмѣсто этихъ петлицъ— вы живо получите петлю на шею!..

Такого отпора фонъ-Юстіусъ не ожидалъ. Его упитанное розовое лицо побагровѣло.

— Вамъ никто не вѣритъ. Вы есть авантюристка! Если

вы на меня доносите, я показываю векселя и говорю, за что я вамъ платилъ деньги.

— Сколько вамъ угодно!.. Не запугивайте меня вашими векселями! Если на то пошло, я сознаюсь во всемъ чистосердечно. «Да, я служила у него по глупости, по легкомыслію, но я ничего не сдѣлала во вредъ Россіи. А когда убѣдилась, что отъ меня требуютъ подлости, я убѣжала». Такъ и скажу! И хотѣла бы я посмотрѣть, кто изъ насъ больше пострадаетъ? Себя не пожалѣю, но и васъ утоплю!..

— Тише вы, не кричите, насъ могутъ услышать!— терялъ подъ собою почву Августъ Вильгельмовичъ.

— Пусть! Я ничего не боюсь. Меня давитъ камнемъ весь этотъ кошмаръ!.. Довольно съ меня! Прошу оставить меня въ покоѣ и забыть о моемъ существованіи. Проклятый!..

— Но мы не будемъ такъ горячиться. Мы будемъ хладнокровно обсуждать ситуацію. Я — человѣкъ добрый, незлопамятный, и мы можемъ столковаться. Я готовъ принимать васъ обратно къ себѣ на службу. У меня есть одно очень большое для васъ дѣло...

Ливинская готова была броситься на него, вся негодующая, полная презрѣнія къ этому господину съ шашкой и револьверомъ.

— Какъ вы смѣете предлагать мнѣ какую-то новую подлость?.. Да поймите же вы, что я васъ ненавижу! Я ненавижу всю вашу подлую Германію... Ненавижу, какъ только можетъ ненавидѣть полька!

Августъ Вильгельмовичъ невольно попятился. Эта женщина съ холоднымъ, неподвижнымъ безуміемъ въ глазахъ, гипнотизировала его своей ненавистью.

Раздался стукъ въ дверь. Громкій, безцеремонный.

Августъ Вильгельмовичъ съежился...

— Кто тамъ?

— Отворы! — послышался изъ-за двери гортанный голосъ.

Августъ Вильгельмовичъ дрожащей рукой повернулъ ключъ. На порогѣ стояли два осетина въ косматыхъ папахахъ, въ черкескахъ, съ кинжалами и шашками въ кавказскомъ серебрѣ.

— Ты Юстыусъ? — тыча въ Августа Вильгельмовича пальцемъ, спросилъ бородатый осетинъ постарше, съ Георгіемъ на груди.

— Я есть господинъ фонъ-Юстіусъ, — прерывающимся голосомъ отвѣтилъ Августъ Вильгельмовичъ.

— Ходы со мной!

— Куда, зачѣмъ, на какомъ основаніи?

— Узнаешъ куда! Въ штабъ капытанъ требуетъ...

Горбоносый бородачъ вошелъ въ комнату и увидѣлъ Ливинскую.

— Сестрица, уходи отсюда. Запирать номеръ будемъ. Уходи, сестрица!

Ванда выскользнула мгновенно. Очевидно, Юстіусъ разоблаченъ, маска сорвана, и слава Богу, что и она не задержана за компанію съ этимъ негодяемъ.

Растерянный, чуя всякія бѣды и ужасы, Августъ Вильгельмовичъ кинулся къ письменному столу. Но бородачъ въ папахѣ цѣпкими пальцами схватилъ его за руку.

— Нэ смэй!..

Онъ вывелъ Юстіуса въ коридоръ, заперъ дверь, сунулъ ключъ въ карманъ, а у двери оставилъ дежурить молодого, съ тонкой таліей, осетина, бросивъ ему нѣсколько словъ на своемъ языкѣ.

Августъ Вильгельмовичъ въ казенномъ автомобилѣ былъ доставленъ въ штабъ. Но не у главнаго подъѣзда остановилась машина. Солдатъ-шофферъ въѣхалъ во дворъ, и осетинъ, ухвативъ фонъ-Юстіуса за локоть, поднялся съ нимъ въ третій этажъ по узкой стоптанной лѣстницѣ. Въ первой комнатѣ безъ всякой мебели толпились какіе-то люди. На стѣнахъ висѣли гигантскія карты. На полу—

связанныя кипы какого-то печатнаго матеріала. Дверь въ одну комнату была плотно притворена, другая, противъ нея—распахнута, и доносился стукъ пишущей машины. Два кавказца въ тонкихъ чувякахъ неслышной походкою хищниковъ измѣряли первую пустую комнату по діагонали. А неопредѣленная публика потертаго вида жалась къ дверямъ...

— Далажи капытану, привелъ, гавори,—обратился осетинъ къ тоненькому, золотушному, напомаженному, въ синемъ пиджачкѣ юношѣ, по внѣшности—писцу. Онъ вышелъ изъ той комнаты, откуда продолжалъ доноситься стукъ пишущей машины. Напомаженный юноша ударилъ согнутымъ пальцемъ въ дверь. Постоялъ... Еще разъ стукнулъ. И когда получился отвѣтъ, онъ сказалъ осетину:

— Можно...

Бородачъ потащилъ за собою Августа Вильгельмовича.

21.

Часъ расплаты.

За письменнымъ столомъ сидѣлъ капитанъ генеральнаго штаба. Онъ что-то писалъ, наклонивъ свою черноволосую голову, и бѣлый аксельбантъ, свѣсившись, касался бумаги. Поодаль, вытянувшись съ повадкою слуги хорошаго господскаго дома, стоялъ пожилой сѣдоусый лакей польскаго типа, худой, костистый и горбоносый. На немъ—осеннее пальто, застегнутое до горла, поношенное, въ пятнахъ, однако изъ дорогого когда-то драпа, хорошо сшитое и, пожалуй, съ панскаго плеча.

Капитанъ крупнымъ почеркомъ своимъ исписывалъ страницу за страницей, а сѣдоусый человѣкъ терпѣливо ждалъ. Лакейская служба учитъ терпѣнію. И этотъ самый лакей въ до горла застегнутомъ пальто, навѣрное долгими ночами дремалъ гдѣ-нибудь въ швейцарской, одѣтый въ

ливрею и въ цилиндрѣ съ кокардой, пока его господа беззаботно веселились въ гостяхъ.

Капитанъ генеральнаго штаба въ этой самой комнатѣ работалъ и жилъ какой-то бивуачной походной жизнью. Кровать, кое-какъ прибранная, завалена была книгами и газетами. На подоконникѣ — остывшій самоваръ, хлѣбъ, сыръ и масло. И тутъ же германскій, зазубренный пилою, штыкъ. Къ одной изъ стѣнъ прислонились винтовки, австрійская, германская и наша. Среди бумагъ на письменномъ столѣ, тамъ и сямъ, лежали револьверныя и винтовочныя обоймы. На стѣнѣ висѣла трехверстная карта Восточной Пруссіи и Царства Польскаго.

Капитанъ кончилъ писать и откинулся на спинку стула, уставившись энергичными карими глазами на человѣка въ драповомъ пальто.

— Эти свѣдѣнія, которыя вы сообщали, имѣютъ для насъ значеніе. Видимо, вы человѣкъ толковый, и на васъ можно положиться.

— Пане пулковнику, у меня такая злость противъ этихъ драней—нѣмцевъ, что я, дали Бугъ, не пожалѣю своей жизни, абы имъ нашкодить!

Постучали въ дверь. Капитанъ не обратилъ вниманія и задалъ еще какой-то вопросъ вытянувшемуся передъ нимъ человѣку. Стукъ повторился, и офицеръ генеральнаго штаба отвѣтилъ короткимъ—„да, да!..“

Открылась дверь. Осетинъ протолкнулъ фонъ-Юстіуса, и вслѣдъ за нимъ вошелъ самъ.

Августъ Вильгельмовичъ, увидѣвъ сѣдоусаго старика, котораго никакъ не ожидалъ здѣсь встрѣтить, сразу осѣлъ.

Капитанъ обратился къ осетину.

— Комнату его закрылъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе. Запиралъ и ключъ бралъ.

Бородачъ положилъ передъ капитаномъ ключъ, большой, тяжелый, съ бронзовымъ сплошнымъ ушкомъ и цифрою на немъ.

— Охраненіе поставилъ?

— Такъ точно. Абадзіевъ стаитъ.

Капитанъ обратился къ Августу Вильгельмовичу:

— Ваша фамилія Юстіусъ? Вы состоите въ двойномъ подданствѣ, русскомъ и германскомъ?

Августъ Вильгельмовичъ, замявшись, что-то пробормоталъ.

— Вы знаете этого человѣка?

Фонъ-Юстіусъ бросилъ косой, опасливый взглядъ на застегнутое до горла пальто.

— Нѣтъ, не знаю. Я ничего не знаю! Я есть официальное лицо по санитарному вѣдомству, и почему такой грубый арестъ? Я могу протестовать!..

— Протестуйте, сколько вамъ угодно, это—ваше неотъемлемое право. А пока потрудитесь отвѣчать мнѣ на вопросы. Итакъ, вы не знаете этого человѣка, бывшаго всего нѣсколько дней назадъ камердинеромъ помѣщика Сандерса?

— Я никогда не обращаю вниманіе на слугъ.

— А вотъ слуги обращаютъ на васъ вниманіе. Іосифъ Домбровскій, повторите, что вы знаете о Юстіусѣ?

— Панъ Юстіусъ есть нѣмецкій шпіегъ. Все время, какъ онъ жилъ у пана Сандерса, онъ телефоновалъ по секретному телефону до нѣмецкихъ позицій. И онъ все имъ объяснялъ. И гдѣ наши окопы, и гдѣ наша артиллерія, и сколько войска, и куда направлять огонь. А когда панъ Максимовъ упалъ съ аэроплана и былъ раненый, то панъ Юстіусъ переодѣлъ одного нѣмца за жида, нацѣпилъ ему пейсы, надѣлъ лапсердакъ, и чтобы этотъ нѣмецъ переодѣтый за жида взялъ бомбы и принесъ до габинету пана Сандерса. И въ тотъ часъ панъ Юстіусъ уѣхалъ до Вар-

шавы. А я сказалъ про то русскому офицеру, то этого человѣка зловили, отобрали отъ него бомбы. А когда сорвали съ него пейсы и бороду, то онъ оказался нѣмецъ. Больше я ничего не знаю...

— Довольно и этого,—улыбнулся капитанъ однѣми губами. Глаза оставались холодными и строгими.—Итакъ, Юстіусъ, что вы можете возразить на все это?

Августъ Вильгельмовичъ какъ-то жалостливо развелъ руками.

— Я не знаю. Я никому не телефонировалъ, никого не переодѣвалъ въ еврея. Это есть все нахальная ложь!..

— Ты лжешь, швабскій песъ, а не я! Все, что я сказалъ, чистая правда! Я слѣдилъ за каждымъ твоимъ шагомъ, пся кревъ! — вскипѣлъ старикъ, бросая злобные взглядъ на Августа Вильгельмовича.

— Успокойтесь, Домбровскій. Не надо бранныхъ словъ!—остановилъ капитанъ и обратился къ осетину:

— Коліевъ, ты его обезоружишь тамъ, снимешь револьверъ и шашку и свезешь въ цитадель.

Фонъ-Юстіусъ увидѣлъ, что все проиграно, забѣгали въ тревогѣ и смятеніи поросячьи глазки.

— Господинъ офицеръ! Я—солидный и благородный человѣкъ... У меня репутація... Меня знаютъ въ Петроградѣ особы съ виднымъ положеніемъ. Я есть лойяльный гражданинъ. Я жертвовалъ крупную сумму...

— Довольно! Уведи его, Коліевъ, въ цитадель. А вы, Домбровскій, останьтесь. Вы мнѣ нужны еще. Да смотри, Коліевъ, въ оба, чтобъ дорогою онъ не смѣлъ ничего вынуть изъ кармановъ, уничтожить. Ни съ кѣмъ бы не разговаривалъ! Въ цитаделѣ его обыщутъ. Повезешь въ закрытомъ автомобилѣ. И возьми съ собою еще одного всадника...

Августъ Вильгельмовичъ былъ слишкомъ опытенъ и остороженъ для того, чтобъ обыскъ, произведенный въ его

номерѣ, могъ дать прямыя, уничтожающія улики. Но, во всякомъ случаѣ, результаты обыска скорѣе сгустили тучи надъ головою фонъ-Юстіуса, чѣмъ разсѣяли ихъ. Найдено было нѣсколько записочекъ съ невиннымъ на первый взглядъ, а въ сущности, весьма и весьма подозрительнымъ, содержаніемъ. Можно было подумать, что вся корреспонденція Августа Вильгельмовича заключается лишь въ одномъ полученіи всевозможныхъ поклоновъ. Ему кланялись дяди, тети, кузины, сестры, племянники, и кто ему только не кланялся? Слишкомъ много поклоновъ! И при этомъ, сплошь да рядомъ вопросъ, когда же наконецъ онъ доставитъ хоть одного «кругленькаго пупсика съ этакой вкусной начинкой»?

Показалось еще болѣе страннымъ, зачѣмъ такому въ высшей степени штатскому человѣку и санитару, хотя и одной изъ высшихъ степеней, какъ Августъ Вильгельмовичъ, зачѣмъ ему такія подробныя, вдобавокъ изданныя прусскимъ генеральнымъ штабомъ, карты театра военныхъ дѣйствій? Но что вызывало на серьезныя размышленія,— это найденный у него подробнѣйшій планъ Варшавы съ ея окрестностями, съ обозначеніемъ не только главнѣйшихъ мостовъ черезъ Вислу, но и маленькихъ—черезъ небольшія рѣки и даже ручьи. Броды, и тѣ были указаны. Вдобавокъ планъ этотъ не былъ печатный, а исполненный отъ руки и чрезвычайно искусно, умѣло и тонко расцвѣченный акварелью.

Этотъ планъ вмѣстѣ съ показаніями Домбровскаго рѣшилъ участь фонъ-Юстіуса.

Въ засѣданіи суда фонъ-Юстіусъ то унижался и плакалъ, падая на колѣни, то въ безуміи припертаго къ стѣнѣ отчаянія, изступленно грозилъ своими петроградскими связями... Но ни униженія, ни угрозы не спасли Августа Вильгельмовича. И за всѣ его грѣхи воздано было ему только по заслугамъ...

Задержаніе уличеннаго въ предательствѣ Августа Вильгельмовича сперва охватило Ливинскую чувствомъ радости. Неужели судьба повернулась къ ней лицомъ и властной рукой своею убираетъ съ ея пути человѣка, сдѣлавшаго ей столько зла? Но, вспомнивъ о неминуемомъ обыскѣ у фонъ-Юстіуса, Ванда застыла отъ ужаса. Ея злосчастные векселя! Что, если ихъ найдутъ у него и потребуютъ объясненія? Да и требовать не придется. Самъ фонъ-Юстіусъ не будетъ молчать. И съ наслажденіемъ заодно вмѣстѣ съ собою попытается погубить и ее.

Но, по счастью, обыскъ въ Варшавѣ и на петроградской квартирѣ Августа Вильгельмовича, произведенный по телеграфу, не обнаружилъ никакихъ векселей. Еще до войны Августъ Вильгельмовичъ переслалъ ихъ въ Германію, какъ оправдательные документы въ расходованіи отпускаемыхъ ему берлинскимъ развѣдочнымъ бюро суммъ. И, пугая векселями Ванду за нѣсколько минутъ до своего ареста, фонъ-Юстіусъ просто шантажировалъ ускользавшую отъ него жертву.

Только черезъ два дня, узнавъ, что Августъ Вильгельмовичъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ—успокоилась Ванда, сказавъ сама себѣ, что начинаетъ вѣрить въ судьбу.

Выйдя изъ гостиницы, Ванда перешла на другую сторону улицы и стала ждать. Ждать пришлось недолго. Она видѣла, какъ вышелъ и усаживалъ въ моторъ Августа Вильгельмовича бородатый осетинъ. Видѣла изумленіе всѣхъ окружающихъ. Всѣ эти сбѣжавшіеся портье, швейцары и мальчики глазамъ не вѣрили. Такой солидный постоялецъ, занимавшій дорогой номеръ, щедро швырявшій на чаи, и вдругъ арестованъ, и дикаго вида кавказецъ самымъ непочтительнымъ образомъ тащитъ за собою это тяжелое, упирающееся тѣло въ формѣ, съ шашкою и револьверомъ.

Ливинская тихо, съ опущенной головою, направилась въ госпиталь. Ахъ, если бы этотъ путь былъ безконечный!

Ее страшила встрѣча съ Максимовымъ. Что она скажетъ ему, что отвѣтитъ на вопросы, какими глазами будетъ смотрѣть въ его открытые, честные, любящіе глаза? Вотъ что терзало ее. Но довольно хитрости и лукавства, довольно! Прямой дорогою пойдетъ она отнынѣ, если бъ эта дорога привела ее даже къ гибели. И она откроетъ ему все, все, безъ малѣйшей утайки. Но не сейчасъ. Сейчасъ ея откровенность способна убить его. Потомъ, когда ему будетъ лучше и онъ совершенно оправится.

Въ широкомъ, свѣтломъ и длинномъ коридорѣ Ливинскую встрѣтила полная блондинка во всемъ бѣломъ.

— Пани Ливинская, этотъ офицеръ уже нѣсколько разъ спрашивалъ васъ. Непремѣнно хочетъ видѣть поскорѣе.

— Что съ нимъ? Хуже?

— Нѣтъ, состояніе прежнее. И даже температура какъ будто упала. Докторъ Кіевскій говоритъ, что за всю свою практику не встрѣчалъ еще такого могучаго организма. Но идите же къ нему. Съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждетъ васъ! Можно подумать, что онъ влюбленъ. Если такъ, то у него хорошій вкусъ.

— Не говорите глупостей, пани Вишневская,—оборвала ее Ванда.—Не время и не мѣсто. А какъ тѣ остальные, князь и еще два?

— Они вышли въ курительную. И княгиня вмѣстѣ съ ними. .

У Ванды отлегло. Встрѣча произойдетъ безъ свидѣтелей.

И съ забившимся сердцемъ открыла она дверь офицерской палаты. Максимовъ не отрывалъ глазъ отъ этой двери, ожидая появленія Ванды. И вотъ наконецъ она. Максимовъ протянулъ къ ней руку.

— До чего я ждалъ васъ, если бъ вы знали!

Она молча сѣла у изголовья.

— Дайте же вашу руку поцѣловать!

— Я должна цѣловать ваши руки! Бога ради, обѣщайте мнѣ быть послушнымъ, спокойнымъ и не волноваться. Иначе вы меня не увидите до вашего полнаго выздоровленія.

— Ну, хорошо,—улыбнулся онъ кротко.—Я буду послушенъ. И развѣ я не слушался васъ тамъ, на Стремянной? Господи, вѣдь это же сказка, сказка, ставшая чудной явью. Я лежу здѣсь въ Варшавѣ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій, и вы, вы около меня! Мнѣ остается благословлять и мою аварію и эти двѣ нѣмецкія пули. Я счастливъ, что этой цѣною...

— Не говорите такъ много, прошу васъ!—И она съ мольбою коснулась его руки.—Иначе я уйду.

— Тогда я сорву всѣ свои повязки...

— Вы сумасшедшій!..

— Нѣтъ, я не сумасшедшій. Я люблю васъ!..

Голоса, шаги. Ванда приложила палецъ къ губамъ. Сказала шопотомъ:

— Идутъ! Это князь съ товарищами. Я не хотѣла бы при нихъ... Вы—раненый, я—ваша сидѣлка. Понимаете?...

— Хорошо, милая, прекрасная, хорошо!

Вошли Елабужскій, Имшинъ и Огліо, всѣ въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ. И съ ними жена Дмитрія.

Кавалеристы подошли къ Максимову.

— Какъ вы себя чувствуете?

— Благодарю васъ. Меня ничто не беретъ, оказывается. А вы, господа?..

— Что мы, конфузъ одинъ,—тряхнулъ своей курчавой головой маленькій Огліо.—Вы, капитанъ, для насъ живое угрызеніе совѣсти. Если бъ мы не дорожили такимъ сосѣдствомъ, честное слово, попросились бы отсюда. Человѣка продырявили въ двухъ мѣстахъ, еще аэропланъ свалился на него... Это я понимаю! Есть отъ чего отлеживаться. А мы? Наши мѣста опять на позиціяхъ.

— И мы уѣдемъ,—подхватилъ Елабужскій:—черезъ нѣсколько дней. Я, напримѣръ, если бъ не жена,—ни за что не легъ бы сюда. Огліо правъ. Стыдно!

Онъ встрѣтилъ взглядъ Аниты, полный глубокой, проникновенной любви и безконечно нѣжнаго упрека.

Дмитрій взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

И она поняла его нѣжное извиненіе, и опущенные вѣки какъ-то вдругъ погасили тревогу всего прекраснаго лица и глазъ. И было въ этомъ что-то милое, мягкое, застѣнчивое, дышащее плѣнительной женственностью. И такое недоговоренное, въ поэтическихъ полутонахъ, какъ въ первые дни близости ихъ, еще тамъ, подъ теплымъ, прозрачнымъ небомъ Турціи ..

22.

Вольные стрѣлки.

Болесь Малевичъ, уроженецъ Калишской губерніи, былъ высокъ, плечистъ и силенъ. По крайней мѣрѣ, на винокуренномъ заводѣ подъ Кіевомъ, гдѣ онъ работалъ, никто не могъ взять въ обѣ руки по мѣшку съ хлѣбомъ, въ каждомъ, безъ малаго, пять пудовъ и подняться съ ними вверхъ по деревянной лѣстницѣ завода. Никто, кромѣ Болеся. У него была ясная простая любовь ко всему окружающему, любовь парня, которому силы, здоровья и молодости отпущено Господомъ Богомъ—уголъ непочатый. Онъ любилъ и себя, и свое мускулистое тѣло и яркое солнце. Любилъ родную халупу въ Калишской губерніи, гдѣ имѣлъ отца съ матерью, младшаго брата и двухъ сестеръ. Любилъ ходить въ костелъ и цѣловать ксендза въ руку. Словомъ, этотъ, чуть ли не саженнаго роста, хлопецъ былъ добрый труженикъ, добрый сынъ и добрый христіанинъ-католикъ.

И вотъ началась война. И уже всякіе вѣсти и слухи приходили на винокурню. А черезъ недѣлю и само вино-

куреніе прекратилось. И всѣхъ рабочихъ, за ненадобностью распустили, кто куда хочетъ.

И въ этотъ-же самый день Болесю пришло письмо изъ дому. Писалъ отецъ крупнымъ, неувѣреннымъ и уже старческимъ почеркомъ. И, конечно, при этомъ надѣвалъ большіе очки, въ мѣдной оправѣ. Тревожное письмо. Нѣмцы хозяйничаютъ въ губерніи, убиваютъ невиныхъ людей, жгутъ села, оскверняютъ святые костелы. Въ родныхъ Тхорахъ, пока еще, благодареніе Пречистой Дѣвѣ Маріи— тихо. Но это предъ грозою. Въ Тхорахъ уже побывалъ разъѣздъ прусскихъ уланъ. Они пронеслись галопомъ по деревнѣ, раздавили свинью, собаку и дурачка Стася.

Съ этого письма никто не видѣлъ Болеся Малевича изъ Тхоръ улыбающимся. Онъ собралъ всѣ свои пожитки въ синій сундучекъ и уѣхалъ.

Ждать приходилось часами на станціяхъ,—на пересадкахъ и въ чистомъ полѣ. Обгоняло и шло навстрѣчу, видимо невидимо, воинскихъ и санитарныхъ поѣздовъ. Дорогою приходилось хлопцу бесѣдовать съ поляками изъ раненыхъ солдатъ. И всѣ они, на чемъ свѣтъ стоитъ, бранили нѣмцевъ, осуждая ихъ звѣрства. На шестыя сутки поѣздъ прибылъ на конечную станцію. Дальше не ходитъ «колея». Дальше—нѣмцы. Болесъ нанялъ подводу. Сдѣлали верстъ пятнадцать, а тамъ и мужикъ, хозяинъ лошадей и подводы, отказался ѣхать. Онъ не о двухъ головахъ. Попадешь къ швабамъ въ лапы, мало-ли какія могутъ учинить пакости? И прежде всего, конечно, заберутъ себѣ лошадей.

Болесь взвалилъ на спину синій сундучекъ и двинулся пѣшкомъ. Въ обычное время дорога отличалась оживленностью. Ѣхали, шли. Теперь никого, ни души. Вымерло все! Кругомъ, послѣ осеннихъ дождей, гнилъ въ копнахъ неубранный хлѣбъ. Вотъ вѣтряная мельница Яна Домбровскаго. Но хотя вѣтеръ холодный, студеный гуляетъ во всю—молчатъ крылья. Это не сулило ничего, хорошаго. Но

то, что Болесь увидѣлъ дальше, превозошло всѣ его сомнѣнія. На мѣстѣ родной хаты—еще неостывшее курево пожарища. И только обуглившійся остовъ трубы торчалъ неуютно и голо средь пепла, обгорѣвшихъ балокъ и бревенъ. Вотъ и все. Ни отца, ни матери, ни сестеръ, ни брата. И никто не могъ сказать ему, гдѣ они и что съ ними? Выгорѣла вся деревня и не осталось ни одной живой души. Болесь заплакалъ. И такимъ ненужнымъ казался ему его синій сундучекъ, въ которомъ онъ несъ дешевые, немудреные подарки.

И когда онъ выплакался и осенній вѣтеръ высушилъ его слезы, душа его накопила великую злобу противъ тѣхъ, кто спалилъ его родное гнѣздо. Но не оставаться же на пожарищѣ. И онъ вмѣстѣ съ синимъ сундучкомъ побрелъ въ сосѣднюю, въ двухъ верстахъ деревню. Тамъ нѣсколько хатъ все-же уцѣлѣло. Увидѣлъ онъ знакомыхъ людей, убитыхъ несчастьемъ и горемъ. И всѣ въ одинъ голосъ твердили, что лучше погибнуть отъ швабскихъ пуль и штыковъ и самимъ убивать нѣмцевъ, какъ собакъ бѣшеныхъ, чѣмъ сидѣть, сложа руки и ждать, пока они пріѣдутъ, разграбятъ, обезчестятъ женщинъ и дѣвушекъ и сожгутъ все, до тла. И больше всѣхъ кипѣлъ жаждою мести старикъ Якубъ Ковальскій, однорукій ветеранъ еще русско-турецкой войны. И съ бѣшенымъ проклятіемъ грозилъ онъ туда, по направленію къ Калишу, своей единственной правой рукой.

И повели Болеся Малевича изъ Тхоръ въ ближній лѣсъ и показали деревья, на которомъ вѣшали крестьянъ пруссаки.

А ближайшей ночью въ этомъ же самомъ лѣсу, возлѣ дороги засѣло, съ дубинами, косами и желѣзными вилами пять человѣкъ: безрукій солдатъ, Болесь и трое такихъ же, какъ онъ, обездоленныхъ, осиротѣвшихъ. И тамъ, гдѣ они засѣли, повалено было нѣсколько молодыхъ деревьевъ.

Затаились и ждутъ... Можетъ быть, часъ прошелъ, и два, а, можетъ, и цѣлая вѣчность. До времени ли тутъ, когда сердце,—то бьется шибко, шибко, то замираетъ въ груди? Сильные, рабочіе пальцы сжимаютъ безхитростное оружіе. А кругомъ—тьма кромѣшная. И только вѣтеръ звеняще гудитъ.

Безрукій приникъ ухомъ къ землѣ.

— Ѣдутъ!..

Остальные четверо услышали тихій, приближающійся конскій топотъ.

Старый солдатъ прошелестѣлъ, едва слышно:

— Какъ только наѣдутъ на заставу, сразу выскакивайте и бейте, бейте сначала заднихъ, чтобы ни одинъ изъ этихъ драней не успѣлъ ускакать обратно...

Уже слышно бряцанье сабель о стремена. Уже расплываются во тьмѣ смутными, неопредѣленными пятнами черные силуэты всадниковъ. Уже такъ близко, что слышенъ по лѣсу особенный чуткій на холодѣ, здоровый, лошадиный запахъ. Разъ, два, три, четыре,—семь всадниковъ. Передніе два налетѣли на неожиданное припятствіе и вмѣстѣ съ лошадьми перекувырнулись не успѣвъ даже выругаться. И тотчасъ же пятеро выскочили изъ своей засады и вилами, дубинами и косами давай молотить нѣмцевъ. Били жестоко и сильно. Пуще всѣхъ работалъ здоровенный Болесь. Онъ сыпалъ своей тяжелой и громадной палицею страшные удары. Слишкомъ внезапное было нападеніе. Всадники, падая, кто съ разбитымъ лицомъ, кто съ перешибленной спиной, кто съ погнувшейся надъ проломленнымъ черепомъ каскою,—не успѣвали пустить въ дѣло сабли, не успѣвали вынуть изъ чехла притороченные къ сѣдлу карабины. Лошади фыркали въ этой сумятицѣ, спѣшивая и безъ того валившихся всадниковъ. И когда семеро лежали—одни тихо, другіе со стономъ, мужики сволокли ихъ вмѣстѣ въ одну кучу, а лошадей отвели.

Безрукій зажегъ маленькій огарокъ свѣчи и, защищая мигающій огонекъ пламени отъ вѣтра ладонью, переползая на колѣняхъ отъ одного нѣмца къ другому, засматривалъ имъ въ лица. Все это былъ видный и рослый народъ, въ формѣ саксонскихъ драгунъ. Среди нихъ офицеръ-блондинъ, съ безумными отъ страха глазами и раздробленнымъ, окровавленнымъ подбородкомъ, отвисшимъ такъ, что офицеръ не могъ вымолвить ни слова и только пытался глотать воздухъ... Наклонившись къ нему съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ ветеранъ бросилъ ему:

— Это тебѣ за то, швабская сволочь!.. За все: за то, что вы сжигаете наши хаты, вѣшаете насъ на деревья и насилуете нашихъ женъ и дѣтей. И сами на этихъ соснахъ будете болтаться, какъ псы!..

Съ драгунъ сняты были револьверы и сабли. Черезъ нѣсколько минутъ семеро труповъ раскачивалось на деревьяхъ и можно было подумать, что это осенній вѣтеръ приводитъ въ движеніе какіе-то страшные маятники...

Такъ и пошло съ этой ночи.

Это былъ первый партизанскій отрядъ въ занятой и разоряемой нѣмцами Польшѣ. Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли отрядъ выросъ до сорока человѣкъ.

Старый солдатъ обучалъ своихъ хлопцевъ стрѣлять изъ винтовки, колоть штыкомъ, рубить саблей. А многихъ и учить не приходилось. Все больше безработные контрабандисты, народъ отважный и смѣлый, побывавшій во всякихъ передѣлкахъ, искушенный умѣньемъ прятаться, выслѣживать и, если уже нѣтъ другого выхода,—нападать смѣло и дерзко.

Бывали горячія схватки съ пѣшими и конными дозорами непріятеля. Влетало и хлопцамъ. Были среди нихъ и убитые и раненые. Но отрядъ не только не падалъ духомъ, а еще сильнѣе ожесточался. Да и убыль пополнялась новыми охотниками.

Въ двѣ-три недѣли сталъ неузнаваемъ Болесь. Откуда и выправка взялась и какая-то особенная боевая лихость. Въ курткѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, у котораго висѣлъ большой офицерскій «ноганъ», въ круглой шапочкѣ и въ щегольскихъ сапогахъ, снятыхъ съ прусскаго лейтенанта, Болесь напоминалъ заправскаго партизана, «охотника за черепами». Улыбка навсегда покинула его обвѣтренное и какъ-то въ нѣсколько дней возмужавшее лицо. Спаленная горемъ потери цѣлой семьи,—онъ такъ и не зналъ, гдѣ она и что съ нею,—душа Болеся зачерствѣла. Это былъ суровый мститель, не дававшій пощады насильникамъ и грабителямъ въ каскахъ съ острыми шишками, въ синихъ мундирахъ, гусарскихъ венгеркахъ и въ другихъ формахъ, въ которыхъ эти разбойники пришли сюда, незваные, непрошенные.

Справляясь собственными силами съ небольшими, въ нѣсколько человѣкъ, разъѣздами и пѣшими дозорами, хлопцы были въ то же время чрезвычайно полезными развѣдчиками для русскихъ частей и отрядовъ. Незамѣнимы въ этомъ отношеніи были контрабандисты, знавшіе въ лѣсахъ и болотахъ каждую тропинку и, по самой опасной профессіи своей, обладавшіе способностью проползти передъ самымъ непріятельскимъ носомъ. Ихъ развѣдки были цѣнны еще и въ томъ отношеніи, что являясь къ пруссакамъ они давали имъ нарочито ложныя свѣдѣнія о русскихъ силахъ и передвиженіяхъ. Свѣдѣнія, вполнѣ согласовавшіяся съ операціями, задачами и маневрами нашихъ отрядовъ.

Ужъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ онъ выписался изъ варшавскаго госпиталя, Елабужскій временно командовалъ эскадрономъ, взамѣнъ убитыхъ ротмистра и штабсъ-ротмистра. И вмѣстѣ съ нимъ были его друзья Имшинъ и Огліо. Эскадронъ остановился для ночевки въ деревнѣ съ тѣмъ, чтобъ на утро, согласно приказанію штаба полка, двинуться дальше. Елабужскій выслалъ по всѣмъ направле-

ніямъ дозоры. Солдатъ не расквартировали въ деревнѣ, а собрали въ помѣщичьемъ дворѣ. Всѣ лошади—подъ сѣдломъ и только подпруги были ослаблены. Помѣщикъ бѣжалъ со всѣми домочадцами своими въ Варшаву. Спавшія съ тѣла отъ безкормицы лошади отъѣдались овсомъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшимъ отъ реквизиціи германцевъ.

Овса къ счастью, было вдоволь въ закромахъ длиннаго, вросшаго въ землю, амбара.

Панскій домъ представлялъ собою такъ называемый «сломяный палацъ». Въ точномъ переводѣ: «дворецъ, крытый соломой». Комнаты низенькія, съ простымъ убранствомъ, но было уютно и чисто среди неуклюжей старинной мебели и потемнѣвшихъ картинъ слабаго письма.

Два дня и двѣ ночи эскадронъ былъ въ усиленныхъ разъѣздахъ. И офицеры и нижніе чины почти не слѣзали съ лошадей. Кормиться приходилось въ сухомятку, чѣмъ Богъ послалъ. И мудрено ли, что предстоящая ночевка подъ крышею и въ теплѣ, казалась раемъ небеснымъ. Въ столовой шумѣлъ самоваръ. Аппетитно шипѣла только что принесенная изъ кухни яичница на горячей сковородѣ. Офицеры, отстегнувъ шашки, уплетали яичницу за обѣ щеки.

— Вкусно, до чего вкусно!—восхищался Огліо.—Обалдѣть можно! Ни у Кюба, ни у „Медвѣдя“, никогда не ужиналъ съ такимъ аппетитомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ ужинъ, въ особенности для тѣхъ, кто рано обѣдалъ, вѣрнѣе совсѣмъ не обѣдалъ. Шелъ уже девятый часъ и въ окна глядѣла осенняя ночь.

Офицеры пили чай и казалось страннымъ, что горитъ надъ ними лампа. И вотъ есть стаканы, блюдца, ложечки, словомъ, все, какъ у людей. А предыдущую ночь провели на бивуакѣ у опушки лѣса и спали на шинеляхъ. Теперь же къ ихъ услугамъ деревянныя кровати въ помѣщичьей усадьбѣ. Ходили со свѣчами по всему дому, осматривали комнату за комнатой.

— Воображаю, какой кавардакъ учинили бы здѣсь нѣмцы, -- говорилъ Имшинъ, — а между тѣмъ, боязно прикоснуться къ какой-нибудь вещи, сдвинуть стулъ, чудится, что въ каждомъ углу затаились призраки многихъ поколѣній, жившихъ и умиравшихъ въ этомъ домѣ. Эти пузатые комоды, эти жесткіе диваны, все это, навѣрное, помнитъ, какъ проходила армія Наполеона.

Въ гостиной, словно нѣсколько минутъ назадъ оставленная чьей-то рукою, забытая гитара.

— Вотъ сюрпризъ! Въ польскомъ домѣ и гитара! Совсѣмъ не ожидалъ!

Корнетъ подхватилъ гитару и умчался съ нею въ столовую.

И сразу перенесъ Имшина и Елабужскаго въ Петербургъ. И вспомнились искрящіеся холоднымъ виномъ фужэры, столъ съ твердой, бѣлоснѣжной скатертью, залитой моремъ электричества, бритоголовые татаре во фракахъ, за каждымъ словомъ повторявшіе „вася-ся" (ваше сіятельство). И этотъ же самый курчавый и смуглый, съ громадными и темными глазами Огліо. Но не въ походной, оливковаго цвѣта рубахѣ, а въ черномъ, съ серебряными погонами, сюртукѣ, пѣлъ, аккомпанируя себѣ, густымъ рокочущимъ баритономъ.

Разошелся корнетъ. Цыганскіе романсы смѣняли другъ друга и вмѣстѣ съ ними пѣвуче рыдала послушная опытнымъ пальцамъ гитара. И тоска, ноющая тоска выжженныхъ солнцемъ степей смѣнялась чѣмъ-то бѣшенымъ, какимъ-то неудержимымъ вихремъ страсти и любви къ жизни и ея веселью.

Дай, милый другъ,
На счастье руку,
Гитары звукъ
Развѣетъ скуку...

Дѣйствительно, самое мрачное настроеніе могъ развѣять Огліо и своимъ пѣніемъ и своей гитарой. И въ лицѣ его, молодомъ, южномъ, то печальномъ, искаженномъ страданіемъ, то загоравшемся бунтующей, когда и море по колѣно и все — трынъ-трава, удалью, что-то говорило о какой-то горячей крови предковъ Огліо, жившихъ, вѣроятно, подъ другимъ, далекимъ и знойнымъ небомъ.

Елабужскій не сводилъ съ него глазъ, весь подпавшій обаянію этого голоса. Даже Имшинъ, всегда скептически настроенный и всегда говорившій корнету:

— Я за тебя спокоенъ: прогоришь, уйдешь изъ полка, у тебя будетъ кусокъ хлѣба въ шишкинскомъ хорѣ, — даже и онъ заслушался.

Взявъ нѣсколько аккордовъ, стремительныхъ, безумныхъ какими-то властными зовами куда-то въ ширь и просторъ и къ ласкамъ жгучихъ объятій, Огліо вдругъ сразу погасилъ эти звуки ударомъ ладони и обвелъ вокругъ еще неостывшими, горящими глазами. И стало тихо и, казалось еще не умерли эти растаявшіе въ воздухѣ, манящіе зовы...

Огліо бросилъ на столъ зазвенѣвшую гитару, а самъ, порывисто поднявшись, вытянулся молодымъ и крѣпкимъ тѣломъ.

— Какъ хорошо, господа! Какъ хочется жить и какъ много еще впереди! При одной мысли жутко... Ахъ, какъ хорошо! Война... Сколько сильныхъ, новыхъ переживаній. Вѣдь мы не цѣнимъ, поймите, не цѣнимъ того, что намъ выпало!.. Въ исторіи не было ничего подобнаго!.. Ну, скажи Имшинъ, развѣ циклъ наполеоновскихъ войнъ можно сравнить съ тѣмъ, что сейчасъ?

— То были дѣтскія игрушки, — пожалъ плечами поручикъ.

— И какія перспективы! — увлекался Огліо. — Въ концѣ концовъ, мы вступаемъ въ Берлинъ. Этотъ нахальный,

чопорный, безвкусный, тяжеловѣсный Берлинъ. Лошади наши «цокаютъ» по Фридрихштрассе такимъ троттомъ, о которомъ нѣмцы и понятія не имѣютъ. И будутъ смотрѣть на насъ различныя фрау и фрейлейнъ, съ громадными руками и ногами. Какъ это хорошо, господа. И это будетъ, будетъ! Должно быть,—какія же сомнѣнія. Вопросъ лишь когда, черезъ три мѣсяца, или черезъ годъ?..

Въ глубинѣ полутемной передней стукнула дверь, звякнули шпоры и солдатъ-кавалеристъ вытянулся у порога.

— Ваше сіятельство, тамъ двое какихъ-то «вольныхъ»! Говорятъ, хотимъ господъ офицеровъ видѣть. Одинъ безрукій, постарше и съ Егоріемъ. Безпремѣнно,—говоритъ,—по важному дѣлу видѣть надо. И оба, значитъ, съ винтовками—честь честью. Изъ охотниковъ, по всей видимости. Такъ что прикажете позвать, ваше сіятельство?..

— Тащи ихъ сюда!..

— Вѣроятно что-нибудь интересное. Эти партизаны всегда что-нибудь разнюхаютъ...

Черезъ минуту-другую солдатъ привелъ Безрукаго и Болеся. Юношу, какъ на дрожжахъ вынесло за послѣднее время. И такъ хлопецъ громадный, онъ вытянулся въ настоящаго исполина. Безрукій самъ по себѣ человѣкъ росту не малаго, рядомъ съ Болесемъ, терялся. Одѣтъ ветеранъ былъ въ подпоясанную ремнемъ коротенькую, чтобъ не мѣшала, песочнаго цвѣта мужицкую свитку. Зашитый рукавъ лѣвой руки—болтался. И странно было видѣть въ здоровой, единственной рукѣ этого инвалида, съ бритымъ въ сѣдой, колючей щетинѣ, лицомъ, винтовку. На груди висѣлъ георгіевскій крестикъ.

— Я о тебѣ слышалъ, работаете молодцами! Честь вамъ и слава!—молвилъ Елабужскій.—Другой бы на печи сидѣлъ.

— Радъ стараться, ваше благородіе!

— Гдѣ, старина, потерялъ руку?—спросилъ Имшинъ.

— Подъ Плевной, снарядомъ оторвало.

— Что нѣмцевъ лупите?—спросилъ Огліо, съ зажегшимся въ глазахъ любопытствомъ.

— Гдѣ намъ Богъ поможетъ, лупимъ, какъ сидоровыхъ козъ,—отвѣтилъ старикъ съ улыбкой уже не какъ солдатъ, а съ особенной добродушной повадкой стараго польскаго мужика.

— И стрѣляешь?—удивился Огліо.

— А мнѣ и лѣвая помогаетъ, ваше благородіе...

И старикъ наглядно показалъ, какъ именно помогаетъ ему отсутствующая рука. Правой онъ поднялъ ружье за шейку приклада. И странный весь, вдругъ съежившись положилъ винтовку на коротенькую культяпку, на все, что осталось у него отъ лѣвой руки.

— И попадаешь?

Молчавшій до сихъ поръ Болесъ обрѣлъ даръ слова.

— О, нашъ дѣду безъ ошибки палитъ! Въ кого хочешь потрафитъ!

И это было сказано съ такимъ восторгомъ и съ такой непогрѣшимой вѣрою въ искусство „дѣда", что никто не могъ удержаться отъ улыбки.

— Ну и ростъ! Его бы право-фланговыхъ въ Преображенскій полкъ въ роту Его Величества! Почему ты не служишь?

— А мнѣ только двадцатый годъ пошевъ. Еще не призывався.

— А ты очень сильный?

— Брось, Огліо, --перебилъ Елабужскій. — Скорѣй къ дѣлу! Чѣмъ ты насъ порадуешь, старина?

Безрукій обстоятельно разсказалъ слѣдующее:

Въ четырнадцати верстахъ отсюда находится рота саксонской гвардіи съ двумя пулеметами. Нѣмцы знаютъ, что эскадронъ расположился здѣсь въ усадьбѣ, но аттаковать его опасаются. Русскіе, защищенные прикрытіемъ, могутъ перебить у нихъ много людей. Они предпочли бы встрѣчу

въ открытомъ полѣ. Роту необходимо уничтожить и для этого онъ вотъ какую штуку придумалъ. Онъ подослалъ имъ одного изъ своихъ вѣрныхъ хлопцевъ сказать, что сегодняшней ночью эскадронъ двинется походнымъ порядкомъ дальше. Путь лежитъ мимо картофельнаго поля. Нѣмцы всей ротой залягутъ въ картошкѣ, съ двумя пулеметами, въ чаянiи внезапнымъ обстрѣломъ уничтожить русскихъ. Это они такъ думаютъ. А Безрукiй думаетъ другое. Надо ихъ обойти. Онъ поведетъ эскадронъ другой дорогой, напрямки, черезъ поле. Тамъ за полверсты, или больше, можно будетъ спѣшиться, обстрѣлять ихъ и выбить изъ картошки. Швабы не въ состоянiи будутъ использовать своихъ пулеметовъ, изъ боязни лупить по своимъ же. Безрукiй пришелъ сюда сказать объ этомъ. Пришелъ вдвоемъ съ Болесемъ. Остальные же его хлопцы, около тридцати человѣкъ спрятаны въ ложбинѣ, верстахъ въ двухъ отъ картошки. По дорогѣ они присоединятся къ эскадрону и усилятъ его.

— Что же, это чудесно, — воскликнулъ Елабужскiй. — Ваше мнѣнiе, господа?

— Вотъ насыпемъ этимъ паршивцамъ. Такой кавардакъ разведемъ, любо-дорого! — восхищался, горя нетерпѣнiемъ, Оглio.

23.

Ночью.

Эскадронъ, колонною справа по три, выѣхалъ изъ усадьбы. Впереди Безрукiй и Болесъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ, отбитыхъ у нѣмецкихъ драгунъ, показывали дорогу. Ночь была звѣздная, скорѣй темная, чѣмъ свѣтлая. Безрукiй повелъ отрядъ прямо черезъ поле. Рыхлая пахотная земля смѣнялась то мягкимъ болотцемъ, то лугомъ, то сжатыми полосами, съ, какъ щетина торчавшей,

стерной. Были овраги и рытвины. Мелкая кустарная поросль. И эта ночь, и полное бездорожье и предстоящая аттака, все это вмѣстѣ сообщало какое-то повышенное волненіе людямъ, передавалось лошадямъ. Онѣ пофыркивали, прядая ушами, закидывались, встрѣчая на пути кустъ, или межевой столбикъ. Лошади успѣли отдохнуть, подкормиться и на ровныхъ мѣстахъ эскадронъ выгадывалъ время широкой рысью.

Оказалось, Безрукій приготовилъ еще одинъ сюрпризъ.

— У меня есть двѣ куклы, сдѣланныя изъ соломы, куклы въ швабскихъ шинеляхъ. Эти куклы я приказалъ посадить на лошадей. Когда-мы подойдемъ и заляжемъ, хлопцы мои выведутъ ихъ на дорогу, что проходитъ мимо картошки и дадутъ имъ добрыхъ нагаевъ. Нѣмцы подумаютъ, что это вашъ разъѣздъ и зажарятъ изъ пулеметовъ. У нихъ такой обычай. Одного человѣка готовы изъ пулеметовъ обстрѣлять. Изъ винтовокъ пойдутъ жарить. А мы ихъ въ это время съ тылу мокрымъ рядномъ накроемъ...

Елабужскій восхищался находчивостью партизана, обѣщая представить его къ наградѣ и отъ себя лично обезпечить ему остатокъ дней.

— Благодару вамъ, ваше сіятельство. А только бы мнѣ самое главное, какъ бы набить побольше этихъ собакъ, этихъ драней...

Долго ѣхали подъ звѣздами. Впереди круто спускалась внизъ куда-то ложбина. И темными чернильными пятнами тамъ и сямъ неподвижню застыли небольшія деревья. Колонна остановилась. Безрукій тихо свиснулъ. И тотчасъ же, откуда ни возьмись, точно выросло изъ подъ земли нѣсколько фигуръ съ винтовками.

— Владекъ?

— Я, дѣду,—откликнулась одна изъ фигуръ.

— Ну?

— Лежатъ, дѣду, въ картошкѣ.

— Дозоровъ не выставили?

— А хоть бы одного человѣка!

— Скажи, пусть выводятъ коней.

Фигура, называвшаяся Владекомъ, исчезла, точно провалившись. Черезъ минуту вынырнула вновь, уже ведя въ поводу лошадей, съ какими-то нелѣпо, до жуткаго нелѣпо раскачивавшимися во всѣ стороны всадниками. Это и были заготовленныя куклы. Два хлопца, вскочивъ на коней впереди куколъ, двинулись куда-то и сгинули во мракѣ ночи. Офицеры молчали въ изумленіи передъ всѣмъ этимъ. Такъ просто съ виду, кажется. Вотъ они, партизанскія ухищренія! И все росло уваженіе къ Безрукому, въ сѣдой, колючей щетинѣ старику, что ведетъ за собою сто двадцать всадниковъ по какимъ-то буграмъ, безъ малѣйшей тропинки, словно по шоссе и который знаетъ много такого, чего не знаютъ они, образованные, отважные офицеры, уже получившіе кровавое боевое крещеніе.

Мракъ чудился таинственнымъ, шевелящимся, коварнымъ. Словно гдѣ-то, совсѣмъ близко въ этой холодной мглѣ затаились какіе-то подстерегающіе призраки... И эта ложбина, откуда появлялись и гдѣ исчезали человѣческія фигуры съ особенными ночными голосами и безъ лицъ, потому что нельзя было опредѣлить въ двухъ-трехъ шагахъ, что это за люди, мнилась какой-то бездонной пропастью. И такъ всѣ разнервничались изъ страха,—не передъ саксонской гвардіей, залегшей въ картошкѣ, нѣтъ, а передъ этой непроницаемой загадкою ночи и въ незнакомомъ, чужомъ мѣстѣ, что у всѣхъ какъ-то по другому звучали голоса. И тѣмъ это было диковиннѣе, что никто не говорилъ выше осторожнаго шепота. И не изъ страха быть услышаннымъ. Врагъ сравнительно далеко, въ двухъ верстахъ,—а изъ боязни вспугнуть, разбудить эту звѣздную ночь, съ ея непонятными шорохами, безмолвіемъ и густя-

щимся гдѣ-то здѣсь, въ этихъ потемкахъ трепетными призраками.

Вотъ партизаны—чувствовали себя, какъ дома. И не потому, чтобъ они были храбрѣе офицеровъ и солдатъ, вовсе не потому. А просто они были у себя дома. И каждый изъ нихъ, какъ средь бѣла дня, могъ возсоздать всю окружающую мѣстность. И Безрукій и его хлопцы знали тутъ каждую морщинку земли, знали, что на днѣ лощины—глинистый грунтъ и сквозь него просачивается вода.

Вотъ почему спокойнымъ дѣловымъ тономъ хозяйственнаго мужика предложилъ Безрукій.

— А мы бы тутъ коней оставили, а сами пошли бы...

Можно ли сомнѣваться? Разъ онъ говоритъ, значитъ вправду такъ надо.

Елабужскій скомандовалъ спѣшиться. Коноводы, спотыкаясь уводили лошадей въ ложбину.

Спѣшенные люди примкнули къ винтовкамъ штыки, построились въ колону и, дальше. Опять бугры, кочки, хлюпающая подъ ногами водица.

Сбоку эскадрона шагали „хлопцы". И когда Безрукій отрывистымъ шепотомъ коротко сказалъ „тутъ", эскадронъ залегъ цѣпью и вмѣстѣ на лѣвомъ флангѣ залегли и партизаны. Въ какихъ-нибудь восьмистахъ шагахъ въ картофельномъ полѣ съ такимъ же „охотничьимъ" настроеніемъ лежатъ иные люди, одѣтые въ иную форму, говорящіе на иномъ языкѣ.

Ждали,—трудно высчитать, сколько времени ждали. До тѣхъ поръ, пока впереди не послышался конскій топотъ средь нѣмой затаившейся ночи.

И сразу ожила заговорившая ночь. И надъ тѣмъ неопредѣленнымъ и чернымъ, что называлось картофельнымъ полемъ и что можно было отсюда угадать, почувствовать, но не увидѣть, сразу вспыхнуло множество коротенькихъ огненныхъ молній. И вслѣдъ за этимъ посыпались сухіе

залпы. И дружно, вмѣстѣ съ винтовками, заработали пулеметы. Противный звукъ ихъ „така-така-така“, словно частые удары кнута по голенищу, выдѣлялись въ сухой и чеканной ружейной трескотнѣ.

— Пли!—какимъ-то стеганувшимъ звукомъ вырвалось у Елабужскаго.

И цѣпь бросала одинъ за другимъ залпы туда, гдѣ вспыхивали коротенькія молніи. Потомъ бѣжали впередъ, уже не обращая вниманія на кочки, на хлюпающую воду и щетину, старающейся задержать бѣгущихъ, стерны. Опять падали, опять залпъ и опять бѣгутъ. Офицеры впереди съ шашками наголо. Уже совсѣмъ близко вспыхиваютъ молніи огненныхъ змѣекъ, пробѣгая по лакированнымъ каскамъ и погасая.

Ошеломленные неожиданнымъ нападеніемъ, нѣмцы безпорядочно пытались перемѣнить фронтъ. И такъ же безпорядочно, въ разладъ, въ одиночку тѣ, чьи воля и умъ не были окончательно скованы холодной и тяжелой паникой, начали отстрѣливаться. Но даже и болѣе правильный огонь не принесъ бы никакой пользы. Аттакующіе перешли уже въ штыковой ударъ. Тотъ самый русскій штыковой ударъ, котораго не выносили нѣмцы средь бѣла дня, свѣжіе, неразбитые, готовые къ отпору. Теперь же они совсѣмъ растерялись, не зная кто врагъ, откуда явился и какова его сила. И тѣ, кого еще не успѣли зарубить офицерскія шашки и проколоть штыки, уже бросали оружіе, поднимая руки, сдаваясь въ плѣнъ. Партизаны, непривычные къ штыковому бою, дрались прикладами. Громадный казавшійся средь ночи прямо исполинскимъ чудовищемъ, Болесь работалъ своей винтовкой, какъ палицей.

И никто не успѣлъ замѣтить,—до того ли было?—какъ выцвѣли темныя, густыя краски ночи и она поблѣднѣла, переливаясь въ тусклый, сизо-молочный расцвѣтъ. И надъ картофельнымъ полемъ, гдѣ слышались яростные крики и бились люди грудь съ грудью и падали въ крови, клубился

туманъ... И со стороны можно было бы подумать, что это бой какихъ-то косматыхъ, порожденныхъ этимъ предразсвѣтнымъ туманомъ призраковъ, а не живыхъ людей...

Болесь прочищалъ себѣ дорогу къ пулемету, прекратившему безсмысленный обстрѣлъ двухъ промчавшихся „всадниковъ“ и безсильному, безпомощному, вмѣстѣ съ тремя человѣками прислуги. Эти три солдата въ каскахъ обезумѣли, при видѣ ломившагося на нихъ гиганта, какъ тросточкой описывавшаго круги тяжелой винтовкой. Они побросали свои револьверы, не зная что дѣлать,—бѣжать ли, сдаваться ли? И въ гримасѣ животнаго страха и ужаса, блѣдной маскою застыли бѣлобрысыя лица. На мгновенье блеснула мысль пощадить ихъ. Но трудно было остановиться. А, главное, вспомнилъ Болесь сожженную ро́дную хату, вспомнилъ качавшіеся на деревьяхъ мужицкіе трупы, вспомнилъ оскверненные костелы...

Разъ, разъ... И хрустнула новенькая, недавно изъ цейхгауза, твердая каска и вмѣстѣ съ нею хрустнулъ черепъ. Два... Но тутъ Болесь увидѣлъ безусое мальчишеское лицо, одѣтаго, какъ на парадъ лейтенанта. Дымъ и огонь. Болесь успѣлъ схватить изнѣженную руку, державшую револьверъ Неловко схватилъ, такъ неловко для лейтенанта, что сломанная у запястья рука повисла, а юное, безусое лицо исказилось отъ боли. И вслѣдъ за этимъ опустился весь, какъ-то обмякнувъ своимъ громаднымъ тѣломъ Болесь и выронилъ винтовку съ треснувшимъ прикладомъ. Нестерпимо жгло въ боку. Онъ сдѣлалъ усиліе, выпрямился, но тотчасъ же во весь свой гигантскій ростъ упалъ на спину...

Безоружныхъ саксонцевъ согнали въ кучу. Краснолицый вахмистръ Плетенкинъ дѣловито, какъ тамъ у себя на Шпалерной, въ эскадронѣ, считалъ...

И вышло сто семьдесятъ шесть нижнихъ чиновъ съ тремя офицерами. Толстый, съ изряднымъ брюшкомъ и съ растрепанными усами, обыкновенно приученными къ

бинту, капитанъ говорилъ Ёлабужскому на скверномъ французскомъ языкѣ:

— Вы насъ перехитрили. Насъ больше, чѣмъ васъ. А я думалъ, что нападаетъ цѣлый полкъ.

— Цѣлый полкъ на одну роту—это слишкомъ большая роскошь, капитанъ...

Лейтенантъ, плача отъ боли, совсѣмъ по дѣтски, дулъ на свою сломанную руку, нѣжную, какъ у дѣвушки, и съ большимъ изумруднымъ перстнемъ, на тонкомъ пальцѣ.

Уже свѣтало. Среди влажныхъ картофельныхъ кустиковъ, лежали убитые и, приподнимаясь и шевеля руками, —раненые. Два санитара, нашъ и нѣмецкій перевязывали каждый своихъ. Имшинъ въ облѣпленныхъ сырой землей сапогахъ быстро подошелъ къ Елабужскому и, молча схвативъ его подъ руку, увелъ отъ плѣннаго капитана.

— Идемъ...

И оба окаменѣвшими лицами, связъ фуражки, тихо перекрестились. Огліо лежалъ, раскинувъ руки. И тутъ же его шашка съ арабскимъ клинкомъ на которомъ запеклась кровь. Глупая, шальная пуля со слѣпу наугадъ выпущенная какимъ-нибудь испуганнымъ саксонцемъ, угодила ему въ лобъ, у переносицы. Слиплись отъ крови густые, курчавые волосы. И не было ужаса въ большихъ открытыхъ глазахъ, говорившихъ о какой-то нездѣшней, знойной крови и такихъ же далекихъ знойныхъ небесахъ.

Имшинъ и Елабужскій, поднявъ головы, медленно смотрѣли глаза въ глаза и оба вспомнили одно и то же. Вспомнили всего лишь нѣсколько часовъ назадъ бархатный, рокотавшій въ низенькой столовой баритонъ:

Дай, милый другъ, на счастье руку,
Гитары звукъ развѣетъ скуку.

Вспомнили его слова о томъ, какъ хороша жизнь и какъ они троттомъ будутъ выступать по Фридрихштрассе.

Бѣдный Огліо. Вмѣсто тебя въѣдетъ въ Берлинъ кто-нибудь другой и на другого будутъ смотрѣть изъ оконъ различныя фрейлейнъ и фрау съ большими руками и ногами. А ты лежишь неподвижный, холодный, лежишь на осеннемъ картофельномъ полѣ.

Партизаны успѣли раздобыть въ ближайшей деревнѣ подводу для перевезенія тѣла корнета въ усадьбу. На днѣ воза лежалъ накрытый шинелью корнетъ. Санитары успѣли обмыть и рану и голову. Лицо хранило удивительное спокойствіе. Но это не было суровое спокойствіе смерти. Съ такимъ лицомъ засыпаютъ люди, чтобъ проснуться и еще острѣе почувствовать радости жизни.

За возомъ шелъ эскадронъ, а его арріергардъ замыкался плѣнными. Конвоируемые партизанами, саксонцы, убѣдившись, что имъ ничего худого не сдѣлаютъ, но ихъ еще и накормятъ, обрѣли утраченную бодрость духа и почти весело шагали стройной колонной въ своихъ синихъ мундирахъ. Безрукій шелъ съ трубочкой. Его заросшее сѣдой щетиной лицо было мрачно. Не нравилась ему эта канитель. Или, какъ подумалъ онъ, „заварцанье гловы“. Кому, спрашивается, нужны эти плѣнные? Стереги ихъ, корми, няньчись, отправляй куда-то по желѣзной дорогѣ! Не лучше-ль и проще... И онъ вспомнилъ качавшихся на деревьяхъ при сильномъ вѣтрѣ нѣмцевъ. Этакіе негодяи, испортили ему Болеся, который былъ его ближайшей рукой. Ближайшей, въ самомъ прямомъ значеніи слова. Онъ замѣнялъ ему недостающую руку. А теперь Болесъ недѣли на двѣ никуда не годенъ.

Ѣхали уже окольной проселочной дорогой, а не черезъ бугры и болотца. У самой дороги лежали въ громадныхъ лужахъ застывшей крови двѣ лошади съ набитыми соломою куклами. Живого мѣста не было, такъ изрѣшетили павшихъ коней пулеметы.

— Видишь, Дмитрій, сказалъ Имшинъ,—проѣзжая ми-

мо,—какой у нихъ былъ наводчикъ. Попади мы подъ этотъ огонь, изъ всѣхъ насъ получилось бы крошево...

Что же касается нѣмцевъ, видъ этихъ куколъ, которыми ихъ одурачили, привелъ ихъ въ величайшій конфузъ.

— О, мой Богъ, до чего мы влопались!—воскликнулъ толстый капитанъ. И какъ добросовѣстный служака, тотчасъ же отвлекся отъ лошадиныхъ труповъ къ своей колоннѣ, недостаточно, по его мнѣнію, державшей уравненіе.

Надо показать этимъ русскимъ, на какой высотѣ стоитъ маршировка въ германской арміи! И онъ самъ отбивалъ тактъ:

— Эйнъ, цвей, дрей!..

Отбивалъ тактъ, и, небритыя уже четвертый день, щеки его, тряслись.

А кругомъ растилалось ясное и холодное утро. И гдѣ-то невысоко надъ горизонтомъ, надъ подернутой дымкой синевою лѣсовъ, поднималось плоскимъ серебристымъ кругомъ солнце, задернутое такими же серебристыми тучками...

24.

Появленіе Гумберга.

Напролетъ всѣ ночи дежурила Ливинская около быстро поправлявшагося Максимова. Она похудѣла и въ то же время вся закалилась: не брала ея усталость ни физическая, ни духовная. И если бъ ни Анита, уводившая ее днемъ къ себѣ отдохнуть, Ливинская готова была совсѣмъ не смыкать глазъ. Она разжигала себя, мучила сознаніемъ громадной вины передъ Максимовымъ и, какъ могла и умѣла, старалась, себя не щадящимъ, вниманіемъ и уходомъ, искупить прошлое.

Когда Максимовъ оправился, они подолгу говорили въ опустѣвшей офицерской палатѣ. Она разсказала ему все, безъ утайки. И про свою „службу“, и какъ была орудіемъ

Гумберга, и о томъ, какъ заставляли ее вывѣдывать секретъ Максимова. И съ внутренней дрожью холодѣла она вся, думая, что послѣ этихъ признаній онъ отвернется отъ нея съ гадливымъ презрѣніемъ.

Но Максимовъ все понялъ и все простилъ, потому что продолжалъ ее любить.

— Я не вижу здѣсь вашей вины. Вы были несчастной жертвою этихъ мерзавцевъ. И въ томъ, что у васъ хватило воли вырваться изъ этого омута, который могъ васъ втянуть въ себя и погубить окончательно, въ этомъ ваша великая заслуга. Вѣчно новой останется и будетъ евангельская истина, что грѣшникъ, раскаявшійся, цѣннѣе и дороже праведника, никогда не грѣшившаго. Вотъ, если бы вы продолжали оставаться на этой проклятой службѣ, былъ бы двойной ужасъ. Вы не только втоптали бы въ грязь и самое себя и свое достоинство человѣка и женщины, но вы еще явились бы измѣнницей своему народу, потому что, вы видите:—вся Польша, какъ одинъ человѣкъ, встала противъ нѣмцевъ. Развѣ можно служить этимъ варварамъ, которые здѣсь же, черезъ границу, такъ угнетаютъ вашихъ братьевъ?

Максимовъ говорилъ ей «вы», вмѣсто прежняго «ты», подчеркивая этимъ, что онъ ставитъ крестъ на прошломъ. Все, что было,—вычеркнуто. Дурной сонъ сгинулъ, разсѣялся и надо его скорѣе забыть. Онъ хочетъ вновь завоевать ее, чистую, правдивую...

Теперь только можно думать, мечтать. Теперь нѣтъ ни права, ни времени на личное счастье. Потомъ, когда кончится война, оба дружно займутся своей судьбою. И тогда уже навѣки пойдутъ рука объ руку вмѣстѣ...

Максимовъ настолько оправился, что уже выходилъ, и они вмѣстѣ гуляли въ широкихъ, нарядныхъ аллеяхъ. Онъ уже могъ вновь ѣхать въ армію. И нельзя было терять ни минуты. Слишкомъ онъ былъ на виду, и слишкомъ ощути-

тельно было отсутствіе такого опытнаго, безстрашнаго летчика.

Лишь въ минуту разлуки обмолвились они первымъ «ты».

— Безъ тебя здѣсь въ Варшавѣ все сразу станетъ пусто и глухо,—говорила Ванда.—И если бы не княгиня, которую я полюбила всей душою, я не осталась бы здѣсь ни одного дня и уѣхала бы на позиціи съ однимъ изъ летучихъ санитарныхъ отрядовъ. Но я, все равно, уѣду. Здѣсь я только ради тебя оставалась. Здѣсь безъ меня много желающихъ. Настоящая работа для меня—тамъ!

Черезъ нѣсколько дней Ливинская уѣхала въ это манящее, трудное и суровое «туда». Анита обняла ее разставаясь.

— Храни васъ Богъ! Выпадетъ минута свободная,—пишите. А когда вернетесь, я все возможное сдѣлаю, чтобъ устроить вамъ счастливую жизнь.

— Благодарю васъ, княгиня. Вы обласкали меня въ такую минуту, когда я была совсѣмъ-совсѣмъ одинока и сама себѣ казалась какимъ-то полураздавленнымъ, никому ненужнымъ ничтожествомъ. Хотя и теперь лѣзутъ мнѣ въ голову такія же мысли.

— Чтобъ этого больше не было, слышите!—почти приказала Анита со строгимъ лицомъ и съ мягкимъ и нѣжнымъ укоромъ въ глазахъ.—Никакихъ дурныхъ мыслей! Смотрите въ будущее свѣтло, бодро! Я успѣла присмотрѣться къ Максимову. Это чудесный человѣкъ и онъ сумѣетъ васъ сдѣлать счастливой...

Ливинская представляла себѣ и войну и позиціи совершенно иначе. Правда, изъ газетъ,—она жадно читала ихъ,—Ливинская знала, что и самый современный бой и обстановка его давно утратили декоративный и романтическій характеръ минувшихъ сраженій и битвъ. Но все же то, чему свидѣтельницей привелось ей быть, показалось слишкомъ будничнымъ, прозаическимъ,

Красокъ не было. Все сливалось въ одинъ сѣрый тонъ. И сѣрыя осеннія тучи, и сѣрый осенній пейзажъ, и сѣрыя защитныя фигуры солдатъ. Но всѣ эти живыя колонны,—она видѣла ихъ и на походномъ маршѣ, и въ цѣпи, и въ траншеяхъ,—были охвачены отвагою, и сильный духъ жилъ и бился подъ сѣрыми шинелями,—не отличишь солдата отъ офицера. Но опять-таки все это было какое-то застѣнчивое, безъ красокъ, не показное, не кидавшееся въ глаза и поэтому—будничное.

Но такъ думала Ванда до первой крови, до перваго раненаго солдата, упавшаго на вытоптанныхъ сѣрыхъ буграхъ. Ей пришлось вмѣстѣ съ другими сестрами перевязывать его тутъ же. И когда она услышала изъ устъ раненаго осколкомъ шрапнели:

— Сестрица, спасибо, не надо. Спасибо, не уносите меня, родная. Я еще ничего... Возьмите другихъ, кто „потяжелѣй“ меня.

Когда она услышала эти простыя слова, она поняла все величіе духа этихъ людей, умѣющихъ такъ-же спокойно идти въ атаку подъ жесточайшимъ огнемъ, какъ и умирать.

Пѣхотный полкъ, въ тылу котораго находился летучій отрядъ изъ двухъ автомобилей Краснаго Креста, оттягивалъ на себя цѣлую дивизію германцевъ. Правда, наши позиціи на скатахъ пологаго холма были выгоднѣе, но вчетверо большій непріятель, имѣвшій позади себя тяжелую артиллерію, засыпалъ наши окопы снарядами. А тутъ еще покружился надъ нашими линіями нѣмецкій «таубе» и выпустилъ нѣсколько густыхъ клубовъ какого-то страннаго дыма, напоминавшаго разрывы шрапнелей, только въ увеличенномъ видѣ. И хотя дружнымъ обстрѣломъ наша пѣхота прогнала непріятельскій аэропланъ и онъ поспѣшилъ убраться во-свояси, видимо подбитый, однако замѣчалось все меньше перелетовъ и недолетовъ нѣмецкихъ снарядовъ.

Огонь становился губительнымъ, разворачивая блиндажи и убивая укрывшихся подъ ними.

Нѣмцы, обстрѣливая окопавшуюся пѣхоту больше ради моральнаго воздѣйствія, хотѣли нащупать полевую батарею, искусно закопавшуюся въ полуверстѣ позади пѣхоты. Орудія были глубоко запрятаны въ земляныхъ гнѣздахъ, еще къ тому же замаскированныя дерномъ и свѣже нарубленными вѣтками. У наблюдательнаго пункта руководилъ огнемъ пожилой артиллерійскій офицеръ въ очкахъ и съ биноклемъ. Онъ отрывался отъ бинокля, чтобы бросить нѣсколько отрывистыхъ командныхъ словъ, или переговорить по полевому телефону.

Артиллеристу давно не нравилась маленькая березовая роща, являвшаяся какъ бы продолженіемъ лѣваго фланга непріятельскихъ позицій. Онъ былъ убѣжденъ, что нѣмцы используютъ ее, въ концѣ концовъ, какъ прикрытіе. И дѣйствительно использовали, открывая изъ-за этихъ бѣлыхъ, жиденькихъ стволовъ поминутный огонь. И сразу какъ-то, по-особому ожило мертвое поле, эта широкая грань между дерущимися сторонами. И было такое впечатлѣніе, какъ если бъ крупный и сильный дождь хлынулъ вдругъ на сухую пыльную землю. Это и былъ дождь, только свинцовый. Наши сидѣли въ окопахъ, не смѣя высунуть головы. Ружейные залпы, сыпавшіеся въ изобиліи съ нѣмецкихъ позицій, были сущіе пустяки въ сравненіи съ дѣйствіемъ пулеметовъ. И дернула же нелегкая этого солдата подняться надъ окопомъ! Его тотчасъ же перерѣзало пополамъ «чертовой поливалкой». Этимъ словечкомъ окрестили солдаты пулеметъ въ работѣ.

Артиллерійскій офицеръ донесъ по телефону въ штабъ о положеніи дѣла, и тотчасъ же въ отвѣтъ ему былъ отданъ приказъ обстрѣлять пулеметы. На березовой рощицѣ онъ сосредоточилъ огонь всей батареи. И видѣлъ въ бинокль разрушительное дѣйствіе своихъ снарядовъ.

Пѣхотнымъ частямъ приказано было перейти въ наступленіе. Страшные своей непоколебимой стойкостью сибирскіе стрѣлки, приземистые, плечистые, словно гномы въ косматыхъ папахахъ, появившіеся вдругъ откуда-то изъ глубины земли, бокомъ, согнувшись и грозно держа винтовку, шли на непріятельскіе окопы. Шли крѣпко, по-медвѣжьи, презирая обычную манеру пѣхоты перебѣгать, ложиться и, давъ залпъ-другой, бѣжать дальше и снова падать. Правда, они падали, но съ тѣмъ, чтобы не подняться больше, падали, сраженные пулями. Но это не могло задержать медленнаго, стихійнаго движенія впередъ этихъ скуластыхъ, узкоглазыхъ крѣпышей въ мохнатыхъ шапкахъ.

И такъ дошли они медвѣжьимъ, полусогнутымъ скокомъ до первыхъ траншей. И не выдержали нѣмцы одного вида этихъ сибиряковъ, показавшихся имъ чудовищами. А кто не успѣлъ убѣжать—былъ заколотъ на мѣстѣ. Сумрачно, спокойно, безъ криковъ, безъ ярости бились въ рукопашную сибирскіе стрѣлки. Это было еще страшнѣе, чѣмъ если бы они дрались горячо и шумно. И они гнали передъ собою спины въ синихъ мундирахъ и съ такимъ же тяжелымъ угнетающимъ безмолвіемъ достигли вторыхъ окоповъ. И здѣсь—та же паника. И здѣсь того, кто замѣшкался или, скованный страхомъ, загипнотизированный плоскими, скуластыми лицами, потерялъ способность движенія и зацѣпенѣлъ на мѣстѣ, ждала смерть.

И, казалось, ничто не въ силахъ остановить и поколебать ихъ натиска. Но послышались какіе-то крики въ тылу. Во весь опоръ подскакалъ верхомъ адъютантъ и съ изступленнымъ лицомъ бросилъ нѣсколько словъ одному изъ батальонныхъ командировъ. И черезъ минуту офицеры кричали по всей линіи:

— Назадъ!

Кавалерійской развѣдкой, чудомъ какимъ-то пробравшейся въ непріятельскій тылъ, было обнаружено присут-

ствіе въ резервѣ цѣлой свѣжей дивизіи, успѣвшей превосходно окопаться. Дальнѣйшая атака явилась бы сплошнымъ безуміемъ, и сибирскіе стрѣлки должны были отступить. Съ неохотой, молча и медленно отходили они назадъ.

Надо было совсѣмъ очистить всѣ позиціи. И затихъ на время бой, смолкла перестрѣлка. Лишь доносились одиночные выстрѣлы орудій. Наступило временное перемиріе, безъ всякаго взаимнаго уговора, чтобы та и другая сторона могла убрать своихъ раненыхъ.

Лавируя между окопами, гудя и содрогаясь, выѣхали два блѣдно-аспиднаго цвѣта автомобиля Краснаго Креста. За ними еще нѣсколько двуколокъ. Разбрелись по полю санитары съ носилками. Сестры милосердія со своими сумками черезъ плечо обходили тамъ и сямъ лежащихъ на землѣ стрѣлковъ. Несмотря на ужасныя раны, немногіе стонали. Большинство этихъ узкоглазыхъ, скуластыхъ людей, стиснувъ зубы съ какимъ-то фанатизмомъ Востока, разметались равнодушными сѣрыми глыбами. Надъ одной изъ этихъ «глыбъ» остановилась Ливинская. Двѣ пули раздробили ногу ниже колѣна. Грубый и тяжелый сапогъ размякъ и разбухъ весь отъ обильнаго кровоизліянія. Ливинская, присѣвъ на одно колѣно и вынувъ изъ своей сумочки перевязочный матеріалъ, пыталась стащить съ ноги солдата сапогъ.

Она не видѣла, какъ изъ березовой рощи выѣхали нѣсколько всадниковъ и шагомъ направились туда, гдѣ работалъ русскій санитарный отрядъ. Всадники спѣшились. Это былъ разъѣздъ прусскихъ гусаръ, называемыхъ „гусарами смерти“. Черныя венгерки, расшитыя бѣлыми шнурами. На черныхъ въ обтяжку рейтузахъ вышиты бѣлые черепа съ двумя, крестъ-накрестъ, костями. И такіе же бѣлые черепа на мѣховыхъ шапкахъ. Разъѣздомъ гусаръ—ихъ было человѣкъ двѣнадцать,—командовалъ бритый, молодой, вѣрнѣе, моложавый, офицеръ-блондинъ.

Офицеръ, нащупавъ своимъ биноклемъ дали, убѣдился, что русскіе отступили довольно далеко, и нѣтъ основанія опасаться нападенія. Тѣмъ болѣе, что въ ближайшемъ тылу—все „свои". И не горсть какая-нибудь, а двѣ дивизіи.

Офицеръ велѣлъ своимъ гусарамъ обстрѣлять русскій Красный Крестъ. Для этого онъ и спѣшилъ своихъ людей. Затрещали выстрѣлы карабиновъ. Началась гнусная охота по беззащитнымъ.

Гусарскій офицеръ видѣлъ,—это было всего въ пятистахъ шагахъ,—какъ удачный залпъ его разъѣзда уложилъ двухъ санитаровъ, шедшихъ съ носилками.

Этотъ обстрѣлъ произвелъ панику. Еще два-три уцѣлѣвшихъ санитара бросились бѣжать. Одинъ пытался отстрѣливаться изъ револьвера, но его уложили на мѣстѣ. Заметались, не зная, какъ быть и что дѣлать, сестры. Къ чести ихъ, онѣ оказались отважнѣе бѣжавшихъ санитаровъ и, не взирая на свистѣвшія мимо пули, не покидали своего поста.

Странное, непонятное спокойствіе овладѣло Ливинской. Этотъ обстрѣлъ нисколько ея не смутилъ и не обвѣялъ страхомъ. Все свое вниманіе она сосредоточила на томъ, чтобъ стащить у сибирскаго стрѣлка влажный и липкій отъ крови сапогъ. Ему было нестерпимо больно, однако онъ крѣпился, молчалъ.

Довольный затѣянной имъ кровавой забавой, офицеръ велѣлъ своимъ гусарамъ сѣсть на коней и, самъ вынесшись впередъ полевымъ галопомъ, поскакалъ къ сестрѣ, возившейся надъ сѣрой неподвижной фигурой. У этой скорбной группы офицеръ осадилъ коня.

— Встать! Руки вверхъ! —крикнулъ онъ съ какими-то визгливыми нотами.

Ливинская медленно поднялась и такъ же медленно, громко и смѣло бросила въ лицо этому всаднику въ мѣховой шапкѣ съ бѣлымъ черепомъ:

— Убійцы, разбойники!.. Проклятье вамъ!

Ихъ глаза встрѣтились. И они мгновенно узнали другъ друга,—Ванда Ливинская и баронъ Гумбергъ... Нарядная кавалерійская форма ничуть не измѣнила его и даже не скрасила. Та. же сухая, жестокая линія бритогубаго рта, и глаза свѣтлые, холодные, все тѣ же.

— Такъ вотъ гдѣ мы встрѣтились съ вами, госпожа Ливинская!—улыбаясь, протянулъ Гумбергъ. – Весьма счастливъ этой неожиданной встрѣчей. Отдать справедливость, нарядъ сестры милосердія вамъ весьма къ лицу.

Она молчала, глядя на него, и трудно было сказать, чего больше въ этомъ взглядѣ, ненависти, или презрѣнія. Она поняла, что случилось что-то непоправимое и страшное, отъ чего нѣтъ спасенія. Этотъ человѣкъ не проститъ ей ни бѣгства, ни „измѣны", ни ея ухода за русскими ранеными.

А сибирскій стрѣлокъ зашевелился и, сдѣлавъ усиліе, тянулся рукою къ лежавшей рядомъ винтовкѣ. Но онъ не успѣлъ даже коснуться ея. Одинъ изъ подоспѣвшихъ гусаръ прикончилъ его изъ револьвера.

Гумбергъ приказалъ своимъ людямъ:

— Связать ее, на лошадь, и за мною!..

Она не сопротивлялась. Какой смыслъ?—двѣнадцать вооруженныхъ солдатъ! Она стояла неподвижно, и это какъ-то обезоруживающе дѣйствовало на гусаръ. И тотъ, который подошелъ къ ней съ веревкой, замѣшкался въ нерѣшительности. Но Гумбергъ наѣхалъ на него грудью своего коня и вытянулъ по лицу стэкомъ.

Скрутили за спиною руки. Гусаръ перебросилъ ее черезъ сѣдло, и отрядъ на рысяхъ двинулся въ березовую рощу. Тамъ Гумбергъ велѣлъ развязать Ванду.

— А теперь побесѣдуемъ,—сказалъ Гумбергъ.

— Намъ не о чемъ съ вами бесѣдовать,—возразила Ливинская, не опуская взгляда.—Вы всѣ—палачи, и, какъ

всякій палачъ, вы—трусъ. Съ женщиной вы храбры. Но два-три казака обратили бы васъ въ бѣгство. Что же вы медлите, господинъ Гумбергъ? Мучьте меня, разстрѣливайте! Вѣдь я же всецѣло въ вашей власти.

— Да, вы въ моей власти. И поэтому я совѣтую вамъ быть осторожнѣе и разборчивѣе въ выраженіяхъ. Вы измѣнили намъ, вѣроломно бѣжали и, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ концѣ концовъ, выдали вашего благодѣтеля господина фонъ-Юстіуса. Я вѣдь все знаю. И знаю печальную участь, постигшую этого истиннаго патріота великой Германіи. Это предательство—дѣло вашихъ рукъ! Что же вы можете сказать въ ваше оправданіе?

— Ничего! Я считаю ниже себя—оправдываться въ чемъ бы то ни было передъ вами. Слышите, вами?—измѣняя своему спокойствію, съ бѣшеной злобою бросила она ему.—Негодяй, обиравшій женщину!..

Гумбергъ съ закушенной губой шагнулъ къ ней съ поднятымъ стэкомъ.

— Я изобью тебя прежде, чѣмъ повѣсить!..

— Бей, мучитель, извергъ!

И она гордо подняла свою красивую голову, съ черными змѣями волосъ, выбившихся изъ-подъ бѣлаго платка.

Поодаль стояли гусары, тупо наблюдая эту сцену и вслушиваясь въ незнакомую французскую рѣчь.

Гумбергъ опустилъ уже занесенный стэкъ.

— Послушайте, какой бы вы тамъ вздоръ ни болтали, мнѣ васъ жаль. И кромѣ того, я сохранилъ воспоминаніе о нѣкоторыхъ минутахъ...

— Молчи, гадина! Не вспоминай этого ужаса!

И, сдернувъ съ себя платокъ, Ванда, охваченная какимъ-то безуміемъ, рвала съ искаженнымъ лицомъ свои густые, буйные волосы.

— Ну, хорошо. Оставимъ воспоминанія. Я готовъ спасти вамъ жизнь... подъ однимъ условіемъ. Вы искупите

свою вину тѣмъ, что вернетесь къ своей прежней работѣ на пользу...

Гумбергъ не успѣлъ кончить. Ванда бросилась къ нему и ударила по лицу.

Опять скрутили за спиною руки до боли, до ссадинъ, и спутали веревкою ноги. Гусаръ, ставъ на сѣдло, перебрасывалъ черезъ березовый сукъ петлю... Гумбергъ съ горѣвшей щекою дрожащими пальцами закуривалъ сигару...

Все тише и тише покачивался трупъ... И когда уже не было никакого сомнѣнія, двѣнадцать всадниковъ съ бѣлыми черепами на мѣховыхъ шапкахъ сѣли на коней и уѣхали вмѣстѣ со своимъ офицеромъ..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Цѣна.	
Гамсунъ, К. Дѣти времени. Романъ	1	—
Гаринъ, Н. Т. I. Дѣтство Тёмы	1	25
„ Т. II Гимназисты	1	25
„ Т. Ш. Гимназисты	1	25
„ Т. IV. Инженеры	1	25
„ Т. VI. Въ странѣ желтаго дьявола. Ч. I	1	25
„ Т. VII. „ „ „ „ Ч. II	1	25
„ Т. VIII. Въ сутолокѣ провинціальной жизни	1	25
„ Т. IX. Орхидея	1	25
„ Т. X. Война. Ч. I	1	25
„ Т. XI. „ Ч. II	1	25
„ Т. XII. Сумерки. Разсказы	1	25
„ Т. XIII. Клотильда „	1	25
„ Т. XIV. Въ деревнѣ „	1	25
„ Т. XV. На ходу „	1	25
„ Т. XVI. Дикій человѣкъ „	1	25
„ Т. XVII. Правда „	1	25
„ Т. XVIII. Въ странѣ утренняго спокойствія	1	25
„ Т. XIX. Дѣтскіе разсказы	1	25
Милль, П. Собр. соч. т. I. По бѣлу свѣту	1	—
„ „ „ т. II. Барново въ Парижѣ	1	—
„ „ „ т. III. По ту сторону добра и зла	1	—
Маргеритъ-Оду. Мари Клеръ	—	75
Олигеръ, Н. Праздникъ весны. Романъ	1	25
Немировичъ-Данченко, В. Жизнь зоветъ!..	1	50
„ „ Хорошая компанія	1	50
„ „ Тихій свѣтъ. Романъ	1	50
Пильскій, П. Проблемы пола въ современной русской литературѣ	—	80
Подъячевъ, С. Разсказы. Т. I	1	25
„ „ Т. II	1	25
„ „ Т. III	1	25
„ „ Т. IV	1	25
„ „ Т. V	1	25
„ „ Т. VI. Забытые	1	25
Гуревичъ, Исидоръ. Шипы любви. Юмор. разск.	1	25
Гриневская, А. Суровые дни	2	—
Гофмансталь-Гюго. Сказка 672-й ночи	—	60
Ждановъ, Л. Въ сѣтяхъ интриги. Романъ	1	50
„ Смутное время	1	50

		Цѣна.
Каменскій, А. Легкомысленные разсказы	—	60
„ Студенческая любовь	—	60
Кей, Эл. Личность и красота	1	25
Кохановскій, Вл. Разсказы. Т. I	1	25
„ Разсказы. Т. II	1	25
Купринъ, А. И. Кадеты	—	60
„ Олеся	—	60
„ Анри Рошфоръ	—	80
Купчинскій, Ф. Герои тыла	1	25
Лазаревскій, Б. Красота. Собр. соч. Т. VII	1	25
Ленскій, В. Счастье	1	25
Людвикъ, М. Подъ сѣнью одноглаваго орла. Романъ-пророчество	1	50
Лэди. Путь къ знанію	1	50
Михаэлисъ, К. Опасный возрастъ	—	60
Прево, М. Собр. соч. Т. I. Муки Ада	1	—
„ „ „ Т. II. Любовь женщины	1	—
Рахмановъ. Наука, какъ психологія о личности	—	80
Рейтеръ, Г. Проблема брака	—	30
Рукавишниковъ, И. Проклятый родъ. Романъ въ 3 ч.		
„ Ч. I. Семья желѣзнаго старика . . .	—	75
„ Ч. II. Макаровичи	1	50
„ Ч. III. На путяхъ смерти	1	—
Свирскій, А. И. Собр. соч. Т. I. Разсказы	1	25
„ „ „ Т. II „	1	25
„ „ „ Т. III „	1	25
„ „ „ Т. IV „	1	25
„ „ „ Т. V. Богъ любви	1	25
„ „ „ Т. VI. Во имя родины . . .	1	25
Скиталецъ. Собр. соч. Т. IV	1	—
„ „ „ Т. V	1	25
„ „ „ Т. VI. Метеоръ	1	25
Тимковскій. Въ дворянской берлогѣ. Собр. соч. Т. VIII .	1	25
У источника жизни. Наст. книга по воспит. дѣтей . . .	1	25
Форель, Авг. Половой вопросъ. 2 т. 6-ое изд.	2	50
Черни, проф. Врачъ, какъ воспитатель ребенка	—	50
Чириковъ, Е. Пьесы	—	50
Шлихъ, Баронъ, фонъ. Жизнь золотыхъ мотыльковъ. Романъ	1	25
Шоу, Б. Апостолъ сатаны	—	75

Штраусъ, Д.	Миѳическая исторія Іисуса	1	—
„	Чудеса Христа. 3-е изд.	—	50
Юшкевичъ, С.	Собр. соч. Т. VII	1	25

ЦВѢТНЫЕ СБОРНИКИ:

№ 1. **Розовый**. Содержаніе: Купринъ — Карменъ. Будищевъ — Одинъ на одинъ. А. Каменскій—Заяцъ. Гаринъ—Когда то. Свирскій—На волоскѣ	—	60
№ 2. **Изумрудный**. Содержаніе: Купринъ, А. — Ницца пляшетъ. Юшкевичъ —Гувернантка. Измайлова —Миражъ на болотѣ и друг.	—	60
№ 3. **Сиреневый**. Содержаніе: Брюссовъ — Въ зеркалѣ. Каменскій—Случайность. Ленскій — Надъ озеромъ. Муйжель—У моря и друг.	—	60

